

Raisa Abramovna Livshits

1991 October 16

English transcript

This is the story of Raisa Abramovna Livshits.

Q: Raisa, please tell us about yourself.

A: I was born in the city of Minsk in April of 1919. My father, Abram Woolfovich Livshits, was born in 1896. My mother, Esther Livshits, whose maiden name was Rogova, was born in 1892.

My father was a clerk. We lived as family of average means. My childhood was like the childhood of all Soviet children. I went to school . . . During the summer I went to camp for pioneers . . . We had a comfortable lifestyle. We had few concerns. My parents thought of everything. I did not learn Yiddish in my family. Because the children . . . Our parents did not speak Yiddish to us. Sometimes they spoke Yiddish between themselves, so that we children would not understand what they wanted . . . wanted to say. Maybe . . . I do not remember the holidays either, because my father was a Soviet clerk his entire life. And maybe another reason that I don't know is because I didn't know either my grandfather or my grandmother.

My mother was born in western Byelorussia which had previously been Polish territory. And her relations remained there. My father had already lost his parents by the time I became an adult . . . more or less to remember something. Perhaps this is why we had little to do with religion. There. Well, later I finished school and was accepted to medical school. All of this occurred without problems. I passed my exams and was accepted. I studied there for 4 years, until 1941. At that point began the most difficult part of my life.

I married during the third year of medical school. My husband was a student as well, but he was a year ahead of me. After I finished 4 years at

the institute, I was sent to train in the city of Leeda. I went there because . . . I could have remained in Minsk. My father warned me, "Raya, don't go, because the times are not peaceful. War may start, and your location is almost at the very border."

And I said, "So what. We will not fight on our territory." And also, I just wanted to see. This was almost a foreign country, after all.

So I came to Leeda. There I trained . . . trained for only a month, a month and a half, perhaps. Well, then the war started. The war started . . . The city was bombed even before war was declared. Already . . . at night, already in the morning the railroad station was burning, and by day the city was already in flames.

The three of us who were girlfriends and students ran to the military registration and enlistment office because we had an obligation to serve as wartime doctors. It was difficult to pass through; there were so many people. We demanded to be taken to the front. We did not . . . with us . . . they did not want to speak to us. They had more important things to worry about. There were so many people. We continued to demand, "No, we have a military obligation. You have an obligation to take us." But they did not take us to the front. They said, "Young women, leave the city any way you can."

Well, we had to . . . we abandoned everything. We abandoned all our things and went on foot as a group; we went on foot with a large group of refugees in the direction of Minsk.

Our path was very difficult. We had to walk around swamps and woods. During the day we took cover in tall rye . . . We were hungry. We tried to appeal in villages so that they would feed us. In some villages we

were well received. They said, "Our sons may be hungry like you in some place." But in others they did not want to speak to us.

And so in the course of 10 days, with great difficulty, on foot, we reached Minsk.

Minsk was already occupied by the enemy. But when we were walking, we were hoping to reach the previous Polish border, and the enemy would not be allowed beyond it. This is how we were raised, that we would fight on . . . not on our territory . . . and we were young and we believed it. There. When we arrived in Minsk, it was burning from every direction. To tell the truth, it was already almost completely destroyed. They said that you could still see the fire. There . . . Soon . . . yes, there I found my husband's parents and my father. My mother and my sister who had a newborn infant (my sister lived in Moscow but came to give birth) had been evacuated. But, of course, I did not know anything about them. My husband had already left. He managed to finish, pass the last government exam and he . . . well, he was evacuated from the city. He was quickly taken to the front, but this, of course, I learned later. I did not know whether he was alive or not, whether my relatives were alive.

Minsk was occupied quickly . . . , as I have already said, and quickly the order was issued for the formation of the Minsk ghetto.

We attempted . . . to get to the front, not to wind up in the ghetto, to hide somewhere in the villages, but we were betrayed. Perhaps it was our appearance, perhaps something else, I do not know, but all in all, we were forced to return to Minsk. And that is how we wound up in the ghetto. Within 5 days we had to abandon . . . the homes where we . . . where we were living and move to the ghetto. . . Those who did not obey the order were to be shot. These notices were posted all over the city. For the

smallest infraction against any order--you will be shot, you will be shot, you will be shot. We saw these signs on all the walls. (Sigh) . . . A special neighborhood was set aside for the ghetto . . . on the Jubilee Square. It turned out that many Jews lived there. Of course, Russians lived there, too. The Russians were moved. We were moved in . . . we took, that is, a pretty big area of space, several streets, but the neighborhood of the ghetto was surrounded by barbed wire. If you were to slide below the wire or crawl through the wire, you would be shot. Many young children were shot there, who were hungry and tried . . . tried to crawl through the wire to their acquaintances, to their friends, in order to obtain some food for themselves, some food products for themselves, for their hungry families, but most of the children were shot and destroyed. (Sigh)

Soon the order was given about the yellow stars. With German precision, the size and where and how they had to be sewn were proscribed. For not fulfilling this order, again, you would be shot . . . Somewhere . . . They began to kill people at once. People died every day. Vans containing gas came in the evening and at night and they took, they took people and brought them to their gravesites already dead. More and more often there was talk of preparation for pogroms. The first pogrom was planned for November 7, 1941. There were rumors of it. We heard of it from the Russian neighborhood. Then the Jews pretty much dug the holes for themselves. It was . . . These ready made holes were dug in the village of Puchinka. . . Later a memorial was placed there. Many Jews are buried there. And part of the Jews are buried in Jubilee Square, in the so called "hole." We went there every ninth of November after the war ended. We commemorated; there we remembered our relatives who had died . . . who had died.

. . . We had to do something, knowing of the preparation for the pogroms. And so we created "hiding places." In our apartments, in the rooms . . . several families lived in one room. We created hiding places. They were called "malini" there. It was a kind of code. In that code the word was "malina." We had to make malini. This meant that in our house there was niche. We put a wardrobe in front of it . . . We hung all sorts clothes and things in the wardrobe . . . and we put it front and hid there. It was impossible to breathe. Very many people were crammed in there. Children and women with children were not put there because the children would have drawn attention to us. There was a kind of hope that perhaps the children . . . and women would be spared, maybe they wouldn't take those with children. We did not hold the illusion that we would remain alive, but we had to do something; we had to take steps. So there we were inside those "hiding places," hid . . . we were hidden and this time we managed to remain alive.

The next day we were thrown out of this neighborhood . . . The neighborhood narrowed, and it turned into the Russian neighborhood . . . The ghetto, that is, the neighborhood of the ghetto, became narrower. These streets merged into the streets of the Russian neighborhood.

My father was with us. He was very ill; he could not walk. My friend and I carried him. They forced us to put him on the ground. They began to shoot at us. We stopped close to him. They started to shoot at us. We quickly moved away. They shot at him. But he gestured to me to run. I ran but returned back. They began to shoot at me again. I was in such a confused state that I did not know what to do. My father, who was still alive, gestured me to run. They chased me away from him with the barrel of a gun.

And so this neighborhood was surrounded. It also merged into a Russian neighborhood. . . . I could not acquiesce; I had to know if my father were still alive or not. And after . . . late in the evening; in the evening our walking was severely restricted. Late in the evening my friend and I crawled through the barrier and came close to that place, but my father was no longer there. The Germans detained us and made us face the wall. This meant that in reality we were destined to be shot as well. But somehow they tarried, then some people showed up and we . . . we got a chance to run. Again, this time we were saved by some sort of a miracle.

More and more often we heard about the existence of partisan detachments. We dreamed of leaving the ghetto and joining a partisan detachment. For this we had to do something, take some steps. All of us . . . all medical workers got together and thought about how we could gather some medical supplies and bandages so that we would not be empty handed if we could reach and join a partisan detachment . . . Often . . . small children would take you out of the ghetto. And we also looked for ways to find these children with connections so that we could join the partisan detachment.

Those of us who were able-bodied were taken to work under escort along the pavement . . . on the street. With . . . the escort with dogs was on the sides of the road . . . We had no right to separate ourselves, to turn, to recognize someone we know, to talk to someone. For this we would be shot on the spot. I worked with a group of people in the so called "camp 13," the thirteenth camp. There were workrooms there, storage areas. There we cleaned, washed, and performed various menial tasks. And at times we sorted things. And so, in soldiers' uniforms . . . in uniforms my

friend and I found ammunition one day. We decided to take this ammunition. But how could we carry them out? We were subject to searches. And . . . for . . . We did not have the right to remove anything, even groceries. And if . . . we, we, we would be shot. But we took the risk despite this. We had to hide them so that they would not find them. And we got them out.

Q: Where did you hide them?

A: And we managed to take out ammunition.

Q: Where did you hide them?

A: Where did we hide them? We hid them such that they would not fall out, in our clothes. They would not have looked there. They could not. They undressed us occasionally. Sometimes they made us take off all our clothes and searched. All, all sorts of things happened.

All sorts of areas were forbidden to us. We could not walk out on the street late at night . . . Somewhere a Jewish committee formed, the so called "Judenrab". Ilya Mushkin was selected as the chairman of this Judenrab council. He was such an upstanding, conscientious person. He was selected, but he did not have any desire, but he . . . they forced him, they forced him. But he had to carry out all of the German orders. From the Jews he had to take things, gold, all valuables, everything. People, of course, attempted to hide things. He did not carry out the orders of the Germans completely. And for this he was shot.

And despite the fact that it was forbidden we often gathered by the Judenrab during the day. Well, we talked--to have some sort of contact among ourselves. And so one day a few of us were gathered together and were approached by the new chairman of the Jewish committee, one called Epstein, the one who served the Germans very zealously. Subsequently, he

was shot by the partisans. Incidentally, I witnessed it. He and an additional group of people. He detained me, for what reason I do not know. And he took me to the commander. There they took off my clothes, searched me, began to question. I, of course, was very confused. When they questioned me, I pretended that I did not know German, but Jews, in principle, should understand . . . German. But I tell them, "No." To everything I answered, "I don't understand, I don't understand." He became angry, ordered me to dress, and they took me . . . they shut me in a room. What was waiting for me there? I don't know. What was the purpose? Well, of course, they would not let me out alive.

I was living with my mother-in-law, the mother of my husband. She was very brave, able to take risks, a fighter; she reminded me of a Russian woman. She went there, to the guard, she gave, she showed him the gold watch and ring which we were able to hide by a miracle because they took everything away from us: all valuables, all. She prevailed upon him to let me out. And through some sort of a miracle--again a miracle happened--they let me out. This is how I remained alive this time.

"May we take a short break?"-- a request of Raisa A.

The camp was becoming drastically decimated. There were fewer and fewer people. They killed them, destroyed them in pogroms, so often. People attempted to leave the ghetto. They were killed on the way. And so, we also decided to leave, somehow leave the ghetto. We knew that . . . in . . . there was a village--"Staroye Celo." There was a woman there, a Byelorussian woman named Moosya. For some reason all knew her . . . they had heard of her. And they called her the ambassador on the way out of the ghetto to the detachment of partisans. We . . . made an agreement with a 13 year old girl, Simochka, who was a courier for the partisan brigade in

and out of the ghetto and who got people out. And so we, three women and one man, made an agreement with her so that she would take us out of the ghetto. It was all very risky because we had to go to work with our column daily. And here we decided that we would not come out to work, we will join the column which . . . daily different people were picked there for different jobs, and we would join that column. We had sewn on our stars in such a way that if you pulled a knot, you could easily remove it . . . We . . . we had . . . that is, a little medicine . . . we had ammunition and one pistol among us three. And so we did not go with empty hands. We joined that column. We walked . . . on the side closest to the pavement. We stood behind one another. Simochka walked on the pavement. It must have been spring, perhaps 7 o'clock in the morning . . . People were walking, hurrying to work. We had to leave the column. We ripped the patch off of the person in front of us. We left the column, each one on his own. We thought, now we will be met, some policeman will see us or . . . the people who are hurrying to work. Because there are all sorts of people, and they could have given us away. But it was the opposite: they concealed us and said, "Hurry, hurry, hurry." This is how they concealed us the entire time. "Run, run!" We knew that we had to make it to the brick factory. If we could successfully make it to the brick factory, then the danger has passed. There the Germans do not take the risk because . . . there in the villages you could often encounter the partisans. But the Germans and the police, they were under orders, they were also very afraid, they only went into the villages under orders, or else they were afraid to go to the villages. This is how we made it to the brick factory. The rest of the way we made with Simochka. She took us to this . . . to the Staroye Celo to the Byelorussian woman Moosya. She fed us. She was a very kind woman. She

. . . at her place you could always find a glass of milk, a piece of bread. She would feed you, and most importantly, she would give the pass into the woods, give the directions into the woods. And so she told us, that is . . . showed us the way to reach the village of Shirmontovo. There the partisans would pick you up. There you will join the partisan detachment.

And so on April 28, 1943, I found myself in the Parhomenko partisan detachment, the Stalin bridge. I thought of this as my second birthday. If I should remain alive or not, whatever happens, I am not in the hands of the Germans. I remained in that partisan detachment for a very short time, because I as a medical worker, well, a student, I finished 4 years; they took me to the partisan hospital. In the partisan hospital, it . . . was located in a very dense forest, a forest with a swamp surrounding it . . . It was the Nulevodskaya forest. The forest was very large. Part of the forest was called the Nulevodskaya forest. There stood the partisan hospital. The dugouts had been formed and we . . . We had two surgeons, a few students, then nurses. There were medical attendants. We worked there. There were admitted . . . many wounded from many different detachments were admitted there. And we . . . operated on them. Well, after all, I had already finished 4 years, I already knew a little something. I was both a nurse and a doctor. I helped, I assisted the surgeons occasionally. And so we lived in this partisans' hospital until September . . . until the month of September, 1943 . . . A seige began. That is . . . the German units . . . the enemy units, it would be more accurate to say, surrounded the Nulevodskaya forest and all the detachments that were in it. In addition to this they forced our hospital into the swamp. These swamps were . . . well, a thick forest made of woods and swamps. These swamps were very dense and deep. In one part the depth came up to here,

in another place up to the knee. And so we . . . There were hillocks, there were drier places. And thus we were in that swamp for ten days. We heard gun fire, but the Germans did not reach us. We were hungry. We drank the water from the swamp. The crackers which we were given to take with us were finished very quickly . . . A new born baby which the mother held in her arms . . . Incidentally, before the seige I delivered it myself. This was our medical attendant, our nur . . . from our hospital. I had done my first delivery, I delivered this . . . which I delivered. I delivered this child. But soon we were forced into the swamp. And the mother drowned this newborn baby in the swamp. She sacrificed her own child to save the group, because the child was crying from hunger. There was nothing to feed him. This was a big tragedy. We were all deeply affected by it. But there was no other way. But very many people died. But when the seige was over, we emerged from the woods, well, from the swamp. We emerged from the swamp . . . We got under way. We met the partisans. We did not know where we were located, because this was a dense wood. It was . . . you could very easily become lost in it! Well, gradually we found the partisans. Then I found my surgeon . . . our surgeon. We went to our previous camp . . . The heavily wounded (I had omitted this) we had hid in the deep woods with . . . two medical workers, but I hid in the swamp with the rest of the medical workers, with the lightly wounded. And so we managed to save the heavily wounded. We began to restore the dugouts and our hospital became functional again. But the quiet did not last long. Another seige began after a month. We had to abandon the camp . . . our hospital . . . We had to disband our camp, our hospital . . . We left the camp. We had the very ill. We carried them on stretchers. And so, we had the lightly wounded as well. They began to

make their way to their own detachments. But the heavily wounded on stretchers (there were 4 of them) they left in the swamp with me . . . There, in the swamp, there are the dry spots, the hillocks. It was already fall . . . That is . . . the stretchers were placed between the hillocks . . . I . . . They left me some groceries, enough for 2 days. They said that in two days they will return for us. But there were 4 people, heavily wounded. Everything that was warm, these peasant felt coats, we left all this for them, so that they could . . . I had, I had a pistol and a carbine with me. These were my weapons which I never abandoned. I always had them with me . . . They left two healthy elderly men to help me. Well, we cooked what they left us . . . we cooked those groceries . . . they lasted for 2 days . . . Then the supplies ran out . . . we began . . . I began to gather the bones which had been thrown away, cabbage leaves, the potato peels which had been disposed of. I overcooked them in the swamp water. The last remaining box of matches which we had, we tried to save so that it would not become damp . . . We had a way to start a fire because there was dead wood. So, I gathered cranberries; I got cranberries for the wounded. They were already nauseated and I was, too. Later we could not do all this . . . We would rather not have eaten anything . . . Two of those healthy men said . . . they abandoned us . . . they said, "We will die here anyway. We will go. Maybe we will find the partisans." Because we did not know who was surrounding us--the partisans or the enemy? We did not know because the woods and swamps were so dense there . . . In the evening, of course, it was dreadfully cold. We covered ourselves. We froze . . . but there were days . . . there were sunny days, and we warmed up a little. I moved farther and farther away from my wounded because there was one Azerbaijani among us. He tells me, "Raya, you have a gun. We will die.

Give me the gun. You are a woman, you can't manage it. I will kill you and kill myself." I said, "Don't you dare! Don't even think about it." And do you know where I got . . . I am not . . . not a very strong person, but I never cried there. And then one day, it was late, it was twilight. Ten days had passed, and we lost all hope. And then we see some people moving. We arose, even the wounded . . . one of the heavily wounded had a broken hip. By the way, I gave anaesthetization shots using nonsterile syringes. And as it happened, we did not have a single complication, not a single one. He arose (from where did he get . . . get the strength) on one leg, he began to yell, see . . . we began to raise our voices. It seemed that they heard . . . heard us. They began to get closer and closer. And when we saw that they were ours, our people, our partisans who, who had to come for us. And we began to wave our arms at them, yell that we are here, we are here. And we . . . we also heard from afar . . . they were so . . . muffled, they began to yell in case we would answer. Indistinctly they yelled, "Raya, Raya!" That we, that is, and I . . . And we heard it. Do you understand? We heard them. When we began to yell, we began to wave at them. To be brief, they were approaching us. They got close to us. Then I began to cry for the first time. Well, we asked them, "Give us at least a piece of cracker or something." They gave it to us. They said, "Well, there. We will now get you out of here.["] And there, that is, we had a surgeon by the last name of Odurin. Ivan Mefodevich, I remember him . . . now. He said, "There is Luba the orderly." She was his wife and a partisan. There . . . He . . . said that they are preparing food for you there and everything. We had searched for you for a long time. But the woods are very large. Really, they searched for us; they could not find us. Finally, they were exhausted themselves. Well, they took us to the group that was waiting for us. There they cooked

food for us but fed us very carefully so that we would not eat too much. We were warm. Well, how warm? They made beds for us, that is, we covered ourselves, we had something to cover ourselves with. Well, we spent a night like this. And later we moved . . . moved in the direction of our partisan detachment. Because the detachm . . . the hospital and the detachment were disbanded. The partisan brigade was still in existence . . . We arrived there. There we were met with joy because we were alive . . . They tried . . . to help us. I was barefoot. I had . . . some sort of ripped canvas shoes. Well, they brought to us, the ones that could, they brought to us . . . And we were placed in the brigade. We were not there for long. Later they began to organize new detachments. And so I found myself in the Kirov detachment, the Stalin brigade. The detachment was not large in the beginning. We were all on the move, all the women, there were only three of us. We moved to . . . to the territory of this detachment because the dugouts had been built; they remained. People moved from one detachment to another. And so we moved, settled ourselves, and formed a new detachment. There I played the role of the doctor and the sister and the orderly. I helped in the kitchen when I had to. Well, I did everything that had to be done. I did not keep account of anything. The wounded knew that if they had made any request of me, I would help them always, especially when the bombing began. I am not brave, I cannot say that I am a brave person, but at that moment I acquired a kind of . . . I don't know . . . I was not afraid. And they always said to me, "Little sister, you look out, little sister, if . . . "--in Byelorussian--"if they wound me, do not abandon me, look out, help me . . .," and things like this. Well, of course, I cannot say that . . . they treated me very well, very warmly. If they brought in one who was heavily wounded . . . because there were missions (meaning

the war action of the partisans), we went on the missions. Sometimes they took me, sometimes they didn't. I also participated in the missions. I participated in the liberation . . . of the small town of Radoshkovichi . . . Radosh . . . in the liberation of Ivenetz. I participated in the railroad campaign. Well, that is how we existed in that detachment . . . until July 4, 1944. And on the 4th of July we abandon . . . we emerged from the woods and moved in the direction of Minsk. The way was not an easy one. We still ran into the enemy, there were still exchanges of fire, and people still died. But we made it to Minsk by this route . . . I was awarded the medal of "Partisan of the Patriotic War", the order of the "Patriotic War," second rank, and other decorations. Well, that is how I came to be in Minsk. I had to begin my life over again.

While I was in the partisan detachment, I sent the wounded to the "Bolshaya Zemlya." And so I sent with them to Moscow . . . I had a sister living in Moscow. Whether she was alive or dead, I didn't know. Is my husband alive? I didn't know that either. In spite of this, I sent letters to this address . . . And one of the letters arrived. It arrived . . . My sister by that time had been evacuated. She worked in the Communications Ministry. The letter had been passed on . . . it had been sent to where she had been evacuated. She had by that time returned to Moscow. Someone had kept the letter and returned it to her. And so she read that I am alive, that I am with the partisans. She was with mother. She very carefully . . . told this to my mother, because they had thought that I had perished. Even eye-witnesses had been found who . . . had said that they had seen me dead on the road from Leeda to Minsk. Some eye-witnesses like this had been found. They had immediately informed my husband who was at the front and all the relatives who were still alive. Well, searches for me began.

They began to search for me. My sister, because she . . . worked in communications, she sent a radio-letter, she sent very many radio-letters. Maybe it would reach me, but nothing reached me. When I returned to Minsk, I went and asked . . . we were . . . there was a city park there . . . it was summer . . . we all settled there. I and a friend of mine who was the commander of our detachment (they had not dispersed us yet, had not let us go), asked so that we may be allowed to go into the city. And so we went. We placed our carbines on our shoulders and went into the city. Of course, we went to look for my house and for my relatives. Everything was destroyed. And so I see . . . in one . . . a line has formed before one house. We ask what is going on here. They tell us--they are giving out letters here "on demand" here. I tell my friend, "Let us stand here." She said, "Oh come now, who is writing to us?" I said, "Well, let us stand, I am asking you, let us stand." Our turn came. She . . . that is . . . I said . . . my name is Livshits, and Livshits is a very common name. Well, she began to sort and sort. Livshits Raisa Abramovna. There was a little triangle with an address inside . . . the handwriting of my husband. Well, we were, I don't know, in hysterics. He had written addressing himself to me or to whomever received this letter. He asks to inform me that he is in the army. He is also a doctor in some sort of a field hospital, some sort of . . . number of a field post office. That is, if they find me, I should answer. He indicated that my mother and my sister are in Moscow at a certain address. And I, here began my tie with my relatives. I began to write to them. They found me. They knew, that is, that I was alive; that is, they knew that I had arrived in Minsk. Well, and lat . . . later you had to build your life.

Should I continue?

When they let us go, disbanded everyone . . . that is, my goal was to finish the last year at the medical institute. Until . . . the medical institute reopened, I got a job as a medical assistant in the prisoner of war camp. But the medical institute very quickly returned from evacuation in Yaroslavl and, of course, they quickly placed me in fourth year. They all knew me and the director of the institute remembered me, the teachers remembered. And I needed two witness affidavits. Of course, no one denied them to me. It was just the opposite. The director of the institute called me into his cabinet, asked me questions because he also had a son and a daughter--his son studied with me--he was also with the partisans. And the daughter had died. He asked me about everything in detail. There. Well, I finished the fifth year of medical school, I remember, in December . . . of 1945. I lived in a dormitory with my friend, sharing a single cot during the entire fifth year, because there was no room in the dormitory. Well, I finished the institute. At this time my husband was serving in the army in Germany. But all the documents had burned. I had nothing with which to prove that I was married and had been married since 1939. I was sent to work in the hospital for the invalids from the Patriotic War. It was in the city of Borisov, not very far from Minsk. And there I worked until my husband came to me. So he came. He came to us in Borisov, I remember. We were hungry. We bought potat . . . a pail of potatoes for all of us, for all the doctors. And so we gathered in the evenings and cooked these potatoes. We never had enough rations. We always ate it all very quickly.

He brought groceries for us, brought everything. Well, we had a party, and I said good-bye to them. And I left with my husband for Germany. After everything that I had been through to wind up in these

circumstances! I worked there at a hospital where my husband worked as a civilian doctor. There. Well, I worked there. Because my husband was in the service, he was constantly moved around . . . We lived in Zakarpatye. We spent 8 years in Sahalin, in different cities in Sahalin. I worked there as a civilian doctor as well. Then they sent him to Byelorussia. And there he was demobilized in 1963. He had certain privileges as one who is retired. He could choose a place to live. And we moved to Minsk. We suffered a little, living in a private apartment, but later we were given an apartment. Well, and so we lived and worked. I worked in the hospital for skin and venereal diseases in Minsk. My husband worked in this hospital as well, after demobilization. He had been a surgeon, but when the hospital was disbanded, there were very many patients with venereal diseases and they made him a skin/venereal disease [specialist]. Because of this I also came to specialize in skin/venereal diseases. I worked there. So, thus my husband and I lived together until . . .

Q: What was your husband's name?

A: My husband's name was . . . His last name was Tzivis. I am using my maiden name. His name was Lyova, Lev Vladimirovich. He was 5 years older than I. But he finished the medical institute one year, one year . . . this means that he was only one year ahead of me, because there he had been in vocational school. In this way he had become a doctor, got to the medical institute. But I . . . since I was 10 years old and it was all serene. I thought that all would continue as is. There.

Q: Did you ever plan on going to Israel or to America?

A: You know, the answer is no. We never planned to do it. We never planned to do it because my husband was against it . . . He did not even want to hear about it. Well, and no one among us really thought of it. Then

in 1979 . . . I have a daughter . . . I have a son and a daughter. My daughter was already married and they wanted to leave. My husband was very . . . he objected.

. . . They wanted to go to America. My husband strongly objected, but . . . he would have signed for them. I said, "There is nothing that we can do with you. We will sign." . . . My husband's parents said, "No." Under no circumstances, under no circumstances. My father-in-law, his father, he was just recently demobilized, he was also a lieutenant colonel. The father would have never, the parents . . . Under no circumstances. In 1984, in 1987 . . . well, when people began to leave . . . my children, especially the younger, talked of leaving. In 1987 my husband died. Despite this that year was rather calm. Because my older son was not yet thinking of leaving. And then all got the burning desire--that we will leave, we will leave, we will leave. We turned in the documents. We held the summons. And we left. We had relatives in San Francisco . . . my daughter-in-law's, the wife of my son . . . They had "called" my son . . . We also had a summons. When we had come to Italy, my son . . . my son had come only 8 months before. Well, . . . he made a summons for us. And so we came to San Francisco. We live here. My older son has lived here for 2 years.

Q: Raisa Abramovna, let us return to other events. Your father was born in 1885.

A: Approximately, approximately.

Q: Simply about the events of childhood. Did you detect anti-semitism in Minsk?

A: No, I did not detect anti-semitism. We lived, I remember, in a yard . . . We had a yard some time ago and many, many apartments. And Russians

lived there . . . Jews . . . and we did not feel different. My father was especially respected. Because they turned to him for advice . . . to write an application somewhere, something . . . we did not feel it. And when I was studying, there was never any talk of it. I had girlfriends . . . friends--Russians, Jews . . . Sometimes, as a joke, if the students in school wanted to pass notes, we learned a few Yiddish letters . . . and wrote and passed notes. Well, this was a joke! Never, never from my teachers did I experience anti-semitism before the war. Not I, and I think, not my parents.

Q: What about when you applied to the institute?

A: I was accepted. I applied . . . I finished 10th grade and turned in an application. At that point you needed to have very many courses for some reason. History, the constitution, Russian, Byelorussian, and all the subjects. Well, I passed all my subjects, withstood the competition, and was accepted to the institute.

Q: Were there many Jews at the institute?

A: Very many because Minsk was a city . . . with a very high percentage of Jews, a very high percentage of Jews.

Q: What was the name of your husband's parents?

A: Well, my husband's parents were called . . . that is, his father was Tzivis . . . Volodya, Velv in Yiddish. His mother was Gita Tzivis. They were . . . He was a tailor--the father. His mother was a seamstress. They were not particularly well educated people, but all of their children received a higher education, and they were very modern people. Well, somehow . . . everything was satisfactory within the family.

Q: Let us return to some events. When you returned from Leeda to Minsk, you did not find your father and your in-laws there. Had you all lived together?

A: No.

Q: How did it all happen?

A: That is, this is how it happened. When we . . . we returned . . . to Minsk and when the ghetto . . . we had move to a location inside the ghetto . . . my very close friend had . . . a brother . . . the brother's apartment (it was a terrible apartment, small and horrible), this apartment was in the neighborhood of the ghetto. We moved there--my friend, my father, and I. Well, there were strangers there as well. Because . . . they were placed there. Then we filled these holes [with furniture], slept on the floor and everything . . . And so we lived there. The first pogrom that happened and that "hiding place," that "malina" which saved us, were in that house.

Q: What was the name of your friend?

A: My friend's name was Raya Levinskaya. This was my friend from a long, long . . . from school, from 5th grade. She is coming to America soon as well. We went through absolutely everything together, you know . . . we were friends and students together since 5th grade. We were in the institute together. Then the war happened. Then . . . the ghetto. We were together in the ghetto. Then . . . then the partisan detachment. Then we returned from the partisan detachment together. We enrolled . . . As it happened, it was true that we were in different detachments. Well, we met up with one another quickly. Even while we were in detachments . . . in detachments, we met by accident. The detachments moved from place to place all the time. And so somehow they had passed near our detachment, and we rushed . . . everyone started to yell, "Raya has found

her sister, Raya . . . " It was such a touching reunion. There. We finished the institute together. Then she married. She remained in Minsk. She worked . . . as a physician, but I had already left with my husband. She had said, " . . . Nothing has been able to part us: the war, the ghetto, the partisans . . . " And then you came, she said, and parted us.

Q: And what did you . . . (unclear)

What did you eat, what did you drink, how did you bathe?

A: I will tell you. That is, we ate . . . First of all, we were allotted 200 grams of bread per day. We did not receive these 200 grams of bread . . . We exchanged. We exchanged that which we had left. Then, the number of people decreased all the time. That meant that we had something left over from strangers. Do you understand how we could exchange this? Illegally, we took it to work with us because we worked together with the Russians. The Russians tried to . . . some tried to help us. We brought . . . we exchanged those things for something. Sometimes we came to the barriers. Some of the braver Russians came to the barbed wire; they offered to exchange, that is . . . potatoes for something. It was a big risk for them. But they could come to some sort of an agreement with the Germans. They suffered less for it than we did. If they saw us, it was the bullet immediately . . . but they could get away with it. There. This is how we, that is, this is how, that is, if we could get a hold of . . . a little flour or a few . . . potatoes . . . this went to . . . For example, after my husband had been killed during the first pogrom, my mother . . . we lived . . . after the first pogrom, when . . . Excuse me, it was my father who had died . . . So we were already living with my husband's mother. But his father . . . they took him to work and he did not return. So he was no longer

alive also. So many died. I had . . . many relatives with children, and I lost many members of my family.

Q: In this . . . ?

A: Yes, in the Minsk ghetto.

There. That is, that is how we ate. If we . . . we managed to obtain some flour from somewhere, my mother-in-law . . . She would not . . . bake a loaf of bread for us; she, that is, she was such a disagreeable woman, she would not give us this little piece of bread. For us she . . . she would bake this loaf of bread and sell it. Because people were still working in various places. Some obtained marks. Well, some, you know, managed to situate themselves in some way. She would sell this loaf and then buy something for this money, and for . . . she would bake two loaves of bread. That is how she did it. If we could get a hold of some potatoes, we never allowed ourselves to boil it, but we ate it in liquid form. We would make some kind of soup. And if this interesting, I will tell you of another episode.

While my friend and I were living with my mother-in-law, we begged and asked her to bake us two potatoes. Luckily, the oven had already been lit. We had something with which to light the oven--we took fences apart and lit the oven. And it was warm and the door was wide open. And the oven is lit and in it lay two potatoes, perhaps three, I don't remember. The two potatoes lay there, and we cannot wait until they are done, until they are baked. At least we can eat them with salt. Two women acquaintances came to see us at this time. Well, we were talking. They were so hungry . . . One was already bloated. I thought she was already a bit mentally disturbed. And suddenly she saw the two potatoes laying in the oven. She

rushed to the oven, stuck her hand right into the fire, grabbed those two potatoes and began to run. Such an incident did occur.

But if we . . . my mother, that is, my mother-in-law would cook something and children are starving somewhere, she would share without question.

Well, this is how . . . Of course, we were hungry, we wanted to eat. I had always been so thin, but during the war it seems that I experienced an imbalance in the exchange of chemicals and became heavy. But that did not last for long, until I returned to normal life. I lost weight quickly and became as I had been before. And we always wanted to eat, always wanted to eat. There. Well, nevertheless, somehow we existed. My mother-in-law was able to save herself. This was also an interesting incident. I will tell of it, if I may. On the first of May, 1944, our Soviet planes began to bomb key German strategic objectives. Because the intelligence was in place, they were told everything. They knew what they had to bomb, and terrible bombing began. And a terrible panic began in the city. And the fascists, the police, also attempted to hide. They did not know where and dashed into the ghetto, because the ghetto would not be bombed perhaps. And then the people took advantage of the panic to leave the ghetto. They left the ghetto but did not know where to . . . even though they had heard of the brick factory and the village of the Staroye Celo. They left and they started out . . . Of course, they ripped off the stars and dispersed themselves in the city. Someone knew where the brick factory was located. They went in that direction. But my mother-in-law did not look Jewish, she looked, you know, Russian, like a Russian peasant woman--with light hair and blue eyes. And she went with a big group of people. And they were detained. They detained them by the brick factory.

And they began to shoot, people began to run. But she was carrying a little can. She had put in it a piece of bread, a piece of meat, bacon, I don't remember any longer. And she said to the German that she is going home to her children, that she is bringing food for her children. So he tells her, "Loos, loos"--that is, go. They detained the others but told her to go. And she went ahead. Well, some others . . . some had managed to escape. A woman whose two teenage children were shot went with her. She went with her. Her daughter had been with me in the partisan detachment. We were even friends. There. One daughter but the other two--the two younger children were shot on the roadside. They had shot so many. They had shot so many on the roadside. Many did not reach the woods.

Q: Do you remember the last name of the young woman who had been your friend?

A: Yes, this was Paula Friedman. She died soon after from a heart ailment. Yes, she returned to Minsk, she was a dentist, she married, had a newborn baby--he lived but she died soon after giving birth. Paula Friedman was her name.

Q: When you had left the ghetto, what was said? How did you decide to tell your mother-in-law? (unclear)

A: When I was leaving the ghetto, it was a very big risk, because I . . . my mother-in-law and I worked in the same column; they took us around in the same column, and we had to answer a roll call every day. This meant that if someone were missing, they would ask who was not there and why. She could have died, she told me. When we got this chance, this opportunity, she said to me, "You . . . " Even though she was not yet an old woman. I think that she was only 57. She said, "Don't look at me. I have lived my life. If you have the opportunity--go."

"But how can I go? Because here . . . They will destroy you. How can I leave?"

"I am asking you, I am begging you--go, go."

And she found a men's jacket for me somewhere. Because I had a coat, as I remember, the color of brick or terracotta. And it had faded around the star, you see? And when I ripped off the patch, they would have known by that sign alone. She found, somewhere, from someone, for something, for a piece of something--a piece of bread or something, found this jacket on which I lightly sewed on a patch in front . . . so that a string could be pulled and it would come off easily. We ripped it off like this. Well, of course, there were people who went to work at that time that we were afraid of and there were . . . you can encounter people who said "Go, go." They pushed us away with their shoulders, do you understand? They pushed . . . They lost us into the crowd. They lost us right into the crowd. This is how . . . we made it . . . The girl Simochka who was escort . . . escorted us to the ghetto (sic.). I am simply baffled by this! This was a thirteen year old child. Where did she get such courage?! . . . She crawled through the barriers . . . she somehow got into the ghetto, attached herself to some column. She was not the only one. There were other children . . . some of them died. And during the entire time . . . I had known of her the entire time, while I was in Minsk. That is, I was interested in her fate. And they told me that when she came to retrieve her own relatives, they were surrounded . . . they surrounded their house because they already knew everything . . . they surrounded their house and shot them all. I carried this version with me at all times. No one could tell me anything else. And suddenly, not long ago . . . I don't know, someone told me that she was alive. Is she alive or not? I was no longer living in

Minsk. I was living in . . . I was wandered all over the world like a . . . an army wife. And when I returned, there was nothing . . . This was even somehow . . . I don't . . . I don't remember. I think that it . . . wasn't so long ago.

Q: Do you know her last name?

A: Unfortunately, I don't know her lastname. Simochka, that what we called her, Simochka. Some people said that she was really 11 years old, but as far as I know, she was 13. These were such [extraordinary] children! Do you know?! They would bring us some news from somewhere. They brought us news of the defeat at Stalingrad. Children of 11 or 12--you would think--how do they know all of this? But all of this, you know? These were heroic children. Later many of them were in the partisan detachments. When they left their parents took them with them. There were children who made it while their parents had died. There were very many [such children]. We attempted to . . . When we sent away the wounded. We sent away many wounded. The airplanes came to us. They cleared the platforms especially, . . . but this was reported to us by the commanders. The portable radios were already repaired. We met those airplanes. They were sending away the wounded and we wanted to [include] the children. We sent away most of the children but some absolutely refused to go. Absolutely. They wanted to reach the end. Then they took them . . . Well, like the child of the battalion, how do you call it? There were such children.

Q: But how did you bathe in the ghetto?

A: How did we bathe in the ghetto? Well, we had water, after all.

Q: What about the soap?

A: Soap? Well, it was like this. We would exchange for it somewhere, we would find it somewhere. Somewhere we would exchange . . . somebody had a stash. We exchanged for a small piece. For a little bit of salt, for a little piece of bread, if we had the chance. We had exchanged some things for the salt; we would exchange this salt somewhere for a piece of bread. And this is how . . . It seems strange to me at times--how did it all? . . . because . . . I, for example, . . . In the ghetto, maybe somewhere there was something. When I was with the partisans, I did not know what a pillow and a blanket were. We got sackcloth in the villages; it was peasant sackcloth. There. And under our heads we placed . . . gas-mask cases where we kept all our valuables. All . . . all our things were kept in these gas-mask cases. We did not have more; we did not have anything, in essence. And then the winter . . . It was easier, of course, for us in the summer. The winter . . . Well, we lit stoves. There we put . . . Because there were different craftsmen with partisans who knew how to do it. They lit stoves which were like the "bourgeois" stoves. We warmed ourselves. Then we went on . . . some sorts of missions. We were going on military missions, and we also went on supply missions. Well, we would wind up in a vill . . . We already knew where we could go, in which villages . . . the partisans were . . . in which villages there were garrisons of police, in which there were the German garrisons. We knew, approximately. There. Well, we participated in military missions to wipe out these garrisons. Well, I was partially involved as well. There. And so sometimes we would come to a village. We warmed up there and were given food. There. The housewife was making blinis. She would cook potatoes in their skins for us. She would give us her homemade yoghurt, her milk. Some had pity for us. Some pitied us but others were the

opposite. There. At night, we would be moving; we are walking and some . . . we would see a farm, a light in the distance. And we would knock at this farm. And there . . . But the farm is the only one there in the woods, in essence. And the housewife . . . is alone with the children (the husband is not there, the husband is at the front) and she does not know who is knocking--the Germans or the partisans? With what kind of fear does she open the door for us? We could . . . We could understand her only later . . . There.

Q: Were there any infectious diseases in the ghetto or later with the partisans?

A: There were. At one time typhus began but they somehow contained it very quickly. There. Well, we took advantage of it. When the Germans entered certain houses and someone there was bedridden--old, sick, or something like it, we told them, "This is typhus, typhus, typhus." They were really afraid of typhus. And we somehow took advantage of it.

There. And with the partisans? Yes, typhus began there as well. This was when I was in the last detachment. There was typhus, yes. We set aside a dugout. We set aside one medical orderly for it. Well, and somehow . . . Well, you know, I don't remember any cases of typhus resulting in death. There. There.

Q: Were there insects in the ghetto? Flees?

A: We had everything. Everything in the ghetto and in the detachments. We fought it hard in the detachments. And we always fought it because if the Germans learned that there were lice somewhere, they would enter that house and shoot everyone in it. We fought with this everywhere. And how did we fight it in the detachments? It was very interesting. First of all, we . . . an anti-itch ointment that we got a hold of. This was at one

time . . . well, we would get a hold of . . . there were certain medicines--so we rubbed ourselves with this ointment. As for things . . . we burned some things, some we boiled. Then we tried a folk remedy. We would come to some sort of village. The stove would be dying there, that is, it is already . . . it is still warm, still giving heat. And we would crawl into the oven and that would be all--and the itch and the insects, all would disappear. This is how we did it. And really, you know, people were not getting sick. People were not getting sick. It was some sort of a defensive reaction. Only, I remember that I was sick with furunculosis. Because I was in the swamp. I had furunculosis. I simply could not get rid of it. I had it for a long time. There. If things were quiet in the detachments, we would be eating pretty normally. Because we would enter a village and give the village elder a list that we need this and this and this and this. The poor peasants had to give to the Germans and to . . . But it could not be otherwise. Then when the airplanes came, they passed groceries along to us. In the long run they passed both groceries and medicines to us, all the essentials. There we had difficulty bathing, especially during the winter. But somehow we adapted. If we were going into a village, they had the village baths (banya) there, they heated up the baths for us. And if not, then we girls, for example, would shut the door, chase everyone away, close ourselves up in the dugout, boil cast iron pots of water for ourselves and would bathe. It was like this. And at times we would be bathing, let's say in November, I remember, November--it's already cold and we would strip in the bushes and bathe. Like that.

Q: In the ghetto how did you deal with the monthly . . . menstruation?
How did you deal with it?

A: You know, in the ghetto we somehow managed. Well, we had old rags, old things, everything old . . . . But in the detachments we managed with great difficulty, great difficulty. We used everything, everything . . . . Paper . . . . Well, when they began to send the medicines to us, we somehow, a little bit . . . we were given occasionally. Especially when I worked in the hospitals, there they gave to the women something little. But otherwise it was very hard. We used paper . . . . And we could just walk into a village to sleep on the stove and suddenly feel some sort of rag . . . . not even checking to see if it were clean or not. It was like that. And it was very difficult. Especially if we were on a campaign, when we were going on some sort of mission . . . . You cannot tell the men . . . . Like that. And it was practically all on foot, on foot. Some were on a horse, astride a horse. There were horses pulling carts. I tried to ride a horse. I couldn't do it. I was afraid.

Q: Did you have regular periods?

A: No, you know . . . . this will be on tape . . . . It doesn't matter? You know, there is the term "wartime amenorrhoea" in medicine. And when the exchange of chemicals is disturbed in the organism and the exchange between the iron of the inside and outside secretions is disturbed . . . . And so I did not have it for a year. It was at that time that I gained weight because of this.

Q: This was in the ghetto?

A: It began in the ghetto and continued in the detachment. Then it continued like this for a year. And then an ointment appeared. Well, I was still a little heavy. Well, how heavy? I was never really heavy. But in the first month, in the very first month . . . . when we . . . . when my husband came for me, I became pregnant. And that was all. And I lost 13

kilograms in the first month. There. And with all this, I came to Germany. Immediately after the hunger, after the fact that I had nothing. I had no clothes, was always hungry. All at once we received such good rations. All at once we bought nice things, immediately everything that we . . . Well, both of us worked. And we weren't paid badly there. They paid us the Russian salary and in marks. So the Russian salary went into savings, which, by the way, was lost during the reform. We paid for everything we bought in marks. We bought things there, got clothes there and acquired bedding. Well, all was . . . We acquired all the essentials there. Because . . . we had a child. My son was born in Berlin. But we were living outside of Berlin, 40 kilometers from Berlin. There was the city of Frauberg, a very beautiful resort city. But they brought me to Berlin to give birth. My son was born there. But my daughter was born in Sahalin.

Q: Raisa Abramovna, you said that the Jews were immediately ordered to wear the stars in the ghetto . . . Do you remember the first order given to the Jews or the first order? Which was the order issued by the Germans first?

A: I remember.

Q: Please tell us about it.

A: About the ghetto. Particularly about it . . . That is, when we came to this . . . When we were already occupied by the Germans . . . but no one could run away . . . But some managed to run away. Some found somewhere . . . First of all, there were Russian husbands, Russian wives . . . They tried to leave. But they could not always manage it. And the husband remained in the ghetto and the wife left and the other way around. All sorts of different things happened. There. And we caught every rustle, every rumor was caught. We caught. And they talked about all sorts of

things. They said that they would send the Jews somewhere . . . By the way, they brought German Jews to the ghetto. There. And they together . . . They brought a lot of things. We could exchange a piece of bread with them for a watch, or something, if we had it. So they . . . They did not understand. They thought that the Germans would really . . . They walked with us under escort. They talked with them as they would with friends. They considered them their friends. They were very sad for us, that we would be destroyed. But they would probably be sent to Siberia--that's what they thought. But the same fate befell everyone, strike as did us. They were dest . . . shot just like the Soviet Jews. And I even remember the leader of camp 13 where I worked. He had a secretary, Berta, I remember. She was an uncommonly beautiful girl, uncommonly beautiful. And he was . . . like this. He was a fascist . . . such a severe person and all. But he really protected her. And he . . . when they were destroying the last ones, he hid her. He did not give her away. They forced him to give her up and destroyed her. But this was an uncommonly beautiful girl, uncommonly beautiful. A Jewish girl. There.

Q: A German Jewish girl?

A: Yes, a German Jewish girl. They did not believe that . . . They were friends with the soldiers . . . That is . . . They could not walk on the sidewalks, so they walked in the middle, but they joked with them, talked to them and everything. They did not think that they would be destroyed. But they were all destroyed . . . We had Jews from Czechoslovakia as well. They were all destroyed.

Q: Which was the first order? (unclear)

A: Yes, the first order. That is, there were various rumors going around which had to do with the Jews. We did not know what would happen to us.

And when they began to talk about the ghetto . . . That they would . . . divide us into a separate group . . . that we would be behind a barbed wire and all that, we strongly did not want to . . . Let it be death then, but we will not go into the ghetto, we will not go. We said, "We will not go for anything. We will not go to die like animals." And that was all. And there was the first order. That is, if you did not obey the order . . . to move into the ghetto within five days--you would be shot, you would be shot. Many . . . did not move to the ghetto immediately. They shot many. We also delayed, did not go in immediately. But when we saw that people were dying . . . we, our pare . . . my father . . . my in-laws were . . . they were wiser. They said, well, how can it be thus, how can you? They will shoot us all. This means that we have to go. If we could have left the ghetto, it would have been another matter. But we could not leave the ghetto . . . I mean that we could not have left Minsk. So we came . . . we were in the ghetto. This was the first order with regards to the ghetto. Then there was an order with regard to the yellow stars. Again, we did not want to acquiesce for anything. We delayed, we did not sew them on, we could not, we would become . . . Well, all of a sudden, Soviet girls, women, who did not even understand that they were Jews, what is this and suddenly it was like this--that they were insulting us? No, we are not going to let it go this far, we cannot acquiesce to this and all . . . But gradually--they shot one, they shot another. Gradually we had to do it. What else was happening, what kind of other orders were there? That is . . . they gathered the so called "Oppel." That is, an order is hanging somewhere that on Sunday, let's say, or on some other day, at a certain time, at a certain place there will be organized the "Oppel". This is a big, big meeting of the Jews. This meant that all must come out for this "Oppel,"

absolutely everyone. And if anyone hides . . . But why were people hiding?--Because there were excesses at these gatherings as well. That is, the policemen chased them out. They chased them out and all had to go. And the orders were read out at these "Oppels," that so and so was shot for the unfulfillment and disobedience of some order. So and so did something and he was shot. Someone . . . In summary, all of this. And all of this was really done . . . Among the talented musicians we had, I forgot his last name, a very well known violinist and a very well known Jewish singer . . . They put them in the middle . . . When we had the memorial at Babi Yar recently and a violin was playing, I cried very much. Because it very much reminded me of all of this. And so he . . . that is, they were forced to play Jewish melodies and while they were playing they announced that this one, that one would be shot. And someone had a dirty house. They came and it was dirty. Oh, just try, when there were families . . . Let's say we were sleeping . . . We had one bed and we were across it--three people slept in that bed.

Q: Where?

A: In the ghetto, it was still in the ghetto. It was like this. There was no space, no space. Someone slept on the floor, someone slept on the table. Then we began to make those bunkbeds. And so we managed somehow. There. And so during these "Oppels," during meetings there were always orders, orders, orders. And they brought some out and some they shot. Do you understand? This is how it was. Of course, we did not want to obey much of it. To tell the truth, all sorts of rumors were going around. The men were very afraid. Because there were rumors that the men were going to be castrated. You know? And after everything that we had seen, even this was conceivable. There. By the way, we three women left and

one man. This man died in the ghetto. Not in the ghetto--he died with the partisans.

Q: Do you remember the names of those who . . . ?

A: Yes, Meir Borushansky.

Q: And how were the girls, the women called?

A: . . . The women? You know, I don't remember. Because my friend that I mentioned, Raya Levinskaya, she left a few days before I did. There . . . In this we . . . we took this pistol. We had to carry all of this, carry it through the column, through everything. And then in the yard . . . If they had found this pistol in the yard, the entire yard would have been shot. All those who lived in that neighborhood would have been shot.

Q: Where did you get the pistol?

A: Well, the pistol--this very man got a hold of it somewhere, yes. The ammunition we took out like this. And the medicine we, little by little . . . We had a clinic. But I did not work at the clinic. But our doctors worked there . . . There was always someone somewhere. All of it was very little, we did not have this, it was all scanty, but you know . . . somehow, somehow like this. If someone had managed to save some, found it in some house. And this is how we gathered some.

Q: Why were afraid to go to the partisans with empty hands?

A: Do you know something? . . . They told us that with the partis . . . you could not go to the partisans with empty hands. Of course they took you, they did not leave anyone behind, but we wanted to [give] something of our own. Because you come as a dependent into the detachment, when we . . . How would they perceive you? At least you came with something. And they would look at you somewhat differently. And if we did not have anything, perhaps, maybe we would still have gone, gone just like that.

But we attempted, we tried. We . . . You know, I must tell you that there was fear, of course, a very big fear, but somehow this fear was erased. There was a need, an imperative, that we had to . . . Let's say that a gas car drives up. And we hear where . . . We take off our clothes . . . In essence, I don't remember when we took our clothes off somewhere. Where does it come to? Where? And so some . . . some . . . there is a feeling that . . . We have to hide, and this knock begins on the other bunks . . . Well, how will it be, like this? Well, somehow like this . . . Because, of course, I do not know the percentage, I cannot tell you right now. The relative percentage was, I think . . . Well, 1%? Perhaps a little bit more . . . remained alive . . . There.

Q: How many people, Jews, do you think there were in the ghetto?

A: . . . In the ghetto? You know, I knew the numbers. I forgot them. Well, more than a thou . . . more . . . more than a thousand. I cannot tell you right now. You know, I don't even know why I . . . This has left my memory. I knew this. Do you understand that I knew this? This has left my memory.

Q: Raisa Abramovna, do you remember you were together. Who did everything, who carried orders through? Who did the shooting? Did the Germans shoot or was it the local police auxiliary?

A: The local police and the Germans. The Nazis, the "SS." The "SS," the Nazis. There. But I must say that there were instances when . . . Let's say they are escorting a column to be shot, for example. Well, they brought them out during a pogrom. This is how a friend of mine saved herself. She was pregnant.

Q: What was her name?

A: Da . . . Dasha Vapnyak. By the way, she . . . somewhere some sort of Muskovite came and found her. He wrote about her in a book. I don't remember how this book was . . . This was in the Soviet Union.

She went, that is, with the column. They were taken to be shot. And a German came up to her and said, "Loos, loos, loos." She left the column.

Q: He saw that she was pregnant?

A: He saw that she was pregnant. Something that she . . . She took his fancy.

Or there was this incident. I don't know, is it appropriate to tell of it now or not?

Q: Yes, yes.

A: The seventh of April, 1943, was my birthday. And we were working in this camp "13." That is, we . . . We were finishing one job today and another tomorrow; that one would have taken several days. And at this time we were working in the camp . . . at some sort of warehouse. We were sorting things. Warm things for the Germans were gathered there. Well, we had to sort these things, tie them up and everything. Two Germans were guarding us. One was really wild. Do you know, he . . . told us--do you know there are partisans somewhere. These are people with horns. That somewhere there is something like this. But another treated us very well. And at one time he told us, "My father 'rot front, rot front' ". This is what he told us. And so it was my birthday. It was the lunch break. The weather was nice. It was the seventh of April. The sun was shining. We girls went out. What did we have with us. We, that is, are sitting and eating. It is my birthday and I am crying. I remember that my mother always celebrated my birthday and everything . . . He comes over and asks, "Why is Raya crying?" They answered him, "It's Raya's birthday,"

"It's Raya's birthday today." He . . . so there. And he went to eat lunch. He comes back from lunch and brings me a loaf of bread, a jar of ersatz honey, some sorts of canned food and he says, "Raya, I congratulate you (it was my 24th birthday), I congratulate you on your 24th birthday and hope that you will celebrate your 25th birthday with the Red Army." Do you know, we were startled. How did he find the courage? But there were instances when a German took a group of people out of the ghetto. He took a group out, a group out of the ghetto. There were . . . There was such an incident.

Q: Did you know . . . (unclear)

A: I know. Well, we had one . . . when he still a nobody in the ghetto. Then he became a famous oncologist. Maizin, Matvey Lazarevich Maizin? And he also . . . when . . . he was not even in the medical institute yet. He and a group of some people. Then I know another woman who was in this group. I don't remember . . . Vita was her name, but I don't remember the last name. And so he led them out until a certain village and returned. He took them to the partisans. There was an agreement with him. There were incidents like this.

Q: Raisa Abramovna, when you saw the humanity of the Germans, did it change them in your eyes? When you saw the kindness of the Germans, did it change them in your eyes? Did you become different? How was it?

A: Well, we did not get an opportunity. Because they were afraid of us, wary of us. And we of them . . . During the day some sort of little soldier would enter the ghetto whom they would order to shoot, so he would shoot. If they do not order him, he would do the opposite--he would do some kind thing. But there was the incident that I told you about. I think that I told

you about this . . . when we . . . they carried . . . when they tore a child out of its mother's arms? I haven't told you?

That is, when I worked in camp "13," and we were led in the convoy but the children had to left in the ghetto. The children and the elderly had to be left in the ghetto. But at this time there were very many pogroms and the mothers were afraid to leave their children. And so a mother took her boy. The boy was 5 or 6 or 4, approximately. She was just about in front of me in the column. A Ger . . . a fascist came over and seized him by the arm and opened his holster. The boy yelled, "Mama!" And he hugged her very tightly. He did not have time to say anything else. He shot him and the boy fell down dead. And the mother he drove ahead to work. The mother, screaming and crying, went back to work . . . There were such incidents as this.

Q: And you were 24 years old and attractive. Did the Germans pick out girls for, for . . . ?

A: I think that when they detained me . . . I told of the incident when we all had gathered. I think that I was detained for this purpose. I am supposing this. Because they were buildings brothels and everything. And sometimes they selected.

Q: For the Germans?

A: Yes, for the Germans. And they selected . . . but . . . This Epstein, the one that was later shot. He later came with a group. He brought a pile of gold to the partisan detachment. He and I don't remember who else. There were three or four of them. He brought a pile of gold. He thought that he would remain until the end. Yes, they had decided that they would remain alive. If the Germans gave the orders to give them up, the partisans managed to hide some Jews with them. He was wily. There. And when

they felt that they would also be destroyed, they came to the partisans with this gold. And as it happened I was still with this detachment by the name of "Parhomenko." And so they came. I remember them very well. I remember this entire incident. It was already twilight. They came. We had a director of a special department. I don't remember his last name any more. Well, they . . . It appeared as if they were accepted. They were told that we were going on some sort of military or partisan campaign. I don't remember any more what they were told. And you come with us. Well, they said, "Okay." So they went. And they had barely left the woods, because we heard the shots. We saw later how they were carried . . . Like that.

Q: Did he supply girls for the brothels?

A: Well, I suppose that it is probable.

Q: And when . . . There is this question: It was very lonely in the camp. Do you remember if people fell in love?

A: Yes, people came together. There were those with families . . . they came together. To this day I have a friend, Dasha Vapnyak and her husband Fima Vapnyak, who brought her out of the ghetto, and this is how they got together, how they . . . They had two very interesting, unusual children who are now in France. And they are going to them. They used to go [visiting] every year, but now they are moving there. There. And there were many, very many. There were births, births in the ghetto, yes. There were incidents where after he was just born, the child would be smothered with a pillow. There was an incident even like this. I had a friend . . . well, not a friend but a fellow student. She had . . . She had a child. Her husband was somewhere at the front. She was such a nice girl. She was 8 months old. And a friend was . . . I think her mother, her

mother was already killed. There was a small brother. He was killed when he crawled under . . . in order to leave, somehow to go for some sorts of provisions. So she had this child . . . So she holds this child and tells me, "Oh, if only she would die, if only she would die."

Q: And what was the name of this friend?

A: Her name was Tamara.

Q: Her last name?

A: Tamara Yankileva. She died, yes.

Q: She died and the child died?

A: Well, they were killed. I must have already been with the partisans. I . . . They were destroyed . . . All in all, there were dreadful things, dreadful. There was such torture as this. You are also asking whether some married in America (sic). This Epstein, the chairman of "Judenrat," who very honestly served the Germans, he married there. There was this lovely girl named Rozochka. I don't remember her last name. He married her. And he put on a wedding, when people were hungry, when people . . . were shot here, when people . . . people were destroyed. And he put on a wedding. And there was formed . . . a wedding . . . a song. I don't remember it completely. "A bridegroom, a bridegroom lives in the ghetto and, and . . . ." My Yiddish is very bad.

Q: Still, tell us.

A: And most importantly, that is, . . . "The commandant was there as well." Do you understand? And so they made up such a song. It was about this Epstein.

Q: What were the words?

A: So I am saying. The words. Approximately. There is this song: "Bridegroom." I don't remember. . . . And the rabbi or someone was also

there . . . And there was a joyous wedding and everything. So they made up the words for our song. Our song, that is . . . "Bridegroom." There was also this other song which we made up. We had children who had lost their parents. That is, children . . . Let's say the mother and the father went to a resort during the summer . . . They left . . . Well, having left them without concern with their grandmother, left the child or children with aunts . . . And these children remained . . . And the grandmother and grandfather . . . The grandmother and the relatives [were] destroyed. The child managed to hide. And so this child . . . we sing a song. That is, what does he do? He goes . . . He scrapes chalk off the walls. Because chalk has calcium. And --children like to eat this sort of thing. He scraped the chalk off the walls. Then he ate coals, this boy. I remember very well. And later he must have gotten hold of some cigarettes, I don't know, stood and sold them one by one. And he sang this song:

(Raisa Abramovna is singing in Yiddish, and I
cannot write it down.)

There was such a song. When I hear these songs now . . . Because, by the way, there were many songs. We had a partisans' song. I don't remember . . . I . . . I cannot sing. Because of this . . .

Q: No, but a little, maybe something . . .

A: I don't remember. Something about the dugout. I don't remember this partisans' [song]. When we sang, I . . . Now I can't remember it. There. So these songs were very . . . they somehow touched the soul. And then we pitied those children. It was horrible . . . These children wandered [the streets] in rags, blackened and dirty. Someone . . . would be nice to them, someone would take them in, some died, but some crawled through this neighborhood . . . Well, various things happened. For example, we had a

doctor, Laura Livshits. We shared the same last name. She was the daughter of . . . the daughter of Professor Livshits, a radiologist. She studied at the medical institute the year below me. And in school she had been a year below me. And so, that is . . . she experienced one of the pogroms. And she and her mother were taken . . . to the location to be shot. It must have been to those Puchinki where . . . There. And they brought them there and shot everyone. And this Laura . . . she had been under those dead bodies . . . She crawled out and remained alive. She emerged and went in the direction of some village. Where? Where is she going? She does not know. Then . . . after all, the Germans caught . . . And she settled in some village. And the Germans were catching girls for removal, Russian young women for the removal out of the country to Germany. And she became one of them . . . and they took her to Germany. She . . . they took her . . . When I returned to Minsk, I met with this Laura. She went to Leningrad and found her uncle there--he also held a high position . . . Those doctors, all . . . She married there. She met some student from our medical institute in Minsk. She finished the medical institute and was a radiologist of the highest caliber . . . Yes . . . How is she? They gave her a doctorate. Well, she . . . she . . . Then she moved to America and here she died of a heart attack. They left 12 or 13 years ago . . . I believe she died of a heart attack 10 years ago. So there you go. A doctor and in the hospitals . . . And she was almost ready to be discharged. For such people . . . Many were able to save themselves like this. The wounded saved themselves, those who had been shot, those who had not been finished off saved themselves. All sorts of things happened. Do you understand? How many . . . because the people . . . Well, how else could they save themselves? There really were miracles . . . miracles happened. A person

still saved himself. Well, he, he strove. Of course, if he . . . [thought] what will be, will be--those died in greater numbers. But those who fought a little, those . . .

Q: Who left the ghetto in greater numbers? There must have been few men.

A: Why the men? There were many men in the ghetto. Men left and young people left, those who were younger. The elderly rarely left, of course. There. Well, how did it happen? Their children . . . Those that were . . . those who had children left them with their grandmothers and grandfathers. For example, there was an incident. Also . . . They shut them up in barns . . . They would gather a group of Jews, shut them up in a barn, and set fire to the barn. And so one mother . . . I think that she had a 6 year old boy. She did not have a husband, he had already died. There. And one mother . . . That is, there is screaming and noise and din in this burning barn. And this mother managed to break away from the burning barn . . . She was burned a little . . . But she could break away but the boy was burned. It seems to me . . . she should have gone ahead and remained and burned with her child . . . Well, it was like this.

Q: Do you remember who was the more cruel, the Germans or the police?

A: Do you know who it was? Among . . . Well, of course, mostly . . . First of all, the SS. The SS was the group which was involved in this, so to say. They came--we could see them from afar . . . the SS . . . We . . . We would begin to feel bad because . . . There. The police . . . The ones who came voluntarily were very cruel. Some said, "I did not have a choice.["] Well, of course, when those from our side will come . . . so I . . . the police will . . . the Germans will see me. But they did not understand that our side--this is how they was called then--will not be merciful. And some ran

away later. And some went to the partisans. We had a partisan. He was a very handsome fellow, I remember. He was kind and good. But he, he had served with the police. They forced him or something. But he voluntarily came to the police . . . And when . . .

Q: To the police or to the partisans?

A: He came to the partisans. And when we were already free . . . when we stopped being partisans and we settled in Minsk . . . There was a city park named after Gorky. And they sorted out people there. First of all, part of the people . . . All of the ablebodied were taken into the army. All of the ablebodied. But he was walking around. "They will probably put me into the penalty battalion." We pitied him. He was such a nice guy. They put him into the penalty battalion. These kinds of people were put into . . . All of these kinds were put . . .

Q: Do you remember his last name?

A: No.

Q: Do you remember his name?

A: Ah . . . no. I don't remember. You know, there are so many names circulating . . . There.

Q: Can you remember a day in the ghetto from morning till evening? A typical day. When did you wake up? What did you do?

A: I will remember such a day for you. I twisted my foot. I had . . . It was very swollen. There was some sort of a heavy injury bruise along with a dislocation. Well, probably it wasn't broken. We did not get X-rays. But I could not step on this foot. And I could not go to work. And I did not go to work. Well, they might have said there that I was sick, maybe they accepted it. I was lying, that is, . . . Well, I was lying at my place, that is. Several families lived in the room where we were living. And because I

did not go to work, one mother left her girl with me. She was about 7 or 8 years old, I don't remember exactly. Her name was Sarochka. Well, suddenly panic began. All who had remained in the ghetto, who did not go to work . . . There was panic; a pogrom was starting. And it was put into practice. When people, people . . . They needed the people--a free labor force. And for those who did not go--they staged pogroms. Well, periodically. Not always. This was the twenty-second of May, 1942. Why do I remember it? Because this pogrom was very big. There. And the people began to run, to hide. To hide, to hide . . . Some over there, some over here. And the girl Simochka runs up to me. "Aunt Raya, a pogrom is starting!" That meant that all . . . The children understood everything. A pogrom . . . I said, "Simochka, go hide quickly . . ."

Q: It was Sarochka, yes? The girl--Sarochka?

A: It was Sarochka, yes. Sarochka. Pardon me. I . . . Are you recording all of this?

Q: It does not matter!

A: It does not matter that I mixed them up? There. And I said, "Sarochka, go and hide." We were living at another house at this time. There we ran to the attic. And in the attic . . . We hid in some sort of a pipe . . . I said, "Sarochka, run and hide."

"But Aunt Raya, come with me, come with me."

I said, "I cannot stand on this foot. Well, I can't . . . " But she stayed next to me and pulled.

"Well, come with me, come with me."

I don't know where I got the strength. It happens. With the gravest of wounds one could . . . With the gravest one could get up and walk. You

know, there must be something in the organism. And so I . . . I said, "No, I can't, I can't."

" . . . No, but how can you . . . "

I arose from the bedding, from the bed and went with her and hid myself. And so we sat in that attic, in this concavity, and we watched how they led the columns. This was a very big pogrom. There was column after column, column after column. They were taking them, taking them to be shot.

And we, that is, we sit . . . They did not find us. Again we were able to save ourselves. But my mother-in-law and my friend . . . The three of us were living together, when we remained . . . The three of us were living together and we . . . But they had gone to work. And so they return to the camp. This meant that the pogrom was already over. The people were already taken out . . . They do not touch those who had gone to work.

They had everything planned out. Do you understand, they were working from a plan. They could come . . . Shoot any person. But the mass ones [shootings] were made according to plan. There. Well, they began, they returned, returned home. In addition my friend said . . . This happened to me . . . I had already mentioned this coat, the color of terracotta. It was March. I was still wearing this coat. So my friend had said, "Oh, there, there, there they are leading Raya . . . " She had thought that they were leading me. Well, they came. By the time they had returned, we had left the hiding places. Well, it turned out that I was alive. This was a day that I had spent. There were many days . . . I remember when we as young people wanted to celebrate New Year's. Well, despite everything that was happening, it was still sad. We wanted something. We did not have any food. We did not have anything. But most

importantly, we were not allowed to gather together. You could get shot for holding a gathering. We were not allowed to be together. If they saw that a group of people got together, it meant that some sort of a secret organization . . . that they are doing something, that they saying something. But we dared. Somewhere there was some space. And we decided that no one would enter it and everything. And this is what we did. Somewhere at some factory . . . from some factory somebody brought yeast. And with this yeast we made minced herring (this is what we called it), but we seasoned it with something and ate it. And from potato peels we made some sort of pancakes, some salads from something. Someone brought a beet from somewhere, someone brought a potato . . . And so, we made something, we made something. This is how we met the New Year. And we took turns standing next to the house and making sure that we weren't being watched, that we weren't detected. And this is how we celebrated one New Year's.

Q: Which year?

A: It must have been from '41 to '42 or from '42 to '43. It must have been from '42 to '43. Because we were a little braver by this time. More accurately, we were somehow . . . It wasn't that we were braver, but we already . . . we wanted to undertake something; we had some hope in something. What if we were saved?! Maybe we would have a chance to save ourselves! Like this. So it must have been, yes from '42 to '43.

Q: Do you remember the date on which you left to go to the partisans?

A: Of course. It was on the 28th of April, 1943 that I came (sic.) to the partisans. I . . . It is a day that I will never forget. Because I broke away from the ghetto. It meant that I could possibly remain alive. Well, in any

case they were not taking me to be shot. Of course, I remember this day. I will never forget . . .

Q: How did you sleep when you were in the ghetto? Did you sleep deeply? Did you dream?

A: Well, I slept deeply when I was with the partisans (sic.). I was young and healthy then, all the time in fresh air, all the time in the woods. My sleep was deep. Well, I must have dreamt. I don't remember. There. Even though we were sleeping every which way. In the tent, on hay, and . . . When there were dugouts, in the dugout. Well, you had your own space. There . . . There were men and women. In essence when . . . It was like this in all the detachments . . . If the detachments had been in existence for a long time, they would build dugouts for women only. Couples formed there--and they would build for them . . . You slept where you could. And I thought that it was very good.

Q: But if you return your thoughts to the ghetto. This order about the stars. What was the size of the stars? Where did you wear them? Where did you find the yellow cloth?

A: Where did we . . .? We were supposed to find the cloth where we could. They did not give us this cloth. Well, we found it. In all the families . . . There were rags in every house. We found something. It had to be the right color and everything. There. They were sewn onto the left side. Or was it the right? I think it was the left. Well, the size approximated the palm. There. That was the size. It had to be round. There. And they had thought of the way in which it had to be sewn on. So it would not be with a single stitch; rather, it had to be sewn on tightly. If they noticed it otherwise, they could shoot you. They could shoot you for anything.

Q: Which was the most wonderful moment in the ghetto? Was there a moment when you were feeling good?

A: Well, I don't know. There must not have been such a moment. Perhaps, this . . . Because fear followed you the entire time. We were afraid. And we would go to sleep and we would not know whether they would come for us today or not. We, in essence, did not get undressed. Because the cars came every day. And to which house they will come, we do not know. There, there, there, we hear that it coming. We are already hearing . . . we listen closely--they are coming. We listen closely. But no, it seems that the sound is already fading away. They are not coming for us. This means that we fall asleep once more. It was like this. No, the good moments . . . there were none. The [situation] with my father was very scary. This incident. He for me . . . do you understand this one thing--he died. A human being died. And that was all. And they were taking [people] away. Well, it was a mass operation. And here--I don't know--he is lying in this place, alive or dead? It was as if I had lost my mind. I, I was running, I was screaming . . . Already . . . already it was beyond this neighborhood. It was as if I had lost my mind. Then, my friend was over me . . . She said, "It's simply impossible to look at you. Well, let us go." I said, "Well, how can we go?!" She said, "Well, let us go." She was . . . I would say that she was even braver than I. There. And we went. We went. We made our way there . . .

I said that they put us to the wall. And in essence, this is how it was. But at this time people that he was also supposed to detain came out from another apartment . . . These people had hidden gold in the stove or somewhere. They had come to this neighborhood on purpose. So when the German put us to the wall and came towards them, those people, they

showed him--gold, gold, gold . . . And we quickly . . . away from there . . . Like this. We ran away.

With the partisans, of course, there were all sorts of times--good ones and bad ones. We had some quiet moments. We built a fire. We would even dance. There. There were songs. They were from all over: from Byelorussia, from the Ukraine, from everywhere. And there were such moments with the partisans. But, of course, for the most part it was always fighting, fighting, all the time, and orders and everything. If I were not going on a mission, someone else would be. Somebody was always going on a mission. And then you sit and wait. Here they are bringing someone wounded. There was one who went on a mission and was ripped apart by a mine. They didn't even bring him back. And a second one had his nose ripped. At that time I was the only one for everyone--doctor, nurse, orderly. We had called a surgeon from the brigade. He came. There. And we were doing--he was making stitches when he was supposed to be and everything. Well, and I took care of everything else later. It was such, I must say, such . . . How can I put it? His face resembled that of a bandit, a little. There. But after this I took care of him . . . And I do not want to flatter myself, but I gave of myself to the wounded. And I did not keep account of anything. And so he did not know when . . . He was very grateful to me. If someone was about to have an operation, he was requesting that they bring him honey, that they bring this, that they bring that. Somehow someone would always be taking care of this. And as for me . . . We would be going somewhere later . . . But I was very afraid of water. I wasn't afraid when they were bombing from the airplanes. I wasn't afraid. I had some sort of courage. I . . . But when . . . It was a swampy area. We had to cross the swamp and there would be a small

overlay. At this point I would lose my balance and could fall. So our partisans knew about this. So they would . . . "Well, where is Raya, where is Raya?"--to bring me over. So they escorted me.

Q: What kinds of clothes did you have at the detachments?

A: What kinds of clothes did we have at the detachments? Well, I had come in a jacket. It was . . . It was a men's jacket. There. Well, what I had had with me. I don't remember the dress. It was spring. And I had some sort of shoes. I don't remember what kind. There. And later, when we had already come . . . We were already with the partisans and going on missions. When we would go on the missions for the groceries . . . that is, to obtain groceries, then we tried . . . someone would give you something . . . a dress, some sort of skirt, some sort of . . . they would bring, they would bring to us. And then we had a . . . There was a family camp not far away from us. As it happened, my mother-in-law was in this camp. The commander of this detachment was called Zorin. Everyone knows him. He is a national hero. He . . . There. This detachment was . . . He had various workshops. He was an intelligent person. He had various workshops. They would bring him . . . a cow, for example. They would bring it from the detachment so that there would be meat and sausage. So they would process it there. If anyone needed boots . . . They removed the boots from a German . . . When they went on missions, then the weapons and the clothes, their uniforms, their . . . their . . . They took the boots off of them, everything . . . So we needed the boots. So we went to this detachment--they will make them there. So let's say they made boots for me there. I had very nice boots. There. Well, they also brought me a beautifully embroidered leather jacket. Then we laughed. After everything, after free . . . After they had freed us and everything. When

these leather jackets became fashionable, I remembered everything . . . . Because I . . . . I gave it away to someone when I left the woods. Because it was summer. I thought, why do I need a leather jacket? There was the leather jacket, then there was a fur cap with some sort of ribbon across-- a partisan [ribbon]. They also made it in Zorin's detachment. Well, later it was somewhat easier. They ordered from there everything that was needed. This detachment was not very far away. We went there occasionally. It was like this.

Q: I am wondering, in the ghetto many families lived in the same room. How was the air there? Because, I think, it was crowded, that is . . . .

A: It was terrible. How can you?! It was crowded, there was nothing to breathe. And then it began. With a nonrelative--families lived together-- people were not at all calculating. Perhaps hunger forced them to, I don't know. Someone has a loaf of bread. They held it for their children, for . . . . They would not take it for themselves. Or a piece of bread. But all would sleep during the night. Then someone would get up . . . . I remember this incident as well. Then someone would get up and . . . . take this bread and, and eat it. Because he was hungry. Hunger could force one to do anything. Sometimes we brought the remains of potatoes and we used them for everything. It was a good . . . . This . . . . this was among the best. We washed them, passed them through a food processor and made potato pancakes. Like this. We accomodated. Because people everywhere . . . . And we somehow accomodated.

Q: And when you left for work in the morning, the things . . . . Were things ever stolen? The bedding?

A: No, no. Mostly no. We did not have anything [worth stealing]. No. All in all, of course, no. It was a special case--hunger. This was hunger. You

can't say anything about it. But if there happened to be a thief, he could have come in peace time, too.

Q: Tell us, did it ever prove necessary for you to shoot? Use your weapon.

A: It proved necessary. When we were engaged in the railroad war there was one . . . I participated in this war at one point. So I had to. But I will tell you the truth. I don't know whether or not I hit my target. But I had to. I always carried a carbine with me. I had . . . It was a short rifle. It was called a carbine. This was my weapon. There. My, my . . . Well, I . . . We were going on a mission. I could not go without a weapon. So I had this carbine. They had taught us to use weapons.

Q: What was the railroad war?

A: What was the railroad war? There was an order. Because there was the partisan headquarters somewhere in the Soviet . . . It was in Moscow, or somewhere? The one that developed the orders that were given to us. In addition to this, we ourselves . . . had worked out some. And so the railroad war. In other words . . . The trains are going, carrying ammunition, carrying enemy soldiers, carrying . . . carrying everything. So we had to destroy this. Do you understand? This was called the railroad war.

Q: But how did this incident happen? When you had to fire your gun.

A: So we were sitting there. But on the other line . . . they were waiting for the train. The train passed and . . . they wrecked the train. And they began to hop out. Someone died immediately. Someone was running. Running away. Well, we began to shoot at them. And my shot, I don't know whether I hit the target or not.

Q: Those 10 days, when you were left behind at the swamp with the wounded. Tell us, how did you speak with them, what did you tell them,

how did you comfort them? Or did they comfort you? How did they communicate among themselves?

A: How did they communicate? That is, in essence, at the end there were only the two wounded and I. Because these two men . . . They were simply on crutches--this type of wounded. And they took them with them. They left. I don't know right now whether they really had the goal . . . to find the partisans . . . they wanted to save themselves. Most likely that was it. There. And I was left with these two. Well, it was nothing.

Sometimes we just talked, distracted ourselves in some way. There. But later . . . this Ibragimov--the Azerbaijani--the whole time he was . . . I was very afraid that we would manage to crawl up to me. I moved farther and farther away from him. And he would take from me . . . He would take my gun and shoot me. Because he was asking me all the time, "Raya, you are a woman, you can't do it. Give it to me, I," he said, "we will not make it out of here." So there. Ten days. It was true, somehow there was no hope. We would lie there. It would be already twilight. It was already beginning to be cold. We were covered with those peasant felt coats. These big peasant coats. They were called "burka" in Byelorussia. There. Then we hear that someone is coming. Someone . . . someone is moving. But we don't whether they are ours or the Germans. So we were also very careful. We are afraid to give . . . Until we see. We had a very short Byelorussian partisan. So the Azerbaijani always called him "brother Byelorussian." And when we saw the people, he saw him first. And he began to shout, "Brother Byelorussian, brother Byelorussian, come here. Brother Byelorussian! We are here, we are here!" Like this.

Q: But to return to the ghetto. You had communicated there. Somehow you communicated, despite the danger. You later met someone besides your friend Raya?

A: Why, of course I met some.

Q: And which . . . ?

A: I met the partisans. I can only name those whom I . . . Especially those that I was close to over there. Because there were many people there as well. I did not know all of them. There. And I met, that is . . . Well, there was one called Sonya Marshak. [I] was walking down the street and I met her by chance. My mother-in-law was left alive. She met very many because she had been in the "family" detachment. There. This family detachment was . . . There were many from the ghetto there. Well, they met with them. She simply knew them better. Leeza Rapo lives here in Florida. In Florida. We were together in the ghetto. Every two years she came to Minsk. Because all of her relatives . . . Yes. I want to . . . Here I haven't said everything. She and her husband . . . They were . . . he was taken to work. I may not know the details of this. They ran away from somewhere. He was wily. And they ran away. They ran away to Poland. They saved themselves. And in 1946 or . . . Well, I don't know the year exactly when the Poles were allowed to leave, Polish Jews to America. They left. And they . . . Her relatives remained . . . She came here every two years--to Minsk. And my friend, who had always been in Minsk, met with her every year . . . She met with her every time. And later, when I already returned to Minsk, she said--do you know that Raya returned and everything. So she always made arrangements for us, we always met together. And then it turned out that she was the friend of my husband's sister, who has been living in Florida for 45 years. My husband's sister

has already come to visit me twice. There. Even three times. One time she came when [my] son came here. And I had talked to Leeza and she even helped me. I have now received compensation for having been in the ghetto. I needed . . . What kinds of documents do I have? I am . . . The Germans did not give them out. Even though I was given a witness affidavit by those who knew me. There. I met someone here named Sopha Levina. But I didn't know. She is very ill now. She has had a stroke. They told me, you know? Sopha Levina is here. She was also in the ghetto. Well, I called her, and we met. Her father was a professor of pediatrics. He taught in our medical institute. I did not remember her. I think that she was 16 years old then and I was older. There. But she gave me a witness affidavit. Then Leeza Rapo gave me a witness affidavit. Then there is a book. Maybe you will have a chance to see it some day--The Avengers of the Ghetto by Smolar. And my name figures in it in a few places. It does not figure so far as to imply that I was something. But, let's say, there were doctors from the ghetto (well, they were already including me with the doctors) were gathering medical supplies in the ghetto. And then there was the doctor from the partisan detachment, R. Livshits, who helped them and everything. So I pointed this out to my lawyer. I pointed out that my name figured there and there. He wrote me that the papers from Germany stated that we had too few witness affidavits. You had written that you were mentioned in this book. Please find this book and make copies of these places and these episodes. Well, what was it to me? I had guarded it carefully, but I lost it in Leeda, when we . . . when my husband was serving. Well, there is no book and that's everything. And you know, we found this book here. They told me that there is a woman here . . . She had already died. Her daughter is here. My

son knows her. They gave us this book. I made copies and left 2 copies for myself. And I sent them to him. There was nothing there which told of my heroic actions, but I was mentioned and all. There.

Q: Did you manage to save your husband's letter? That one.

A: Ha?

Q: Did you manage to save your husband's letter? The first one--from the war.

A: No. You know, I saved it for a very long time, but later . . . I don't know. We were always moving, we moved and we had neither house nor home; we had only a temporary dwelling. It was not saved. It was . . . such a letter . . . it was written . . . That is, he addressed it to me or to those who knew me, "I ask to inform etc, etc . . . there and there. That is, mama and Olya are alive. They are in Moscow. They are living in their own apartment . . . "--Olya's.["] I think that the address was written there. He pointed it out. "I am a captain (he was a captain then, later he became a major, and later lieutenant colonel) there and there." Well, that is how our letter writing began. The letter writing began like this. There was the post office. How did it happen then? I would get a letter. For four months there would be nothing. Suddenly . . . He wrote me that he will help me, that is, send money. Suddenly I get four thousand. Well, for four thousand I could get a pair of shoes, material for a dress--it was dyed parachoot silk. There. And my friend and I bought ourselves some sort of second hand shirts. And perhaps some sort of gingerbread or a piece of bread. We could buy this for four thousand. Probably we couldn't buy much else. Well, later he helped me all the time, of course.

Q: Could you remember in more detail about the prisoner of war camp where you worked as an orderly? What was it?

A: I can remember. It was later in Minsk, my last, from where I left. It so happened that this place was not far from . . . My apartment was not far away from this place where the prisoner of war camp was located. Now there is a prison there. There. That is, there were prisoners of war there. They kept them there. But I had a first aid post. An orderly and I were working there. We were by twos or by threes . . . We took turns being on duty. And if someone got sick, if someone needed help, no matter who it was, we had to help them. We helped them. I did not work there for long. Because as soon as the medical institute reopened, I returned there immediately to continue my studies. Like that.

Q: And when you came to the partisans' detachment, were there mostly Russians there, or people of other nationalities as well?

A: No. There were different people.

Q: Ibragimov was there.

A: Yes, and Asians were there, and Russians were there, and Byelorussians and the Ukrainians. And the Jews were there. There were Jews who joined the partisan [detachments] when they were first organized. Because they had been hiding somewhere, and when the partisan detachments began to function, they went there. Because with the partisans there were . . . I was in the western part, but how many partisans were in the eastern part?! There were very many of us partisans . . . Byelorussia was famous for its partisan detachments. And the partisans contributed their part. There.

Q: Was your house in Minsk preserved?

A: No, no, no. When I returned from Leeda, from training, our house was already destroyed; my husband's house was destroyed. Nothing was preserved. The Government House was preserved. They had preserved it

especially for themselves. The Red Army House--The Soviet Army House was preserved. These were it from the big projects. Some houses on the edge of town were saved. Private houses. Somewhere they were preserved, somewhere they weren't. Because Minsk was . . . The extent to which Minsk was in ruins! Well, they rebuilt it later. Of course, we . . . When I was studying, they arranged working Saturdays. And we . . . carried, that is, removed garbage, brought . . . Well, we did everything that had to be done. We were very actively . . . All the city dwellers had an active role in the rebuilding of the city. There. And Minsk was rebuilt before all the other cities. And . . . were you ever in Minsk? Minsk was a beautiful city! Very clean and beautiful. Minsk was a very beautiful city. Recently it had become a sad place. Because you would be walking and meeting very few Jews--people have left. And you think that you have stayed in your old age. It was a little bit scary. A little bit. And then antisemitism was already there. Then there was antisemitism in full swing. People were fired from jobs--couldn't find a job. My daughter did not work for 3 months. And . . . All in all, they cut back terribly, terribly. When they would consider you for a job, they didn't reject you outright because you were a Jew, because of the fifth line. They didn't reject outright.

Q: Which year was this?

A: Ah?

Q: Which year?

A: Well . . . the last years--it was really during all of the years. The last . . . during all of the eighties. There. Well, I don't remember if it was happening during Khrushchev or not. At that time there was cosmopolitanism. There. It happened all the time. After the war it happened all the time.

For example, we were serving at Sahalin (my husband was a serviceman in the hospital) and there were very many Jews there. Because they tried to send Jews who were in the service to Sahalin. Far away. There. We were in Germany for two years and we . . . My husband was there for 2 years and I a little bit less . . . And we were transferred sooner than the others. Because they tried to remove Jews from there.

Q: When you were in the ghetto, did the Jews celebrate any religious holidays there?

A: Yes . . . At that point we celebrated. Because we were grasping at straws. That is, if there was a fast . . . We didn't have anything to eat anyway, but we fasted. It was not that difficult for us at that point. And maybe? We were grasping at straws. We . . . well, at anything. We . . . Then everyone would tell about their dreams. Someone got up today and said, "I dreamt about such and such--Aha, that was a good dream. It meant that . . . Well, maybe something good will happen . . . But another would say, "Oh, I dreamt about such and such--Oh, this means that there will be some misfortune." It meant . . . Because we were grasping at straws. Like this.

Q: Did people pray in the ghetto?

A: They prayed. But I did not have a chance to meet them. I don't know, a synagogue? Probably there was no synagogue. I don't even remember. They prayed. They must have prayed. At their own places during the holidays. Of course, they tried to celebrate holidays there. Well, celebrate how? You couldn't bake what you were supposed to for a specific holiday, something that you really wanted to have. But, in any case, they celebrated. They fasted when there was a fast.

Q: Did you get a chance to save something, perhaps? It would be a miracle but maybe to save something from your prewar past?

A: From my prewar past? No. I don't have anything except this photograph. And I have another one--from when I was 20 years old. But it is tiny, amateurish, very small. And so I have nothing which has been saved. But I had this powder compact with an inscription. My husband had given it to me. It was very valuable to me. I always carried it with me. And when they had detained me, they found this compact on me (I had nothing). They looked at it, turned it over and over. They . . . It was probably rusted . . . It was silver, in truth. But . . . they returned it to me. And for a long time I . . . I think I had it after the war. But later I . . . I no longer kept it because it had worn out. No, I have nothing else saved.

Q: Did they read any books in the ghetto, or was this . . . ?

A: Of course, they read. Because in the houses . . . The houses remained. Books remained in the houses. Thus, we read. First of all, we burned those that were not allowed, because if they found them . . . then what would happen? There. We would find books and read them. We had to do something with ourselves, to distract ourselves a little. Right now I grab Russian books wherever I can find them. And I read. Because I will not be able to do it in English.

Q: Do you remember what your family and your husband's family took with them to the ghetto? What did you take with you?

A: Everything that we had was burned. Nothing. When I came to Minsk, our apartment no longer existed. I was told that a neighbor took away my mother and my sister. My sister had come to give birth in Minsk. Originally, she comes from Moscow. There. Our neighbor took them away in a car. He had worked somewhere in the organs. They had probably taken

dipers. Do I know? For the child. They didn't take anything. From Leeda . . . I was young. I had taken the best things, the most beautiful things that I had--I left everything. I left everything. I remember that we climbed into some sort of cellar to escape the bombing. And later, when we were rejected at the military registration and enlistment office and were told, "Girls, don't bother us. Leave from here," we dropped everything and left. There was another episode. I don't know, is it appropriate or not?

Q: Yes, Yes.

A: If not, dispose of it.

We had our training in Leeda when we came there. Several us had arrived there. So the three of us began to train at labor and delivery and the other three at another hospital. Later we would have had to switch. We had . . . We were treated very well in labor and delivery. They helped us with housing. We were living in the dormitory of the pedagogical institute. There. They told us of a Jewish woman who would cook for us. This was when they had just freed western Byelorussia. Everything there was like it was in Poland, you know. What would she cook for us. She cooked everything for us. They were very good to us. There was one young man. A Jew. A young doctor. He was the head doctor. The other was an elderly Pole. There. Well, there were others, I don't remember. And when we . . . And when everything was happening, the bombing, where were we to go? First of all we ran to labor and delivery. They gathered us there. And we said, "What are we to do? We have to go to the registration office." And the head doctor said, "Girls, leave the city. Leave. You have nothing to do here. Here you . . . Here you will burn with everything else. Leave the city!" And the second crossed his legs, smoked a cigar and said, "What's wrong with you, young Komsomol members?! You are not going to defend

your homeland. Stalin is waiting for you over there." And the other said, "Don't listen to him. Leave. Leave the city quickly!" And we don't know anything else about their fate, because we left and the city burned.

Q: Did you have a chance to meet the doctors with whom you worked in the partisans later?

A: Yes, we met. There was one Maria Abramovna Kerzon. At that time she was already . . . I was still a student then. She was already a dermatologist and venereal disease specialist. And I became [this kind of doctor] when I arrived at the hospital which had this specialty. And later when we returned to Minsk, she also worked at the dispensary. And we would meet. We had very warm meetings. I know that she later died. I believe that she died in the eighties. She was older [than I]. Her two sons were killed when they were teenagers.

Q: The surgeon under whom you worked in the detachment? What kind of a person was he? And what happened to him afterwards?

A: In the hospital, yes?

Q: Yes, with the partisans.

[A]: We had two. One was the head of the hospital. Yuliy Anatolyevich Altunin, I remember. And the other was Ivan Mefodeyevich Oduri. I had a very good relationship with this one. He was a very kind, sincere person. He always gave you hints, always, he was a very good person. He had an orderly who was also his wife. Then it was called the PPJ. There.

Q: What was the PPJ?

A: Pohodno Polevaya Jena (a field wife). You haven't heard of this? He and she . . . He and she . . . We were friends. He was very . . . They were very good to us and everything. Well, the second one was the surgeon. This was the head of the hospital. He was not bad as well, but he was an

aristocrat, you know. He must have come from the . . . There. He held himself very high. He was always on horseback. With an aide-de-camp. Well, there were all sorts of things there. But you can't tell everything.

Q: Tell us.

A: Well, it was like this.

Q: Tell us. Your children will be interested, your grandchildren will be interested. You were such a beautiful young woman then.

A: No, I can't . . . Well, he took me into the detachment because he thought . . . He was attracted to me. Well, nothing ever developed for him because to me . . . He did not seem handsome to me and, in truth, in the detachment . . . Like this. This is all that I can say about this.

Q: How were the Jews treated in the detachment?

A: There one began to feel the antisemitism.

Q: In the detachment?

A: There one began to feel the antisemitism, yes.

Q: Tell us.

A: Well, how? They . . . were not insulting or something like that. It was the opposite--the partisans--the Jews--they participated in intelligence and in all of the missions. But there were jokes. They could needle you. And for example, there is a 15 or 16 year old boy whose name was Abrasha. So they could say, "Abrasha, where is your chicken?". Like this. This was a guttural pronunciation. You know, they tried to catch you out. But there were no fallings out. I can't say that there were. There were no fallings out. Because the Byelorussians, I can tell you . . . Those of the Byelorussian village were not antisemitic. And when we . . . That is, I am returning. When I emerged from the column and went past the brick factory, the first village that we happened upon was called Medvejina. We

were going to the Staroye Celo but on the way . . . we happened upon the village of Medvejina. They had a tradition in this village. When they walk, they take off their hats and say hello. And so the three of us are walking--there were the three of us and Simochka. And the women are standing there gossiping. You know? Someone went for water, someone for something else. So they say, "Oh, the little kikes (jidki) are coming, the little kikes are coming." And we say, "No way. What kind of little kikes are we?"

"No, no, go ahead. Many little kikes go here. Go. Because even if they are little kikes, they want to live."

Do you understand? They to us . . . Byelorussia . . . In Byelorussia, all in all, there was no antisemitism of the darkest kind.

Q: But how did they know you were little kikes? Because of the hat?

A: Well, they were already experienced. No. What hat? I didn't have anything . . . I was . . . I tore off the star and went in that jacket. We were all like that. There. But they . . . They knew that all were passing. Many Jews passed through that village of Medvejina and that all were going to Moosia. Because all had heard . . . All in the ghetto had heard of the Byelorussian woman named Moosia. There. And so they recognized us. But it was said in a well-meaning way. They did not have anything [against us]. They would not have betrayed us. "Go, go. There is no police here. Go."

Because the police--they would come, they were already afraid. They came on orders. Because they were afraid of the partisans. As the partisans feared the police, so did the police feared the partisans much more. Because it was an example of "ours and theirs." The partisans

would have dealt with them like the Germans would not have dealt with. There. There were times when partisans shot other partisans for looting.

Q: Were there cases of looting?

A: Well, you would go into a village . . . They would go into a village. They would go . . . Someone bursts in and begins to . . . Do you know how? Like it is among all people. There were some like that as well . . . Well, they would begin to take various things . . . things that they were not supposed to, things that were not planned. Because how can you . . . Every partisan could come and take away from the peasants. They were already poor-- they suffered from the Germans and from the partisans. There. Well . . . For this they shot them. There. They shot them, like they did that Epstein. He was shot with that group. Then some police came, I remember as well, but they were . . . Aha, they came, but someone from the partisans already knew about them, what they had done. Do you understand? And they said that these have served the Germans. They had served the fascists, and things were ended quickly with them. Like this.

Q: Were the adults in the ghetto able to get out into the Russian part of the city?

A: No. They couldn't do it under any circumstances. This was . . . we . . . when we were taken to work, the column was formed, the gates were opened, and we were let out. Then the gates were closed again. And they all . . . and all of this was behind barbed wire. Why did so many children die? Very many children died. Well, there are some boys, you know, who were so desperate, so brave. They ran away, they saw that [people] were shot. They ran away. They thought that they could save themselves somewhere. Maybe somebody somewhere would take them in. Maybe they joined the partisans somewhere. Maybe they were raised somewhere in a

village. Because when some left to join the partisans, they gave their children over to be raised in a village. Some took [the children] very willingly. Some very willingly took these children. And then tragedy occurred. The mother would come to take the child. But the child would hug this mother and shout, "You are my mother, don't give me away! You are my mother!"

And, and--Oh, my God!--They would begin like this in Byelorussian. But the mother wants to take back her child. And this was their tragedy.

The wife of the commander . . . the commander of one of the detachments. She had already married him. And she left the child in this village. And when the war ended, they came . . . came to take away the child. There was such a tragedy that I cannot even convey it to you. How this child cried! And I was in the house with this woman when the foster mother brought the child there. She brought her. And stayed with her there. She must have lived there for a month. So that she could get used to it--not to sever her from herself. She cried terribly. How that mother cried! The foster one. And how that girl cried! And she was crossing herself and she . . . Well, in Byelorussian, she only spoke Byelorussian and everything.

Q: And what was the nationality of the girl?

A: Jewish. The Jewish mother went to the partisans and took the girl . . . came with the girl, and when all sorts of missions began, they tried to give the children away to the villages. And some villages took very willingly. There were those without children. And they brought them up well. They . . . We watched many films about this in the Soviet Union. I remember very well.

Q: Do you remember that woman's last name?

A: No, no. This was not in my detachment. Then with a friend . . . They lived in Baranovichi then. And we were going with her to my mother-in-law. She lived in Dyatlovo. There. Also in western Byelorussia. So it was through Baranovichi. We stopped there. And . . . We were going to my mother-in-law. She fed us, because she also married in the partisans. She was 50 years old. And he was a western Byelo . . . he lost his entire family. And he had a house that remained in Dyatlovo. He returned to that house. Then he found his cow. Then he found his pig. Do you know how it was there? And they gave it all to him. Well, and she . . . He was a shoemaker and she was a seamstress, but she was concerned with housework. So she . . . We came, she fed us . . . I don't know how we would have lived if she had not fed us. Because we wanted to eat! Shamelessly. Always. The war was already over . . . already we students . . . we already . . . it was already victory . . . Victory Day, but we . . . we all wanted to eat. We could not be satisfied.

Q: How does it feel to be hungry? How is it?

A: Well, you know, how it is. Well, it's bad. Well, just bad. Your heart gets heavy. Well, just bad. Well, you just want to eat. And-and I don't know. Now some often say that they are going on a hunger strike. I don't understand this. I couldn't do it. I eat very little. But I couldn't go on a hunger strike. You just want to eat. Your head spins and . . . And you feel depressed, and-and-and, well, bad, all is bad, all is bad when you want to eat. Hunger is very terrible. Well, we . . . Everything that we could we transformed into food.

Q: Well, for example.

A: Well, for example, before we were going into the ghetto, well, when Minsk . . . the Germans were already in Minsk, but the ghetto was still not

announced, so there were warehouses, there were stores and-and . . . without an owner. And people went there in throng and took. They took. They took what they could. I remember that we dragged in a big, big bag of powdered eggs. We didn't know what this was. Only later did we guess, find out, that these are powdered eggs. It really saved us . . . at that point. What else did we bring? I believe that we brought a little bit of salt. Probably nothing else. There. So it was like this. So we had a lot of powdered eggs and someone else had a bag of flour. And someone else had something else. So we exchanged. This one will give you a little . . . People made due. You had to live somehow. You needed something. You couldn't gather berries or mushrooms here--they didn't allow you anywhere. I remember that they would take you out to work . . . This was before I was in camp 13. We had the Cheluskintzev Park. There they prepared logs . . . Something--I don't remember. Well, then they brought us back. And I remember how our imagination would run wild. I was still . . . What if we ran away right now? There are Gypsies around here . . . Maybe we could join the Gypsies. Well, you know, the imagination . . . This was simply grasping at whatever you could. Of course, we couldn't run away anywhere, because they would have finished us off right then and there. And we returned. We got into this car and returned. There would be times when my fellow students would approach us. Someone . . . The Russian students. They tried to give us something. But this was very rare, because they were afraid. There was an incident in which one of our students began to serve the Germans. They were two friends, one Russian, another Jewish. And this Sonya Edelson, she didn't even have a chance to go to the ghetto. At once she . . . There was a prisoner of war camp where our prisoners were. And she was there . . . There was a whole group of

them. They, well, helped. They brought some sorts of things so that they could somehow run away. Someone took away, someone brought out, someone . . . something . . . Like this. And she . . . This went on only for a few months, perhaps. Because . . . And they were hanged. They were hanged. There is a square in Minsk. Yes, there is a small memorial there. There they hanged several people. And-and she even sent a note to her mother, that Mother, don't cry for me, and things like that.

And her other friend was Sonya (Nina in another place) Barbarchuk. We were walking down the street. They were taking us to work. And suddenly she saw us. A long time had already passed. It already passed. Many pogroms had already occurred. It was probably '42 already, maybe '43. It must have been '43 already. So she saw us and she . . . You can't blame her. She couldn't approach us because they also . . . But she saw us and shouted, "Girls! You are still alive?!" Do you understand? From her side, it was probably not out of malice, but she hurt us very much by this. My . . . my friend, the one that we were living with the entire time, said, "Yes, we are alive. And to spite our enemies, we will continue to live." She said, "Oh, girls, girls, I will get passports for you. Don't lose touch with me. I will guard you. I will bring you . . . everything . . . "

Did you see her? We saw her thus. And later, when they freed Minsk, when our medical institute returned, she finished the fifth year with us. But there were various rumors going around about her: she served the Germans, she finished some courses with them and all. They allowed her to finish the institute. Also, I remember our professors talking, "Well, it won't be me, if I don't fail her on the government exams." Well, they let her finish the institute, and later, when I . . . I had not been in Minsk for a long time. When we returned to Minsk, I was working and a doctor who

worked with me told me. She knew her, Nina (sic) Barbarchuk. She said, "I know. Nina was in prison for five . . . ten years. For collaborations with the Germans. With fascists. There. Then they let her out without giving her the right to live in Minsk. Then one of our students who had spent the entire war at the front visited her. She really gave it to her!

Well, there were such singular episodes. There were many of them.

Q: You could not talk very much in the camp, but do you remember the people? Well, the faces. Do you remember that someone was beautiful, someone was not beautiful? How was this, all in all? What do you notice when . . .

A: Well, somehow they were remembered. First of all, there were many that you knew. There were people from my year in school, my classmates. With whom we . . . Well, we had a lovely student called Rozochka Barek. How she died. She lived . . . That is, there is the border . . . and there, the ghetto, and there, the Russian neighborhood began. And here was the guard where the police kept the watch. And so . . . But she was very lovely. And so one policeman got to know her. Like this, through the barbed wire, how else? He said, "I will save you. I will save you." Well, and she believed him. All of it. And she . . .

"Well, gather some . . . Don't gather many, but gather a few people and I will take you away to the partisans."

Well, she told us all of this--that girls, at such and such a time, but don't tell anyone. And the policeman, that is, will take us out and maybe we will be . . . we will have a chance to go to the partisans. That's all. She disappeared without a trace. And he . . . he didn't . . . anyone . . . Well, again, so they say. We don't know. But they said that he didn't take them to the partisans. He gave them up to the police . . . Gave them up to the

SS. There. Well, there were such . . . There were those that I knew, those that I remembered, those that are no longer alive. But many faces . . . I know that there was, I remember a last name, but I can't remember the face. Because you know, we have somehow lost our memory.

Q: What about from your classmates? What were their fates? What do you remember? How was it in the ghetto?

A: With my classmates in the ghetto? Well, there was Raya, we were together. Because we were . . . either in the institute . . . I believe that there were no others. You know, there were no others.

Q: What about from the institute?

A: There were many from the institute.

Q: Tell us what you remember about them.

A: Well, what can I tell? I don't know about all of them. Two students who worked with me in camp 13. They took them away during the first pogrom and shot them.

Q: Do you remember their names?

A: One was called Luba, the one that was in my year. But her sister, one year below, I don't remember. There. These. Then, I remember a student . . . What was his last name? I have forgotten already. The one who studied with my husband--Gordon. Grisha Gordon. There was such a one. Maybe they are here somewhere, in America. I don't know. Because I don't know anything else about them. Well, I remember these fellow students. We knew that they will destroy us because they were destroying the entire ghetto. We . . . rumors reached us from other neighborhoods, other cities, that there the ghetto is already destroyed, that there the ghetto is already destroyed. There was still some glimmer of hope, despite this. This was hope in the partisans . . . Before everything on the par . . . on the

fact that we would get to the partisans. There. Well, and our wish came true. Like this.

There were different sorts of times with the partisans. There were times when it was not bad for us, when it was good. Especially during the summer. They were so friendly. We helped one another. And everything . . . Especially if a person . . . For me, as one in the medical field . . . If he had been lightly caught somewhere . . . Even a small wound or something else . . . They tried to treat them very warmly. Because they knew . . . Well, I wasn't conceited. You know, there were such . . . For example, in our hospital there were those who weren't especially loved. Because they had their caprices. But I was okay. If I had to feed, I would feed. If I had to wash, I would wash. If I had to remove the bedpan, I would remove the bedpan. At least the orderlies were there. I didn't take this into account. Like this.

Q: What was your worst day with the partisans?

A: Well, perhaps the worst day was when we were in that swamp. Those ten days. This was one case. There was another very scary day when we . . . It was during the first blockade and we lost one another in the swamp. We had lost one another because this swamp . . . Maybe you have the wrong impression of our Byelorussian swamps. In our Byelorussian deep woods there grow . . . trees stand . . . well, not trees but tall, deep bushes . . . Dead wood is there, dry trees grow there and all. If you step, it's up to here to you. If you stepped in another place, it's up to here to you. If you step . . . Then, you couldn't see people beyond this dead wood. You don't know where you are behind these hillocks. And so it was the last day of the blockade, when we emerged from the woods, but I still didn't know that we would emerge. I was completely alone in the woods. In the

swamp. I was completely alone in the swamp. With my own carbine. And when I . . . I, I don't remember what I felt then. There. I sat somewhere behind a bush. Because it was also dangerous to splash in the swamp. Perhaps someone . . . And it was already dawn . . . And I saw that people were coming, people were coming. I saw that . . . Yes, I heard that people were coming. I thought well, this is the end. This could be the police, or what? What should I do? I took my carbine and put it here . . . I don't know if I could do it. I don't want to praise myself that I am so brave and I could do it. But since I knew how to do it . . . I put the carbine into my mouth in such a way that if they were Germans, I would shoot myself. This was with the foot . . . we knew how to do this. There. I don't know. I don't know if I would have dared to or not. I don't know. But I see that it is the partisans who are coming. So I became happy, but they don't know who I am. Who are you? I say that I am from the partisan hospital.

--From which hospital?

And they continue to wander and all.

--From which hospital?

I said, "Well, we have a partisan hospital in the brigade by the name of . . .

--"I don't know this hospital!" one said.

--"Finish her off. Finish her off, we aren't going to let this pass," he said.

Like that. Well, and I began to explain that . . .

He . . . One said . . . said . . . shouted . . .

--"Finish her off!"

But the other said, "Why are you stuck here? Well, come with us. Well, here is a piece of cracker or . . ."

I remember that they gave me a handful of buckwheat . . . to chew on.

After all, we were so hungry. There. Well, then he calmed down. And I

went with them. I went with them. We emerged . . . This blockade was already over. We emerged into the woods. And there immediately I . . . I sat with them, I remember; we even ate something. And I met my surgeon. And it seems that we shed a tear. Both of shed a tear.

--Well, let's go, he said, to look for our own. I went with him. And we went in the direction where our own were located, to our hospital. People were already beginning to pour in, the wounded, and . . . the heavily wounded were there already . . . We had hidden them and left them. There. Well, it was like this. This was, of course, very scary. If you can imagine . . . I don't remember if I was very scared at the time or not. I don't remember. Because . . . just like this, to close ones eyes and imagine the woods . . . the cold . . . not a living soul, except for the animals. There were very many animals. There were very many animals. There were very many wild animals. Because when I sat there for 10 days with those wounded, we saw them pass from afar . . . So we said, "If we had known . . . If I had been some sort of a fighting man, I might have shot a wild boar and we . . . we would have something to eat. But we couldn't do this. I couldn't do this. There. So there were very many animals. Wild boars . . . And there were various . . . wild goats. There were various wild animals. So you were there in the night, alone, not knowing where you are, who is surrounding you, and you hear how these animals are splashing. It could approach you right now and that is the end. Do you understand? As I said, I don't even remember that feeling of fear. I had it, of course, but I don't remember it now.

This must be the end. No? You still have . . .

Q: Did you wish for anything during the war?

A: I wished all the time.

Q: What did you wish for?

A: What did I wish for? That I . . . While I was in the ghetto?

Q: In the ghetto, yes, and . . .

A: Well, I wished all the time. I wished that . . . that I would remain alive, that I would finish the institute, that I would meet my husband, that I would meet my mother and my sister. I lived on this the entire time. Wishing. I wished all the time.

Q: Were you lonely for your husband?

A: Well, of course. But I had, to speak the truth, very little hope that he was alive. But I imagined to myself like this. He is at the front . . . Well, it is still 3 years, right? Still three years at the front, always under fire! Well, how can a human being remain alive?! I, I didn't count on it. That's why when there was this letter, we were in hysterics, my friend and I. We . . . we didn't know how to read it and where to read it. We hid in some corner, then we ran, then I ran to . . . Then we returned to this . . . well, to the city gardens, where we . . . Gorky Park, where we were still located. And we . . . I was beside myself . . . I enter the garden and I wave, I wave, I wave with this letter. And there they pass it on to one another. From where? No one knows yet. But they guessed that . . . All shouted: Raya got a letter from her husband, Raya got a letter from her husband! And all . . . All, all surrounded me, and this letter passed through their hands. All read it. There.

So we lived only on hope. If there was nothing to wish for, then . . . And life would . . . We would not have clung to life. My friend and I talked only like this: When we were . . . let's say, studying at the institute and going to take exams. How we would shake! How we would worry! If we remain alive and will be taking exams, we will never worry again. And

later when we were in the fifth year, everything repeated itself. My God, what fools we were! Why did we worry? We worried because we had to take exams.

Q: At some point did you thank God or fate? In gratitude that you were saved. Or how?

A: Well, if it's like this, it wasn't automatically, not consciously--simply "Thank God!" Because we . . . Belief we . . . We were not inculcated with any faith. Regrettably, no one inculcated us. We didn't know the language. Not this . . . In the ghetto, in essence . . . I began to understand the whole business. Even now I cannot speak, but I understand--I understand everything. I began to understand in the ghetto. Because there, for the most part, they spoke Yiddish. I began to understand the language there.

Q: But, all in all, what do you think? You were, after all, surrounded more by . . . Did you meet more, how should I say, good people who helped you or, for the most part, did you yourself somehow . . . how should I say?

A: Well, in the partisans, for the most part, we made our way through ourselves. But, all in all, I think that there are more good people. And in the institute, when I was studying . . . Well, in school--it was, for the most part, a carefree childhood. And then later, after the war, when I was studying, we were treated with much sympathy. And somehow . . . Of course, there were good people. You simply tried not to have business with the bad ones. Perhaps there were some bad ones. But somehow I managed to select my friends. And later we had very many friends. My husband was in the service. We had friends in Germany. But already someone had died. Or, or he, or she. Almost . . . One couple is left, yes, a husband and wife. They were younger than we. To this day we are . . . We had friends everywhere and we maintain contact everywhere. In the

summer we even went to rest at Yevpatoria--three families. The Sahalin friends were writing to one another. And we came together. This was also interesting.

Q: But how did you find these people, the ones with whom you left the ghetto for the partisans? Or did they find you? Generally, why you? Or? .

A: Well, how? How did I find them in Minsk, or what?

Q: No. How did your group organize itself in order to leave the ghetto for the partisans?

A: Ah, from the ghetto to the partisans? We, the three of us, were friends, that's all. And . . . The friend of . . . was his closest. She had left a little bit earlier. She had hinted to this Simochka. So that she would find us there. Well, we also . . . guarded this Simochka. And we . . . This we had in common. She--that friend--she left with nothing. Somehow she got a chance and she left. Because all of this belonged to us. And to her as well. And when we . . . She had already left and we . . . so we . . . There were the three of us. Do you know something? I remember him. I remember another one well. But I can't remember the third (the third one must have been R.A. herself--from the margin). I can't remember and that is all. Well, it wasn't like we were friends . . . We discussed this question together. And how we should do this, and how to leave, how Simochka . . . and all such things.

Q: What kinds of instruments did you have when you worked as a doctor in the detachment?

A: In the detachment. Well, since we had organized a hospital . . . They had dropped down medical supplies to us using airplanes. All that we needed. For the most part. So we had . . . We had a pharmacy in the

hospital. We . . . Well, of course, some, you know . . . If we got a hold of, let's say, a few tubes of Streptococcus at one point or Sulfadiazine, this was something . . . We conserved it very carefully. And all the same, we had instruments. We had syringes. Of course, they weren't disposable. We boiled them. There. We had syringes, we had . . . well . . . The surgeons had orderlies for surgical procedures, in order to do the operations. Later, when the hospital was dispersed, we had somehow made one cart. And we carried all of that out. And there they must have dispersed it among the detachments.

Q: But when all of this began, when you . . . You had . . . How should I say, the training and the war began. Did you acquire skills which were later useful to you?

A: Well, we were already . . .? Well, we could already do some things. We had finished 4 years at the medical institute. We could do everything. We could administer shots. Administer shots. Well, let's say we couldn't operate, but we could put in staples. We could do all the binding. We could administer any shot. There. Well, because we . . . our training had begun in labor and delivery, it was useful to me. I delivered this girl. A girl was born, a girl. Our medical attendant was . . . I said that I had never delivered a baby, and here are our two surgeons. And I said, "Well, you should at least stand close by. Or," I said, "I could . . . Some sort of complication can occur and I can't handle it." He said, "We will be close by, but you deliver it (they were uncomfortable), you deliver it." And she--this medical attendant said to me, "Don't you worry. I will also give you hints." Well, it was all normal. We delivered. We got everything ready. Everything--scissors in order to cut the cord. This isn't hard when you have to learn it.

Q: And after the war, when you were friends, were you friends with good people for the most part or did you choose Jewish friends particularly?

A: No, no. We didn't choose Jews. We were friends with . . . When we . . . That is, the war ended, and I immediately began to live where my husband was living. Well, in Germany. We had friends in Ge . . . in Germany. Well, until the last years. Perhaps we had lost touch with them in the last few years. With one--particularly. He even came to visit us. He happened to be Russian. We were friends in Leeda. We had Russians and Jews. There. Even though . . . more, nevertheless, somehow you got close to, somehow you tried with Jews. And at Sahalin we laughed at the fact that they had practically sent only Jews to these hospitals. But not only [Jews]. We had Russians as well. We gathered together very often. We had good times together. Because this was a remote place. In a foreign land there were no relatives. So we were like a family. We are . . . to this day we are like family. Those that are alive . . . I just now got a letter, I just sent a small package to Kiev. She thanked me. It is her granddaughter already. It is her granddaughter already. There. So it is . . . well, just to do it . . . Well, of course, there were [friends]. We had Russian friends. Especially we . . . Well, of course, there were . . . Well, you would meet antisemites. We met those that you could clearly see were antisemites. We tried not to have any business with them.

Q: When did you come to San Francisco?

A: We came to San Francisco on November 13, 1989. It will be two years. I came with my daughter, my grandson, and my son-in-law. And my son already met us here. He already . . . He even had a job already . . . He had been here for 8 months already. There. Well, that period was kind of difficult. They didn't know the language. They couldn't find work in their

fields. There. They had to complete courses. My son-in-law finished one kind and she finished another kind. She worked as a dental assistant. It was been only 2 days since he went to work as a programmer. He finished courses. So there is still much ahead for them and . . . I have a very nice apartment. I got a one bedroom apartment. I was on the waiting list for a year and a half, but I got it. There. Well, my pension is enough for me. I can even help them. But they don't especially take help from me.

Somehow they earn for themselves. There. My granddaughter is at the university, in her third year at Berkley. There are two boys in 11th grade. This is my daughter's son and my son's son. And they all work part-time.

Q: When you were in the ghetto, did anything funny happen?

A: Well, it happened. The Jews are a people with a sense of humor. There were, of course, funny . . . They told anecdotes, and . . . They tried, many tried to make one another laugh. Especially those who had a sense of humor, this humor remained with them until the last minute, until their last breath, you could say. It . . . There were many like this among them. And at work you had a chance to laugh--somebody would say something and you would laugh. We had one, I remember . . . She cursed terribly. It is not appropriate to say . . .

Q: Tell us.

A: She always cursed terribly. We sat there and worked. We were folding or sorting something, I don't remember. There were very many of us Jews sitting there. And each one was doing his own thing. And that one was saying something, cursing, cursing. I said, "Sonya," I said, "Aren't you ashamed of yourself?!" She said, "Well, here is the intelligensia! Look, look, at this member of the intelligensia! Think about it! She doesn't like the fact that I am cursing!" I remembered this.

Well, there was much. And my mother-in-law had this sort of humor. She would say something to support us. Well, like this.

Q: Tell us some more about your mother-in-law and your father-in-law. How did they live in the ghetto?

A: Well, we lived . . . Well, how? He was taken to work immediately. And he did not return. It must have been, what kind of job, we were thinking. Well, some sort of job that we weren't supposed to know about. Or they were digging holes . . . for themselves, for us, for everyone. Or what? . . . But many . . . There were many people who were taken away and did not return. There. Well, and she worked with us in this camp. She could do everything. She even . . . They even tried not to give her the dirtiest jobs. To fix something or something like that. So she . . . Well . . . Then for my friend and me she . . . She was the housekeeper and everything . . . Maybe we could not make due but she could make due. We were hungry, but still we managed to eat something, we got some things. And she . . . And the Russian women really loved her. They always tried to bring her something, to feed her. Like this. This also took a great deal of risk. They weren't allowed to do this. Well, when we got a chance to leave . . . for the partisans . . . when they were bombing Minsk, she was even a leader. Like this. Let's go and leave and all. She grabbed something . . . Because all was left behind. She took a jug . . . To me she . . . [said] that she is going to a village . . . the jug . . . In this jug was a piece of bread, a piece of bacon. I don't remember what she had then. And we went. We went, we went, we went. There. And she was good at the partisans, as well. She was a good housekeeper. She cooked there . . . in the kitchen. Then the deputy commander had twins. But his wife . . . She had twins. They took her for themselves to be a nurse, to help. She helped them.

Well, because she was a wise woman . . . she . . . they treated her with respect. Well, so she . . . She kept in touch with many because she was in a family detachment, the Zorin. She kept in touch with many and everything. But I don't know all of them, of course. Later I . . . we didn't live . . . we came, we were from '46 . . . from '45 even . . . Well, from the beginning of '46 until '63, we didn't live in Minsk. We came to Minsk in '63. My husband was demobilized.

Q: Did she marry a Russian in the detachment?

A: A western Jew.

Q: She married a Jew, yes? You had mentioned that he found his cow, his pig.

A: Well, yes. Yes, he had a farm. He had livestock. Do you know how Jews behaved recently? They prayed to God and ate pork. There.

Q: Do you remember any jokes from the ghetto? Your mother-in-law's jokes? Or some other jokes?

A: Well, I just can't remember right now. I can't remember right now.

Q: Some sorts of words? Favorite words?

A: Well, you know, she was something. She talked with a Yiddish accent. In appearance she was . . . But if she began to talk . . . In appearance she was a typical Russian woman. But if she began to talk, you would know immediately that she was Jewish. Well, it was okay. Well, simply, she was this kind of a woman. She wasn't bad. She really, really supported me, she fed my friend and me while we were already studying. She thought of my friend as her daughter and of me as her daughter-in-law. We all lived together. We had to present it in some way, so she said that to everyone. So she . . . all the time . . . what didn't we bring . . . many groceries from there. Sometimes she would come--she would bring. Well,

for three people. My husband's brother lived in Minsk by this time. There. So she brought for the three of us. All for the three of us.

Of course, when I was in the 5th year . . . I was already studying. Well, that my husband was alive? I knew that already because we were exchanging letters. When I was studying in the 5th year, before we were living in the dormitory, we lived in some sort of a relative of my friend and she gave a couch for the two of us. Her parents had been killed. She herself was probably from the front, she had been at the front. Well, she occupied . . . Well, she let us in. Well, we even paid her. I don't remember how it was. There. This was somehow behind the railroad. So their house . . . this street.

Well, my husband knew my address, where . . . where I live. There. And so we came back from the institute in the evening. She was also studying. She worked and studied at the pediatrics institute. We came from the institute. We ate together, some sort of kasha or . . . We always ate together. Suddenly, we saw the face of some serviceman in the window. She screamed . . . she didn't know him. My friend and I knew him, but she didn't know him!

So he is looking in the window. He went . . . The private homes were close to the ground. He went about, he searched. First of all, it was already dark. And, and she sees the face of some serviceman. She screamed, "Oh," she said, "Lyova has come!" You know, like this.

Well, we were flabbergasted. We opened the door--and really, my husband had come. Well, you can imagine.

I didn't go to the institute the next day. There. But my friend went. She told everyone . . . In the institute . . . we all studied together. In

truth, he was a year ahead. All . . . all knew us, that we were a couple who were married and all . . . But our friend . . .

"Why is Raya not here?"

She said that Lyova has come.

--Oh, oh . . . Let her be happy! She is so lucky. We wish her happiness.

This is such good fortune!"

Well, really. For so many years to pass and then to meet each other again! Because some found others for themselves. All of this . . . Well, but we met and again . . . There.

In the beginning we exchanged letters for . . . Well, so he came then. He came on a pass. That is, for him . . . They gave him one day Minsk to sort himself out. I think that they were going to Romania. There. Well, so that meant I had him. Then he took me to his train car. Where all of his . . . medical unit was. He was the commander of the medical unit at that time, I think. Well, there were his doctors, nurses and all. We met one another. They began: one would give a loaf of bread, another some canned food or something. They all began to give this to me.

Well, he later left, of course. There.

Q: Where did you spend the night?

A: There . . . In that room, which she let us have . . . There.

Well, is this all? No? Or are you interested in something else?

Q: How did you meet him? Tell us how . . .

A: We were students. He was one year ahead. I was a year behind. There was a demonstration somewhere--Students' Day, I think. We met there . . . From that time . . . I was in second year, he was in third. Well, when he was in fourth and I in third, we got married. Because he was older than I by five years, almost 6 years.

(There is unintelligible talk by the questioner)

Q: You said something . . .

A: I no longer remember.

Q: During the fifth year . . . about your friendship, perhaps, or about . . . something new . . .

A: But I already don't remember what it is. Well, it is something immaterial because I . . .

Ah, what did I want to say? That I married in '39. This meant that we had studied for 2 years. There. I had a son in '43 . . . in '47. There. Because we did not live together. We didn't know anything about one another. If we were alive or not?

And so?

(unintelligible talk about the photograph)

Q: You have to go a bit lower. The corners. By the corners of the photograph . . .

A: The corners?

Q: You said with a friend, and then cover up the face of the girl in the photograph . . .

.....

Who else is in the photograph with you?

Q: Ah, this is my friend from school. My friends from the beginning grades--Luba Pakova . . . I don't know if she is still alive or not. Later there was no longer a friendship between us.

Q: What year can this be?

A: So. This is first grade. It means that I--born in '19 . . . I was 7 years old. It must have been '26.

Q: Show me the photograph.

.....

Seven years old, the year 1926.

A: It was 1926.

Q: (unclear) .....

Later .....

A: In 1946 . . . In the year 1947 I had a son.

Q: Who is on the photograph?

A: I am, my landlady . . .

Q: Who is she?

A: Frau Gerhold. The landlady . . . from whom we rented the apartment . . . in Germany. There.

Q: But she was a German?

A: A German. Of course, she was a German. There. And-and-and, and the child that she is bathing.

..... So. Now I will remember . . .

..... I had Natasha in Sahalin. This must have been . . . '53 . . . '53 or '54. Just like this.

Q: In Sahalin.

A: . . . If I had known, I would have brought other photographs. This is just by accident--but I had some. Is that all?

Q: But what is this?

A: So. These were also times . . . Also . . . forty . . . this . . .

Q: 1954?

A: What did I call it?

Q: 1953 or 1954.

A: Yes, it must have been '53 or '54.

Q: In Sahalin? When?

A: In Sahalin, yes. So . . . Well. This is my . . . My husband with my daughter. That is, she was born in '53. It must be around '56, '57, '56. . . . . This is where? It must have in Leeda. Well, approximately, also fifty . . . maybe '55, like that. There. Perhaps he has more hair, more hair.

Q: What was his rank?

A: Lieutenant colonel.

Q: Lieutenant colonel of the medical . . . ?

A: Lieutenant colonel of the medical corp, yes.

So. This is '63. They are seeing me off. There is even a date there-- 6.11.63. We were leaving Leeda for Minsk. My husband was demobilized. He came to me in the dispensary, where I worked and was photographed with us . . . . .

(unclear) . . . . the chief doctor was taking the picture . . . . .

Here I am in Minsk in '64 or '65 already. The clinic at the "Radio-Factory." I am working there.

That is all. Well, and this is now. This must be unnecessary.

San Francisco?

San Francisco. We went on . . . We went on a tour of some flower company . . .

That is all.

Raisa Abramovna

Livshits

1991 October 16

Russian transcript

- 1 -
Рассказ Раисы Абрамовны Лифшиц.

Ведущая: — Раиса, расскажите о себе, пожалуйста.
Р.А. Я родилась в городе Млинеке в 1919 году, в апреле месяце. Отец мой, Лифшиц Абрам Вульфович родился в 1898 году. Мамочка моя, Лифшиц Эстер, ее девичья фамилия была Розова, родилась в 1892 году.

А-а, отец мой был служащим. Э-э-э, жили мы ну так, семья среднего достатка. Мне детство прошло, как всех, в общине до, советских детей. Я училась в школе. А-а-а, летом я ездила в пионерские лагеря. А-а-а, жизни довольно беснечко. Забот никаких не было. Обо всем думали мои родители. В моей семье я не знала еврейского языка. Хотела много детей с н... родителями с мамой не разговаривали по-еврейски. Они разговаривали по-еврейски иногда между собой, так чтобы мы-дети, не поняли, что они говорят... Хотели сказать. Может быть, м-м-м... праздников тоже я не помню, потому что отец мой был э-э-э советским служащим всю жизнь. И может быть поэтому я не знаю, потому что я не знала ни бабушки, ни бабушки.

Моя Маша, она родилась на тер-

риторики бывшей Польши - это западная Белоруссия. И родные ее остались там. У отца уже родителей не было тогда, когда я стала взр... более или не менее что до поминать. Поэтому, наверное, к религии мы, как то так, не имели никакого отношения. Вот. Ну, дальше я кончила школу, пошла в медицинский институт. Все это было без проблем. Сдала экзамены, пошла. Прочитала там 4 года, до 41 года. Вот тогда и началась моя такая, самая сложная биография.

На 3-м курсе я вышла замуж. Мой муж тоже был студентом, только старше меня на курсе. А после окончания 4-х курсов института меня послали на практику в г. Минск. Я поехала туда потому, что... Я могла вернуться в Минск. Отец меня предупреждал: "Ря, не едь, потому что время не спокойное, начнется война, а это почти на самой границе."

А я говорю: "Ну и что же. Мы же воевать то будем не на нашей территории."

И потому, хотелось посмотреть. Это, все же так, почти что Западная.

Вот я и приехала в Лугу. Там я про-
ла..., проходила практику всего лишь, наверное,
месяц, полтора. Ну, и началась война.
Война началась, 2-2-2. Город начали бомбить
еще до объявления войны. Уже 2-2-2 ночью,
уже упрям горела железнодорожная станция
и город ждал уже был обречен на гибель.

Мы, три девушки-студентки, побежа-
ли в военкомат. Везде мы - военнообязанные,
девушки. Приблизительно было известно, народу много.
Мы требовали, чтобы нас взяли на фронт.
Мы не... нас... с нами не хотели разгова-
ривать. Не до нас было. Очень много было ка-
рому. Мы все же так требовали: "Нет, мы -
военнообязанные, нас обязаны взять". Но нас
на фронт не брали. Сказали: "Девушки,
выходите из города. Любимые ждут."

Ну вот, пришлось нам... мы все бросили.
Бросили все свои вещи и пешком отправились
вместе с группой, с лесной дивизией отпра-
вились пешком в сторону Ленинграда.

Путь был очень тяжелый. Пришлось одо-
леть болота, леса. Жили мы укрывались во
ржи глубокой. А-а-а... Голодные. Жили
в деревнях обращаясь, чтобы нас на-
хоронили. В некоторых деревнях нас при-

никуда хорошо. Говорили: „Вот и наши ж сынки где то также, наверное, голодают? А в друзьях в маме разговаривать не хочется.

Так вот, с большими трудом, пешком, в теплых за то, примерно, зной ли забралась за Минека.

Минек был уже оккупирован врагом. Но когда мы шли, мы надеялись, что мы пройдем за границу, бывшей границы с Латыш, и дальше враги не пойдут. Ведь так мы были военными, что воевать мы будем на... не на нашей территории и... это, по моему мнению, лет мы в это верили. Вот. Когда мы пришли в Минека, Минека горел со всех сторон. Вообще то, он уже почти весь был разрушен. Еще пожарница еще видно было, еще горела. Вот, и-и-и. Вскоре... да, там я нашла родителей моего мужа и моего отца, моя мама и моя сестра с грузными рюкзками (сестра жила в Москве, но она приехала рожать), они эвакуировались. Но о них, конечно, я ничего не знала. Мужа тоже уже не было. Он успел окончить, сдать последний государственный экзамен и его... ну, эвакуировался из города. Там вскоре его взяли на фронт, но это я уже, конечно, узнала

потом. Жив он, или не жив, жива ли моя
родня, я ничего не знала.

Вскоре, э-э-э, Меник был оккупирован, как
я уже сказала. и вскоре был издан приказ
о создании Менинского гетто.

Мы пытались, э-и-и, пробраться через
фронт, не попасть в гетто, скрыться где-то
в деревнях, но нас выдавали. Внешность, мо-
жет быть, или что, не знаю, но, в общем,
нам пришлось вернуться в Меник. И так мы
оказались в гетто. В течение 5-ти дней мы
должны были, все должны были покинуть, э-э-э,
дома, где мы... где мы кто где жили и пе-
ребраться в гетто. А-а-а... За невыполне-
ние приказа - расстрел. Так были развешены
объявления по всему городу. За малейшее не-
выполнение любого приказа - расстрел, расстрел,
расстрел. Это только мы везде видели на
стенах такие объявления. (Вздох).

М-и, ~~а~~ для гетто был выделен специальный
район, э-э-э, ^{в соответствии,} определенной площади. ~~Здесь~~ ^{это}
такие большие еврейские ~~там~~ и жили. Ну, конечно,
там жили и русские. Русских вывели.

Нам выделили, и-и-и, земель, значит,
большую довольно площадь, там, несколько
улиц, а район, а-а-а, гетто был огорожен

колючей проволокой. Внѣшнѣ изгородь проволока, перелезть через проволоку - расстрелять. Там было расстреляно отъѣвъ много малыхъ дѣтей, которые пытались голодные, а-а-а, пытались пробраться через проволоку к своимъ знакомымъ, к своимъ друзьямъ, чтобы раздобыть несмѣлочно пищи для себя, продукты для себя, для своей голодной семьи, но большая часть дѣтей была расстреляна и уничтожена. (Вздох).

Вскоре былъ изданъ приказъ о желтыхъ латахъ. С немецкой пунктуальностью былъ указанъ размеръ латъ, где и какъ они должны быть приняты. За невыполнение приказа - отъѣвъ расстрелять.

Э-э-э, где то, э-э-э, сразу же начали, начали убивать людей. Ежедневно погибали люди. Ветераны поѣзжали, ногами поѣзжали газонные машины и возили, возили людей, и приводили к месту погребения ихъ уже мертвыхъ. Все также начали поговаривать о готовившихся погромахъ. Первый погромъ наметался на 7 ноября 1941 года. Об этомъ шли слухи, насъ пересказывали ^{из} русского района. Тогда сами евреи вѣдь, собственно, копали для себя эти ямы. Был... пригнаны эти ямы были выкопаны в деревне Пучинка. А-а-а, где ~~в~~ впоследствии, конечно, была заб-

новеей палатник. Там похоронено очень много евреев. И часть евреев в районе Юбилейной площади, так называемая "яма".

Туда ходили мы каждое 9-ноября у мемориала войны. Отдыхали, там вспоминали своих родных, которые были ^{погиб.} которые погибли.

А-а-а, зная о готовившихся погромах, надо было же что-то предпринимать. И вот мы строили "прятки". В квартирах наших, в комн. . . , в одной комнате жили по несколько семей. Мы строили прятки. Их там называли "малыны". Это такой жаргон. По такому жаргону - "малына". Надо сделать малыню. Значит, в нашей доме была такая игра. Мы ее заставили играть. А-а-а... Викар навешивал всевозможных тряпок, вещей.

И, и-и-и, заставили, и спрятались там. Дышать было тяжело. Мобильность очень много людей. Детей, женщины с детьми туда не пускали, потому что это дети бы, конечно, нас бы выдали. Там как-то надежда, что, может быть, детей, 2-3-х, женщин посадили с детьми, может быть их не возмучат. Мы не строили иллюзий, что мы останемся в живых. Но, это-то надо было делать, это-то

надо было предприниматься. Вот мы, вот в этих "спрятах", спря..., прятались. И на этот раз надо удалось выйти.

На следующий день нас все выгнали с этого района, а-а-а, район сужался, он переходил в русский район; гетто вернее, район гетто сужался. А-а-а, эти улицы переходили в русский район.

Мой отец был вместе с нами. Очень больной, он не мог идти. И мы с подружкой его несли. Нам заставили положить его на землю. В нас начали стрелять. Мы останавливались возле него. Нам начали стрелять. Мы отбежали. В него выстрелили. Но он жестким указом мне что-то сказала. Я отбежала, но я вернулась обратно. В нас опять начали стрелять. Я была в таком военном расстройстве, я не знала что мне делать. Отец, еще живой, мне указывая сидеть. И вдруг чего-то летя сзади от него отогнали.

И вот этот район был освободен. Он тоже переходил в русский район. А-а-а, ну, я не могла прилечь, мне же надо было знать жив ли мой отец, или не жив. И через..., поздно вечером,

а вечерами вообще нам строго запрещалось ходить, поздно вечерами мы с подружкой пробрались через ограждения, подошли к знаменному месту, но отца уже там не было. Немцы нас задержали и поставили к стене. Значит нас, по сути дела, ждал расстрел тоже. Но как-то они замикались, тут еще люди появились и мы... , нам удалось бежать. На этом раз мы опять чудом какими-то спаслись.

Все чаще мы слышали о существовании партизанских отрядов. Мы мечтали тоже покинуть гетто и уйти в партизанский отряд. Для этого нам надо было что-то сделать, что-то предпринимать. Мы все... , медицинские работники собирались, думали как бы нам собрать немножко 7-7-7... , медикаментов, бинты, чтоб хоть не с пустыми руками, если нам удастся добраться, уйти в партизанский отряд. Частенько 7-7-7, часто, а-а-а, выводили из партизанского отряда малые дети. И вот мы тоже мечтали somehow как найти вот этих еврейских детей, чтобы уйти в партизанский отряд.

Нам, труднопособных, всех водили на

работу по конвое по территории, по
ежедневной. С...и-и-и, по бокал-конвой.
С собаками. Э-э-э, отлучившись, повернуть-
ся, увидеть кого-то знакомого, заговорить
с кем-то или на какие права. За это
расстреливали на месте. Я с группой
людей работаю, в так называемые, "ла-
герь 13", 13-й лагерь. Там были эле-
ментарные, а-э-э, склады. Там там шили,
стирали, выполняли всякую черную работу.
И иногда расстреливали вещи. И вот,
в лагерях..., в лагерях там охраняют с
подругой машинами патроны. Мы решили эти пат-
роны взять. Но как же их вынести? Ведь нас
обыскивают. И..., за..., мы ничего не
имеем право вынести, даже продукты.
И если... нас, нас, нас расстреляют.
И как-то мы все-таки решили.
Пришлось их спрягать так, чтобы они
их не нашли. И еще их вынести.

Ведущая — Куда вы их спрятали?

Р.А. И нас удалось вынести патроны.

Ведущая — ~~Как вы это сделали?~~ ^{Куда вы их спрятали?}

Р.А. Куда мы спрятали? Спрятали так,
что с трудом, что с трудом не нашли.
Спрятали так. В одежду свою. И куда бы

не добралось. Но могли. Иногда нас раздвигали. Иногда нас раздвигали сзади, обыскивали. Всё, всяко было.

Нале запрещалось всякие зоны. Поздно вечером выходить на улицу нельзя было.

А-а-а, организовался где-то еврейский комитет, так называемый "Югенраб".

Председателем этого Югенраба был иудеек, Илья Лрушкин. Такой был очень порядочный, добросовестный человек. Он был назначен, он желания не имел такого, но он..., его заставляли, заставляли. Но ему надо было выполнять все немецкие приказы, надо было собирать у евреев вещи, золото, все ценное, всё. Люди, конечно, старались кое-что спрятавать. Приказ он, э-э-э, выполнял. Немного кооперировался, полностью не выполнял. И за это он был расстрелян.

И все же таки, не смотря на то, что нас запрещалось, мы часто собирались возле Югенраба здесь. Ну, исследовали - хоть какой-то контакт, чтобы был между нами. И вот, однажды, так вот, ^{собранным} нас несколько человек; подошел к нам новый комендант, новый председатель еврейского комитета -

некий Эпштейн, который очень сильно
судился немцам. Впоследствии он был рас-
стрелян партизанами, китайцы, я была
свидетелем этого. Он и вся группа по-
шел. Он меня задержал. С какой целью -
я не знаю. И повел меня к коменданту.
Меня меня раздели, обыскали, начали допра-
шивать. Я, конечно, была очень растеряна.
Я, когда меня допрашивали, я представи-
лась как-будто бы я не понимаю по не-
мецки, но ведь евреи то, в общем то,
должны понимать, э-э-э, но... по немец-
ки. Но я говорила: "Нет". На все я от-
вечала: "Не понимаю, не понимаю."
Он раздвинулся, велел мне одеться и меня
повели..., закрыли в комнату. Что меня
там ожидало? Я не знаю. Какая цель
была? Ну, конечно, живой бы меня не
выпустили.

У меня свекровь, мать моего деда,
я с ней жила вместе. Очень такая
свежая, румяная, вообще, такая бо-
рая, похожа на русскую она была.
Она подошла туда, к охраннику, дама.
показала ему золотые часы и кольцо,
которые надо было спрятать,

потому что все уже отобрали: все ценности, все. И упрямая его жена вынуждена. И вот, какие-то чудеса — опять чудо случилось — жена вынуждена. Вот такие образы я на этом рае опять оставила жевать.

«Можно ли сделать перерыв что-то бы?»
— прости Расса. Л.

Лагерь как естественные сокращения. Люди становились все меньше и меньше.

Их убивали, уничтожали в погромах, так часто. Люди пытались уходить из гетто. Это дороге их убивали. И вот, им тоже решили уйти, все же-таки, как-то уйти из гетто. Им знали, что, э-э-э в... , деревня есть такая — «старое село» и там есть такая женщина, белорусская женщина Лиза.

Все-то ее все знали..., о ней слыхали. И ее называли попросту гетто из пущи из гетто в партизанские отряды. Мы-и-и договорились с 13-ти летней девочкой, Силькой, которая все время кураторовала с партизанской бригады в гетто и обратно, и выводила людей. И вот ей, три женщины и один мужчина, договорились с ней, что она нас выведет из гетто. Это было очень рискованно. Поэтому это мы

должны были ежедневно выходить на работу со своей колонной. А тут мы решили, что мы на работу не выйдем, присоединимся к колонне, которая... ежедневно набирались другие люди, там, на разные работы и присоединялись к этой колонне. Мы приняли такую тактику, чтобы за узелок потянуть - можно было снять патчу. Э-э-э, мы..., а у нас была, э-э-э, значки, медикаментов не было, э-э-э, были патроны и один пистолет на нас, на всех троих. Все же таки, мы шли не с пустыми руками. Мы присоединились к этой колонне. Шли по... со стороны ближе к прощару. Стали друг за другом. Сиделка шла по прощару. Это была весна, наверно, январь 7 зима было; а-а-а, люди шли, спешили на работу. Мало надо было выйти из колонны. Мы друг за друга, сзади стоящие сзади стоящему срывали эту патчу. Мы вышли из колонны. Каждый в отдельности. Мы ездили, сейчас нас ветреники, какой-то увидит полицейский, или э-э-э, люди, спешащие на работу; ведь люди все же разные и могли нас выйти, выдать. Но наоборот, они нас прикрывали и говорили: "Бегут, бегут, бегут". Вот так

Вот, они нас прикрывали все время.
„Удержайте, удержите!“ . Мы знали
что нас надо дойти до кирпичного завода.
Если мы благополучно дойдем до кирпичного за-
вода, значит опасность миновала. Там уже немцы
не рискуют, потому что, э-э-э, там в дерев-
нях явно попадались, и-и-и, партизаны.
Но немцы и полиция, они по заданиям, они
также очень боялись, они только по заданиям
шли в деревни, а так они боялись идти в де-
ревни. Вот так мы дошли до кирпичного за-
вода. Дальше мы уже вместе с Силейкой.
Она нас повела к этой..., в Старое село
к этой женщине белорусской. — Мусе.
Она нас накормила. Это была очень добрая
женщина. Она..., у нее всегда найдется
стакан молока, кусок хлеба. Она накормит,
и, самое главное, она даст путевку
в лес, направит в лес. И вот, она
нам сказала, чтоб, значит, ... показала
дорогу как идти до деревни Схирлеонтово.
Там все потеряли, значит, уже партизаны.
И там вы попадете в партизанский отряд.
Так, 28 апреля 43-го года я попала
в партизанский отряд. Партизанский от-
ряд ил. Тархавенко бригады им. Сталина.

Я считала, что это второй день моего рождения. Останусь я жива, или не останусь я жива, но, во всяком случае, я уже не в руках у немцев. Там я в партизанском отряде очень мало была, потому что я, как мед. работник, ну, студентка, 4 курса уже кончила; меня забрали в партизанский госпиталь. В партизанском госпитале у нас, это... находится в очень таком глухом лесу, лесу; кругом болота. Э-э-э, Нулеводская пуща. Пуща очень большая была. Частенько пущу называлась Нулеводской пущей. И там есть партизанский госпиталь. Выстроены землянки и лес... , там была фельдшер и нас, несколько студентов, потом медсестра. Фельдшера была. Мы там работали. Поступало очень много раненых со всех отрядов, с различных отрядов. А мы-и-и их оперировали. Ну, я уже все-таки 4 курса кончила, я уже несколько, кое-что знала. Была сестрой и врачом. Помогала, ассистировала хирургам и врачам. И вот так, в этом партизанском госпитале мы существовали до сентября, э-э-э, до сентября месяца 43-го года. А-а-а, началась блокада. Значит, э-э-э, немецкие

часть... воченские тети, вражеские тети,
вернее будет сказать, скружили Милевскую
пушу и все, находящееся там отряд...
Всеее с теми нашими военными загинали в
болото. Болота эти были... ну, пуша состоя-
ла из лесов, болот. Болота эти были очень густые,
глубокие. В одном месте глубина доходила
так, в другом месте - до колена. И вот так
они... были там кошки, более сухие места.
И так то едят мы находились в этом болоте.
Мы ели малину, стрекозу, но нечего все же - так
до нас не добрались. Мы голодали, ели лишь
болотную воду. Сухари, которые нам дали с
собой, быстро очень кончились. А-а-а, новорож-
денный ребенок, которого мать держала на ру-
ках... Кемати, еще до блокады я лично при-
нимала роды. Это была наша фельдшер,
мед... Э-э-э, нашего госпиталя. Я приняла
первого моего роды, я приняла это... , которое
я приняла. Я приняла этого ребенка. И вот
вскоре нас загноили в болото. И вот этого
новорожденного ребенка мать утопила в бо-
лоте. Она похеривала своего ребенка, чтобы
спастись самому. Поэтому этот ребенок плакал
голодный. Кормить его было нечем. Это была
большая трагедия. Мы все очень ~~г~~ глубоко

переживали это. Но другого выхода не было. Но одного очень людей перебыло. Но когда кончилась блокада, они выехали из леса, кучу, из болота. Выехали из болота, э-э. Направлялись. Встретили партизан мы. Не знали где мы находимся, потому что это пуща. Ока... в ней же можно очень легко заблудиться. Ну, как-то мы нашли партизан, потому что я нашла своего хирурга. Нашего. Они направлялись в наше бывшее лагерь. А-а-а, тяжело раненных (я узнавала это) мы укрывали в глубоком лесу с э-э, 2-ая группа работниками, а я, вместе с остальными неработниками, с легко ранеными укрывались в болоте и вот этих тяжело раненных удалось спасти. Они начали восстанавливать землянки и пещеры наши опять начали функционировать. Но не долго продолжалось затмение. Через месяц началось вторая блокада. Мы пришли покинуть лагерь, э-э-э, госпиталь наш. Э-э-э, лагерь пришлось, госпиталь пришлось реорганизовать, реорганизовывать. Они выехали из лагеря. У нас же были очень тяжелые больные. Их несли на носилках. И вот, тоже были легко раненные. Они начинали пробираться в свои отряды. А тяжело раненных на носилках (их было 4 человека)

вместе со мной оставили в болоте.

А-а-а, в-в-в, там, в болоте, есть такие бо-
лые ежики ежей - котки. Это же была уже жень

А-а-а, жень, жень... Косилки развелили
между котками. Э-э-э... Я, э-э-э, мне
оставили несколько продуктов, на 2 дня.

Сказали, что через 2 дня мы за Вами придем.
Но их было 4 человека, тяжело раненых.

Все, что было тогда, там..., эти крестьян-
ские бурки, все это мы иже оставили, чтоб
мы могли... У меня была, была с собой п-
стиолет и карабин. Это мое оружие, которое
я никогда не покидала, оно было при мне.

А-а-а, в положении иже оставили 2-х здоровых
ежиков, пожелавших. Ну, варили мы до, что
мы оставили - эти продукты варили мы, э-э-э,
их нам хватало на 2 дня. А-а-а, тогда уже
продуктов не стало. А-а-а, мы малячи...

Я начала собирать эти выброшенные котки,
выброшенную канцелярию, легкие же канцелярии,
выброшенные картонные очетки. Я их пе-
реваривала на этой болотной воде. Един-
ственная коробка спичек, которая у нас
была, мы ее хранили, хотя бы она у нас

не отсырела. А-а-а, разжигать костер
там было тяжело, потому что там ежиков

такие вот были. Вот, я собирала клюкву, давала раненым клюкву. Их уже совсем мало, меня тоже. Потому что уже не было это все.

Мы предполагали вообще ничего не есть.

А-а-а, где вот этих здоровых людей, они сказали... нас покинули... они сказали: "Все равно вы здесь погибаете. Вы идите, может быть найдете партизан". Потому что мы не знали кто нас окружает. - партизаны, или враги? Мы не знали, потому что там такие густые леса и болота... Вечером, конечно, было

отрадно холодно. Мы укрывались. Мерзли, а-а-а, но как же там были... там были довольно солдаты и офицеры, мы отогревались немножко. Я все дальше отодвигалась от своих раненых, потому что у нас был один азербайджанец, такой. Он говорит: "Раз, у тебя есть пистолет. Вы погибаете, дай мне пистолет. Ты же женщина, ты не справишься. Я прикажу тебе и прикажу себя." Я: "Не смей, даже не думай об этом." И, вы знаете, откуда у меня было?... Я не..., не очень сильный человек, но я ни разу там не заплакала.

И вот однажды, поздно, уже сумерки были. Десять дней прошло, мы потеряли

везкую надежду. И вот мы все же, это
звучит как-то логично. Я... вены.
Даже вот этот ран... тяжело раненный, он
был с переломом бедра. Кстати, я делала
обезболивающие уколы не кинжальными ипрч-
ками. И, между прочим, ни одного осложне-
ния не было, ни одного. Он встал (откура-
та у него бра... набравши сил) на окур^{эту}т, ^{поздн}
начал кричать, слотр... похваля, мы начали
похваля злого. Они, видно, нас злы... злы-
шали. Начали приближаться все ближе и ближе.
И когда мы увидели, что это именно наши,
наши люди, наши партизаны, которые,
которые были за нами почти. И мы начали
их ласкать руками, кричать это мы здесь, мы
здесь. И мы..., а еще мы злышали их.
Они так гл... глухо, они кричали начали,
чтобы слышать мы отозвались. Вот. Глухо они
кричали: „Рая, Рая!“ Это мы, значит, и
я... И мы злышали. Это. Вот помн-
ется? Мы злышали. Когда мы начали
кричать, мы начали ласкать их. Коротко говоря,
они к нам приближались. Они к нам прибли-
жались. Вот тогда я заплакала. Первый
раз за все это время. Ну, мы их просили:
„Дайте хоть кусочек сахара, или что-нибудь.“

Они нас дали. Они говорят: «Ну, вы дали. Мы все сейчас вынесем отсюда, а там, знаете...»
Хирург у нас был, такой хирург Огурин.
Ы-ы-ы, у него такая была фамилия. Иван
Александрович, по имени его... сейчас. Он говорит:
«Там санитарка Люба», она была его жена,
н-н-н, партизанская. Вот. А-а-а, он
с н..., они дали, говорит, готовят все
кушать, все. Мы все долго развешивали.
Но ведь нужна ограда. Действительно,
они нас развешивали, они нас не могли
пойти. Наконец, они все измученные.
Ну, они нас привели в эту группу, которая
нас уже ждала. Там уже нас варили ку-
шать, но очень осторожно нас кормили, чтобы
ничего мы не съели. Мы в темноте. Ну, как
в темноте? Э-э-э, по темноте они нам,
мы, знаете, укрывались, было темнота укрывалась.
Ну, мы там провели ночь. И дальше уже
мы двинулись, а-а-а, двинулись в сторону на-
шей партизанской бригады. Поэтому что отря-
дистам и отрядам, вот, как так было, были
расформированы. Была еще партизанская бри-
гада. А-а-а, пришлось мы тогда. Нам там встре-
тились радостно, что мы живы. Э-э-э, не тара-
лись, старались нас кое..., тем могли помочь.

Я была босая, у меня не было, н-и-и, какие-то паручиновые были туфли порванные. Ну, пришлось, кто что есть, наея приехали. И-и-и, мы, значит, разбегались в брчтале. Не долго мы там были. Потом начали организовывать новые отряды. И вот, я попала в отряд и.е. Кирова, бригады и.е. Сталина. Отряд пока, вначале был. Небольшой. Мы звынчались все, все женщины, нас было только трое. Мы звынчались в... в месторасположение вот этого отряда, потому что земляники были повсюду; они обзавались. Плюс переходили с одного отряда в другой. И вот, мы звынчались, значит, расположились и появилась у нас новый отряд. Я там была и брат, и сестра, и санитарка. Когда надо было, я полежала на кухне. Ну, все, что надо было, я делала. Я ни с кем не считалась. Раненые знали, что с какой бы проблемой они ко мне не обратились, я всегда им во всем помогу. И особенно когда паталась болелюшка... Я не есела, я не могу сказать, что я еселый человек, но покуда-то вот в то время у меня появилась кокая-то..., не знаю... Я не боялась. И они мне всегда: "Сестричка, ты ж есмотри, сестричка, есее же..." по белорусски. "Ум еслу

меня ранят, так ты уже не покидай меня,
уже смотри, похолодь окажется...". Все ба-
кое. Ну, конечно, я не могу сказать, что
я... они ко мне очень хорошо, очень тепло
относились. Если приводили тяжелораненых...
потому что были операции, мы выезжали
на операции. Иногда меня брали, иногда
нет. Я участвовала тоже в операциях. Я уч-
ествовала в освобождении... Такой городской
поселок Радошковичи. 7-7-7, Радош..., 7-7-7,
в освобождении Цвеница. Участвовала в ре-
льсовой войне... Вот, ну, и вот так мы
проучествовали в этом отряде, 7-7-7, 8-
4-го июля 1944 года. И 4-го июля мы
покинули..., выехали из леса и направились
в сторону Млинека. Тоже путь был не легкий.
Еще попадались враги, еще были перестрелки,
еще люди погибали. Но такие пути мы
прислали в Млинек. А-а-а, я была награжде-
на медалью "Партизан Отечественной войны",
орденом "Отечественной войны" II-ой сте-
пени, другими медалями. Ну, и так я огу-
тилась в Млинеке. Надо было начинать
жизнь сначала.

Будучи в партизанском отряде, я от-
правляла на "Большую землю" раненых.

иногда бываю
всегда сейчас
партизан

И вот с ними я отправилась в Москву...
У меня сестра жила, вообще-то, в Москве.
Жива она, или же жива я не знала. Жив
мои муж? Я тоже не знала. Но все же так,
я на этот адрес... я отправляла письма.
И одно письмошло. Дошло... Сестра в это
время была в эвакуации. Она работала в Министер-
стве связи. Письмо было передано..., отправлено
туда, в эвакуацию. Она в это время вернулась в
Москву. Кто-то сохранил письмо и вернул ей.
И вот она пришла, что я жива, что я в партиза-
нах. Она была вместе с матерью. Она очень
осторожно ^{об этом} сказала... говорила матери, говоря
что меня считают погибшей. Даже находились
очевидцы, которые, э-э, говорили, что видели
меня по дороге из Лиды в Минск погибшей. Вот
находились такие очевидцы. Они тут же сообще-
ли моему мужу на фронт и всем родным, кто
был еще, сообщая об этом. Ну, и начались
разноски меня. Они начали меня разносить.
Сестра моя, поскольку она была... а-а-а...
работала в связи, э-э, она послала радио-
письмо, посылая очень много радио-писем.
Может быть до меня дойдет, но до меня
ничего не дошло. Когда я пришла, вер-
нулась в Минск, я пошла, спроси... мы

там... у нас такой городской сад..., то лето
было, мы там все располагались. Попросила
я, еще одна моя подруга командира наше-
го отряда (нас еще не распустили, не отпу-
стили), чтобы нам разрешили пойти в город.
И вот, мы пошли. Взвеш с собой карабины
свои на плечи и пошли в город. Хотели искать,
конечно, мой дом и все, всех родных. Все это было
разрушено. И вот, я вижу, и-и-и, в одном...
возле одного здания стоит очередь. Мы спрашиваем,
это здесь такое. Говорят - здесь выдают письма
"по воспретованию". Я говорю подруге: "Давай
станем." Она: "Да кто ты, за кто надо на-
писи?" Я говорю: "Ну, давай станем,
ну, я тебя прошу, давай станем".
Получила наша очередь. Она..., значит, я говорю-
моя фамилия Лифшиц, а Лифшиц очень
распространенная фамилия. Ну, начала пере-
бирать, перебирать. Лифшиц Раиса Abra-
мовна. Треугольничек и там адрес. Э-и...
почерк моего мужа. Ну, с нами была,
не знаю, цистерка. Он пишет, обраща-
ясь ко мне, или кто получит это письмо.
Просит сообщить мне, что он, значит, находится
в аресте. Он тоже враг в таком-то по-
левом госпитале, такая-то..., Малер по-

левой рукой такой-то. Что, если я, значит, меня найдут, чтобы я откликнулась. Указал, что Мария и сестра, значит, находитесь в Москве по такому-то адресу. И я, и вот наша лавка моя связь с моими родными. Я им начала писать. Они меня нашли. Знали, вернее, что я жива; то есть, они уже знали, но я уже пришла в Египет. Ну, и даль..., дальше надо было продолжать свою жизнь.

Рассказывать дальше?

Когда нас ртутетили, реформировали всех, 2-2, значит, моя цель была закончить последний курс мед. института. Пока, 2-2, мед. институт вернулся, я устроилась ординатором работать в лагере военнопленных. Но очень скоро вернулся мед. институт с эвакуации, с Ярославля и, и-и, меня, конечно, сразу приехали на 4-й курс, потому что меня все знали и директор института поменял меня, преподавателя поменял. И надо было два свидетельских показания. Ну конечно в этом, конечно, мне не отказал. Наоборот, директор института звал меня в мою..., в свой кабинет, расспрашивая, потому что у него сын и дочь тоже были ^{сын} со мной вместе учились - тоже были в партизанах и дочь погибла.

Он у меня очень обо всем расспрашивал.
Вот. Ну, кончила я 5-ый курс мед. институт^{полный}, в декабре, 2-2-2, 45го года. Жила я в общежитии с моей подругой, разделяла одну койку на двоих весь этот 5-ый курс, потому что места в общежитии не было. Ну, кончила институт. Мой муж уже в это время служил в Германии. Но документы все сгорели. У меня их ничего не было, чтоб доказать, что я действительно замужем и замужем с 39-го года. И меня послали работать в госпиталь инвалидов Отечественной войны. Это у нас город Борисов, недалеко от Минска была такая. И вот я там работала пока не приехал мой муж ко мне. Вот он приехал. Приехал к нам в Борисов, я помню. Мы - голодные. Покупали карто... безро картошки на всех, на всех братьев. И вот вечером мы собрались, сварили этой картошечки. Чайка нам никогда не хватало. Мы всегда ели это все очень быстро.

Ок нам привез продукты, привез все. Ну, целуюсь ветер, расцеловалась я с ним. И уехала я с мужем в Германию. После всего пережитого я очутилась в таких условиях! Я там работала в

госпитале, а-а-а, в том, где работал
муж, вольнонаемные врачи. Потом его
перевели в Белоруссию. Вот. Ну, так вот,
там я работала. Поскольку мой муж был
военнослужащий, его без конца с места на
место переводили. 7-9-9, жили мы в За-
карпатье, были мы 8 лет на Сахалине, в
различных городах Сахалина. Я тоже там ра-
ботала вольнонаемными врачами. Потом его пе-
ревели в Белоруссию. И там, в 63-ем го-
ду его демобилизовали. Уже как отстав-
ник, он был, 7-6-6, получался всекими
льготами. У него право выбирать место жи-
тельства. И мы приехали в Минск. Полу-
чились немножко, жили на частной квар-
тире, а потом нам дали квартиру. Ну, и
вот, мы жили, работали. Я работала в
ком. вен. диспансере Минска. Мой муж
тоже, кстати, в этом же диспансере
работал. После демобилизации работал.
Потому что он был хирургом, а когда го-
спиталь расформировали и там было очень
много венерических больных, его сделали
кожно-венерологом. И поэтому я
тоже стала кожно-венерологом. Я тоже
работала. Ну, и так вот мы уже с

мужем прохител до... так...

Ведущая: - Как звали Вашего мужа?

Р.А. Моего мужа звали... Фрагмента его была Цивиле. Я на своей девичьей фамилии. Звали его Лева, Лев Владимирович. Он был на 5 лет старше меня. Но он кончил мед. институт на курсе, на один курс... Значит, он был только на один курс, потому что он проходил там... рабфак, фаб-зачет... Вот такие путаницы он дошел до врата, до мед. инеципума. Ну, а я... с 10-ти лет и так беззаботно все было. Я думала, что так и будет. Вот так.

Ведущая: - Вы когда-нибудь собирались уехать в Израиль, или в Америку?

Р.А. Вы знаете, нет. Мы никогда не собирались. Мы никогда не собирались, потому что мой муж был противником этого... Он даже слушать не хотел. Ну, и как-то никто у нас не задумывался. Потому, в 79-ом году у м-м-м, у меня дочь уже... У меня сын и дочь. Дочь уже была замужем и они хотели уехать. Мой муж очень был... возражая.

В - в - в, в Америку уехать хотели. Мой муж очень возражая, но м-м, но он бы все подписал. Я сказала: "Никогда мы с тобой

ни денемся, ели поднимали". А-а-а, родители моего мужа сказали "нет". Мы в какую, не очень, мы в какую. Завв, отец его был, он только теіко десобниговался, он тоже был подполковник. Отец ни в какую, родители... ~~тоже~~ Таков. Ни за что. И они... и они не поехали. Отказались. В восемьдесят лет..., в 87-ом году..., ну, когда уже начали люди уезжать, а-а-а, мои дети, младшие особенно, поговаривали об отъезде. В 87-м году умер у меня муж. Еще как-то год этот был еще такой спокойный. Потому что старший сын у меня еще не думал об отъезде. А потом вот, вдруг все загорелось, что уездем, уездем, уездем. Подали документ. Юнаи у нас вызов. И мы уехали. Уже была война в Сан-Франциско у, а-а, своей невестки, у женой моего сына. Они вызвали сына. А-а-а, а у нас тоже был вызов. Мы приехали когда в Италию, сын уже был... Сын немножко раньше, всего лишь на 8 месяцев раньше приехал. Ну, и м-м-м, нам сделали вызов. И вот мы приехали в Сан-Франциско. Живем здесь. Сын мой старший живет здесь 2 года.

Ведущая: — Рачса Абрамовна, давайте вернемся к событиям детства. Вы написали, что Ваш отец родился в 1885 году.

Р.А. Прилеерко, прилеерко.

Ведущая: Про это про события детства.

Вн наблюдали антисемитизм в Ленинке?

Р.А. Нет, я не наблюдала антисемитизм. Мы жили, я помню, во дворе... У нас было, как когда-то, ~~я~~ было двор и много, много квартир. И жили русские, а-а-а, евреи... и не чувствовали абсолюта. Особенно моего отца очень уважали. Тоталу что, ну, к нему обращались за всякими советами... заявление куда-то написать, что-то такое... Я-я, мы не чувствовали. А когда я училась, об этом вообще разговора никакого не было. У меня были подружки, я-я, друзья - русские, евреи... Я-я, иногда вот, если шутя, запяски какую-то хотел в школе ученики между собой перебрасываться, мы несколько букв еврейских изучили и... писали... бросая запяски. Ну, это была такая шутка. Никогда, никогда ни со стороны учителей до войны я никогда не чувствовала антисемитизм. Мы я, и, по моему, мы свои родители тоже.

Ведущая: — А когда вы в институт поступали?

Я поступила. Я подала... кончила 10 классов, подала заявление. Тогда надо было потрудиться очень много предметов сдать и историю,

и конетингуэно, и русский, и белорусский, и все предметы. Ну, и я одела все предметы и прошла по контуре, и ответила в инетитут.

Ведущая: — А в инетитуте евреев много было?

Очень много. Поэтому что Минск сам по себе был город, и-и, ... очень большой процент евреев было в Минске, очень большой процент евреев.

Ведущая: — Как звали родителей Вашего мужа?

Ну, родителей моего мужа зва..., звали, а-а-а, значит, отец был, и-и-и, Цивис... Володя, Велв — по-еврейски. Мать была Гита Цивис. Они были... Он был портной — отец. Мать была портниха. Люди были не особо образованные, но все дети получили высшее образование; и очень такие были современные люди... Ну, вообще, как-то так..., благополучно было все. В семье.

Ведущая: — Вернулись снова к событиям. Когда Вы вернулись из Лиды в Минск, Вы не нашли там своего отца и родителей мужа. Вы вместе все ждали?

Р.А. Нет.

Ведущая: — Как это произошло?

Р.А. Значит, это произошло так. Когда мы Нач... мы вернулись, и-и-и, в Минск и когда гетто... مادر было где-то поселиться в гетто... У мо-

её подруги очень близкой... брат..., квартира брата (страшная квартира, ужасная была, маленькая), она как раз находилась в районе гетто. И мы поселились там. Подруга моя, я и мой отец. Ну, ещё другие люди были там. Потому что в-в-в, всеяды. Потом представили нам какие-то, на полу спали, всё А-а-а, и вот мы жили там. Первый, вот этот, период когда были "спрятаны" этот, эта "машина", которая нас спасла, была как раз вот в этом доме.

Ведущая: — Как звали подругу?

Д.А. Подругу звали Рая Левинская. Это моя подруга с самого, самого... школьная, с 5го класса.

Вот она вскоре должна тоже приехать в Америку. Мы с ней пришли абсолютно, вы знаете, все.

А-а, с 5го класса учились, дружили. В институте занимались вместе. Потом война. Потом, а-а... гетто. Всеёёё были в гетто. Потом, а-а, потом партизанский отряд. Потом всеёёё вернулись с партизанского отряда. Поблизости, э-э... Мы, правда, были в разных отрядах с ней, так получилось. Ну, мы быстро встретились. Даже, вот, будучи в отряде, э-э, в отряде, как-то случайно мы с ней встретились. Отряды все брели... ведь мы переходили с места на место. И вот они как-то проходили

лишь нашего отряда и она бросилась...
все начали кричать: «Рая сестру нашла, Рая...»
Это была такая трогательная встреча. Вот. Мы
с ней вместе кончили институт. Потом она
вышла замуж. Остаток в Ленинке. Работала
она... врач, а я уже с мужем уехала. Она
и говорила: «... Никто нас не разлучил: война,
зесто, партизаны...» А вот ты, говоришь, при-
ехала и нас разлучила.

Ведущая: А что вы...

не разлучили...

Что ели, что пили, как жили?

Р.А. Сейчас я Вам расскажу. Значит, ну мы посто-
ились... Во-первых, нам было положено 200 гр. хлеба
в день. Эти 200 гр. хлеба в день мы не получали.
А-а! мы менялись. То, что у нас оставалось, мы
меняли. Потом, людей же все время становилось
все меньше и меньше. Значит, от худших людей
что-то оставалось. Вы понимаете? Как мы могли
это обменять? Мы тяжело брали с собой на
работу, а на работе работали ведь и русские, и
мы. Русские старались нам иногда... некото-
рые старались нам помочь. Вот. Мы приноси-
ли... меняли эти вещи на что-то. Иногда
приходили к заграждениям, к этой колодези про-

Волоке приходили более сильные русские, предлагали менять, значит... Картошку на что-нибудь. Это был для них большой риск. Но они с тем же успехом как то могли договориться. Они меньше страдали из-за этого, чем мы. Мае, если увидят, сразу пулю, а... они могли это сделать.

Вот. Вот так мы-ы-ы, значит, вот такие купцы, значит, если мы продавали, э-э, немножко муки, или немножко, э-э-э, теля, картошечки, это было э-э-э. Мае, например, моего мужа впоследствии, когда мой муж погиб после 12го погрома... мы жили... после 12го погрома впоследствии, когда... Извините, мой отец погиб... Так мы жили уже с матерью моего мужа. А отец его... Его увезли на работу и он не вернулся. Так что его уже тоже не было в живых. Погибло много. У меня были... родственников очень много с детьми и-и очень много у меня родных погибших.

Ведущая: - В этом же... ?

Р.А. В этом же гетто в Римском, да.

Вот. Вот так мы жили, значит. Если мае... мы доставали где-то немножко муки, едали моего мужа... Она мае не с... и... спечет буханку хлеба, она мае, это, она такая была добрая женщина, она мае не

дает этот кусочек хлеба. Она нам..., она стечет эту бухку хлеба и продает. Поэтому это люди всеж-таки работали в разных местах. У кого-то марки появлялись. Ну, какие-то, знаете, чебурчались какими-то пухом. Она эту бухку продает и тогда за эти деньги она уже что-то купит и за... она две бухки хлеба испечет. Вот, таким образом. Если мы доставали немножко картошки, так мы уже ее никогда себе не позволяли сварить, а мы ее кусали в жидком виде. Суп какой-нибудь сварить. И вот, если это интересно, я расскажу еще один эпизод.

Годушки где-то, мы с подружкой, с вот... мо... со свекровью моей жила, уюлики, упростили ее печь нас 2 картошечки. Печка как раз топилась. И вот, и-и-и... топилась печь было тепло - там разбирали заборы, разбирали. Топили мы печь. И вот, значит, было тепло, дверь была настежь открыта. И тут топится печька и лежат 2 картошечки, может быть, три, я не помню. Лежат две картошечки и мы с нетерпением ждем когда же сварятся... спекут эти две картошечки. Если их хоть с солью покупаем. В это время подошли две наших знакомых женщины к нам. Ну, мы разговаривали. Они, голодные

такое... Ярко, одна уже распухшая была уже. У нее, мне кажется, психика уже была немножко нарушена. И вдруг она увидела, что в печке лежат две кармашницы. Она бро-
саясь к этой печке, в огонь прыгнула сунула руку, выхватила эти две кармашницы и бегом бросилась бежать. Вот такой эпизод был.

А если мы... мать моя, н-н, свекровь моя, вернее, сварит что-нибудь и где-то есть люди голодные, обязательно поделится.

Ну, вот, такими образом... Конечно, мы голодаем, а кушать хотелось, вот. Я же всегда была вот такая худая, а в... в войну, э-э, видно, это на поже, а-а... , маршениз одне-на всееще, я етала полная. Но это было очень не долго, пока не, не, не начался у меня нормальный образ жизни. Я сразу же по-теряла и сразу етала такой как была.

И кушать хоте... , всегда хотелось кушать, всегда хотелось кушать. Вот. Ну, кое как, вот так прожусеживали, всеже-таки.

Удалось... , удалось спастись ж. Мо... моей свекрови. Тоже интересный эпизод. Вели-ко-можно, я расскажу. 1го мая 44-го ~~г~~ года, э-э, немцы, советские самолеты начали бомбить, ы-ы-ы, ну, важные стратегиче-

ские военные объекты, э-э, немецкие. Потому что разведка то работала, перезавали или все. Они же знали какие надо бомбить и началась страшная бомбежка. И началась в городе ужасная паника. И францезы, немцы, они тоже пытались спрятаться. Они не знали куда и они ринулись в гетто. Потому что гетто, может быть, не будут бомбить. И тогда люди, воспользовавшись вот этой паникой, вышли из гетто. Вышли из гетто, не знали куда они ко... хотя они уже тоже слышали про этот кирпичный завод и про эту деревню - Старое село. Они вышли и они, и-и, пустились... Сорвали, конечно, с себя эти лапы и пустились по городу. А-а, кто-то знает где находится примерно вот этот кирпичный завод. Они пошли в ту сторону. А мать моего мужа, она была не похожа на еврейку, она была такая ии..., знаете, русская, как русская крестьянская женщина - такая светловолосая, голубоглазая. И, и-и она с большой группой людей пошла. И их задержали. Возле кирпичного завода их задержали. Э-э, так, а-а, все... и начали стрелять, люди начали удирать еще... А она..., она несла такой бидончик. Она туда положила кусочек хлеба, кусочек мяса, сала, э

уже не понимаю, что такое. И она ему го-
вори... говорит немцу, что я иду домой к детям,
я несу им кушать, я к детям. Так она... он
ей говорит, ну, "люе, люе" - иди, знаешь.
Остальных задержали, а ей сказав идти. И она
пошла вперед. Ну, кое-кто еще... удалось кое-
кому выбраться. С ней вместе пришла женщина,
у которой расстреляли двоих детей-подростков,
а она пришла. Она пришла. Ее дочка как раз
была со мной вместе в партизанском отряде.
Мы даже с ней дружили немножко. Вот, так вот.
Одна дочка, а двоих - вот этих младших детей
расстреляли по дороге. Очень многих расстреляли.
Очень многих по дороге расстреливали. Многие
не доходили до, до леса.

Ведущая: — Не помнишь фамилии этой девуш-
ки, твоей подруги, с которой вы дру-
жили... ?

Р. А. Да, она была Толя Фридрихс. Она вскоре
умерла от заболевания сердца. Да, она вер-
нулась в Минск, она там была зубной врач,
вышла замуж с... грудной ребенок - еще
маленький - он остался, а она вскоре после
родов умерла. Толя Фридрихс - ее была фами-
лия.

Ведущая: — А когда вы уходили из гетто, тут

не чести-то ^{мне} что сказало. Как Вы это свекрови
решили сказать... ?

Р. А. А-а, когда я уходила из гетто, значит, это был
очень большой риск, потому что я... мы со
свекровью в одной колонне работали, в одной ко-
лонне нас водили и каждый день делали перек-
личку. Значит, если кого-то нет, они спрашивали,
спрашивали кого нет, почему нет и вер. И-и-и
она могла погибнуть. Она мне сказала... Когда
вот этот представился случай, вот эта возмож-
ность, она мне сказала: "Ты..." Хотя она
старая женщина еще не была. Ей было 57 лет,
по моему. Она говорит: "Ты на меня не
смотри. Я свою жизнь прожила. Вот возмож-
ность - уходи." "А ну как я уйду. Ведь
тут же... Вас же уничтожат. Ну как
же я уйду?"

"Я тебя прошу, я тебя умоляю -
уйди, уйди."

И где-то еще она мне дала такую муж-
скую куртку... Потому что у меня было
пальто такое, как я сейчас помню, кирпич-
ного, тараковского цвета... И под латой
оно выгорело, понимаете? И-и когда я сор-
вала латку, значит, меня бы по, по одному
этому признаку бы узнали. Она мне где-то,

у кого-то, за что-то, за кусок чего-то - хлеба, или чего-то - достала эту куртку, на которую я слегка пришила латку, э-э, с-спереди за... Таким образом, чтобы за узелок вытянуть и-и сорвать. И так вот, мы сорвали. Ну, нас очень, и-и, конечно, люди, которые в это время шли на работу и которых мы боялись, и там был... попадаются какие-нибудь, они нас... "Идите, идите..." Вот так вот, иногда они нас отталкивали, в-в, понимаете? Отталкив... Загнали нас в толпе. Загнали нас буквально в толпе. Вот, так вот. Вот таким образом... Дошли... И вот эта девочка Сиделка, которая нас, э-э, провожала, провожала, довела до зesta... Я просто поражаюсь! Это был 13-ти летний ребенок. Откуда в ней была такая-то такая смелость?! Она пробиралась через и-и, заграждения, она так... как-то-то путем пробиралась в зесту, приедавала к какой-то колонке. Не только она. Еще были дети. и-и, некоторые из них погибли. И вот, меня все время, и-и-и... и я все время о ней знала, покажется я была в Москве. И-и, вот, вернее, и-и-интересовалась ее судьбой. И-и мне сказали так: что она, когда

пришла выводить уже своих родных, их окру-
жили... их дом окружили, потому что они
уже все знали. Их дом окружили и их
всех расстреляли. Так, такую версию я неслыша
время. Другого мне ничего никто не мог сказать.
И вдруг, я недавно... Я не знаю, мне кто-то сказал,
что она жива. Жива она, или нет? ... А я ведь
не жила в Ленинке. Я жила в с... скиталась по
всему свету как н-е-е-е, жена военнослужащего.
И когда я вернулась, тоже ничего... Вот это уже
было даже как-то я не... не помню... По-мо-
ему, не так... давно это было.

Воспитан: — А вы ее действительно знаете?

Д.А. Конечно, к сожалению, я не знаю.

Симеонка — вот так еще ее звали — Симеонка.
Даже люди некоторые говорили, что ей 11 лет, но,
как я знаю, что почти ей было 13 лет. Какие
это, вообще, были дети! Вы знаете?! Они
приносили даже какие-то новости, где-то. Они
и-принесли даже сообщения об-б о пораже-
нии под Сталинградом. Дети — 11-12 лет-
ну, казалось бы, откуда они могут это все
знать? И вот они это всё, Вы знаете?...
Это были герои-дети. Там очень много их
было в партизанских отрядах потом. Уходи-
ли... родители их б. брали с собой. Были де-

ми, которое попали в-в, а родители погибли. Очень много было таких. Мы таких пытались... Когда мы отправляли раненых. Мы очень много отправляли раненых. Прилетали к нам самолеты. Специально разгружали площадки... , но это уже командование сообщало. Была развез уже налажена, всё. В-и, и мы встречали эти самолеты. Отправляли раненых и мы хотели детей. Мы большинство детей отправляли, но некоторые категорически не хотели. Категорически. Они хотели уйти до конца. Потом их уже брали... Ну, как сын полка - как это называется? Такие дети были.

Ведущая: - А как Вы жили в гетто?

Р.А. Жили как мы в гетто? Ну, вода все-таки у нас была.

Ведущая: - А мыло?

Р.А. Мыло? Вв, тоже так. Где-то меняем, где-то мы доставали. Где-то мы ме... меняем, у кого-то был запас. Меняем на кусочки. На несколько соли, на кусочки, и-и, хлеба, если попадалось. Где-то мы ^{по}меняли вещи на соль, где-то мы эту соль помещали на кусочки хлеба. Вот так все обстоит, вот и... Мне иной раз теперь совсем кажется странно - а как это все? ... Ведь...

Я, например, вот, э-э-э. В это, ну еще где-то было может что. В партизанах я не знаю ведь, что такое подушка, что такое одеяло. Ы-ы, шерсти мы брали в деревнях, шерсти такие крестьянские. Вот. А под голову мы клали... ы-ы, противогазные сумки, что хранились ну, всё наше добро. Всё..., все наши вещи хранились в этих противогазных сумках. Больше... нас не было, у нас ничего не было, по сути дела. И потом, зима ведь, вот... Летом было, конечно, нам легче. Зима... Ну, мы топились пелки. Там ставили... Ведь в партизанах были различные мастера, которые все умели делать. Они... ы-ы, топились пелки такие, как бы "буржуйки". Мы согревались, вот. Потом, когда мы ходили... на какие-то операции... Мы ходили на операции боевые и ходили на операции по-о, ы-ы, заготовке продовольствия. Вот. Ну, мы попадали в дерев... Мы знаем уже куда мы можем идти, в каких деревнях, ы-ы... партизанские... бывают партизаны, а в каких горю... деревнях - полицейские гарнизоны, или немецкие гарнизоны. Мы примерно знаем. Вот. Ну, вот так, в боевых операциях

по ощущению таких гарнизов мы прикидывали
угадали. Вот и я тоже, в частности. Вот.
А так мы приходили иногда в деревню. Мы там
отогревались, нас там кормили. Вот. Блины ко-
зюшка манежет... Иди... Картошечку кашу...
наварит в мундире. Свою протравленную, свое...
свое молоко дает нам. Молоко нас некое-
рое. Некоторые халеем, а некоторые - на-
оборот... Вот так вот. Могло, мы бывало,
передвигались, идее и на какой... видели
где-то вдали, и-и, хутор, оюкк. И мы
ступались в этот хутор. А там... А
хутор - это же один в лесу, по сути дела.
И вот, хозяйка... Одна с детьми (мужа
нет - мужа на фронте) и она же не знает,
кто к ней ступится - немцы, или партизаны?
С какими страхом она нас открывает дверь?
Можно было ее... Потом только можно бы-
ло ее понять... Вот.

Воздух: - Какие-то инфекционные болезни бы-
ли в гетто, или в партизанах тоже?

Р.А. Были. Э-э, были, где-то одно бредня гнор мя-
гдас, ко как-то его очень быстро погасили.

Вот. Ну, если этия очень пользовались. Когда
нехизы, а-а-а, заходили в некоторые
дома и там кто-то лежал-старый, больной

или так, или их... прич... говорили: „Эго тиф, тиф, тиф.“ Они страшно боялись тифа. И мы, Вы знаете, вот этили как-то это использовали. Вот. А-а-а, а в партизанах?

Да, тоже как-то начался тиф. Это уже когда я была уже, вот, в полевом отряде. Был тиф, да. А-а, выданы землянку, выданы одну санитарную туду. Ну, и как-то... Ну, Вы знаете, что-то я не помню смертных случаев от тифа. Вот так. Вот так.

Ведущая: — А в гетто насколько были? Выжили?

Р.А. Все было. Все было и в гетто, и в партизанах. Правда, в партизанах мы очень боролись, и в гетто мы боролись, потому что, если немцы узнают что где-то выжили, ведь они зайдут в этот дом и всех перестреляют. Мы везде, везде боролись с ними. А-а в - в партизанах как мы боролись?

Очень интересно. Мы, во-первых, мы-ы, маж, мы-ы, вот веселка, например, появлялась... Это было очень вредно... мы-ы, ну, мы дретавали... кое-какие медицинские были — так мы тогда мажью накрывались. И вещи мы-ы-ы все... Это... Или что-то ежигали, кипятили. А потом испытывали такой особый эффект — народный. Мы приходили в какую-то деревню. Маме уже петля кончается, то есть она уже... она темная,

но еще чувствуешь жар. И заезжали в эту пещку,
и всё. — и теретка, и насекомые, — все исчезает.
Вот такие пути. Вот. А вообще, Вы знаете,
люди не болели. Люди не болели. Какая-то за-
щитная реакция была. Только, я помню, что
я, э-э-и, болела, вот... фурункулезом. Вот
это я в долоте, вот это вот всё. Фурункулез у
меня. Не могла никак от него избавиться.
Долго он у меня был. Вот. Ну, вот так. Вот.
В португалах мы-и-и, если было забитые,
мы питались более или менее нормально.
Потому что, э-э, приходили в деревню и
старосте давали, давали, заявку? Это ка-
ждо го-го, го-го, го-го, го-го. Бедных кре-
стьян приходилось и давать нехватали, и
давать, и, и-и. Но ведь по фрунгу же
не могло быть. Потом, когда самолеты при-
бывали, нам сушили продукты, сушили.
В дальнейшем уже продукты и продукты
нам сушили, необходимое всё. Вот так бы-
ло труднее мыться, зимой особенно. Но го-
же мы как-то приспособивались. Если мы ходи-
ли в деревню — там же есть эти деревенские ба-
ни — нам топили такую баню. А если нет, так
мы — девчушки, например, закроемся, выгоним
всех, закроемся в землянке, мыслями себе

сугуни воды и моемся. Вот так вот. А бывало так, что мы ехали в-в, вот, допустим, ноябрь, я помню, ноябрь месяц - уже холодно, а мы куда-то в кусты разделились и моемся.

А что было делать? Вот так.

Вспущая: — А в гетто как мылись... не метруськи как в гетто... Как у Вас сложились?

Р.А. Вы знаете, в гетто мы еще как-то обходились. Ну, там, старые тряпки, старые вещи, старые вещи... Но в партизанах мы очень сложно входили, очень сложно. Шло все... все. А-а, бумага.. Ну, когда нам начали присылать медикаменты, так мы, ну, хоть по капельке... Нам уже давали иногда. В госпиталях, особенно, когда я работала, нам уже - женщины - нам немножко давали. А так, м-м, очень... тяжело было. Бумажка шла... и прямо могли зайти в деревню, на пестке спой и вдруг нащупать какую-нибудь тряпку... Не теплоотрешная она, или грязная? Вот так вот... и было очень трудно. Особенно в походе. Когда мы шли на какое-^{то} задание... Мужчины то не скажешь... Вот так. И тогда же все пешком, пешком. Некоторым на лошадях. Верхом на лошадях. Были лошади на телегах. Я пробовала на лошадь садиться. —

У меня ничего не получалось. Я боялась.

Ведущая: — А регулярные месячные были?

Р.А. Нет, Вы знаете... судя они так и будут в запясе... Не важно?

Вы знаете, существует такая... такой термин в медицине — «военная аменорея». И вот, когда нарушается о-о обмен веществ в организме и нарушается обмен между железами наружной и внутренней секреции... И тогда вот у меня год, например, не было. Вот тогда, по сути дела, я и распалась.

Ведущая: — Это в 1940?

Р.А. Это началось в 1940, а потом в партизанах еще продолжалось. Потом год еще так вот продолжался. А потом — и маж появилась. Ну — у, я как-то еще была немножко, вот, полновата. Ну, как полновата? Полной я вообще никогда не была. Но в первый же месяц, в первый же месяц, когда, э-э, мы... муж за мной приехал, я забеременела. И все. И я тут же потеряла в первый же месяц 13 кг. Вот так. Вот. И, притом, я приехала в Германию. Сразу после войны, после, э-э, того, что у меня ничего не было. Я была развешана, голодная всегда. Все сразу — такие паёки хорошие мы получали. Сразу, э-э, хорошие вещи покупали, сразу всё,

Это мы-и-ы... Ну, мы все-таки работали, и нам там платили не плохо. Нам платили там и русский ~~оф~~ оклад шел, и марки. Значит, русский оклад, ы-ы, шел как бы на книжку, которая, китаян, реформой у нас все погорело. А за марки мы все покупали. Покупали, оделись там и приобрели мебель. Ну-у, а все вот так... Но необходимое все мы там приобрели. Поэтому это, э-э, было все...
Потом ребенок там родился. У меня сын родился в Берлине. Хотя жили мы тогда Берлин-мал - 40 км от Берлина, а-а, но поскольку город Фрайберг такой был - очень красивый курортный городок. Но - о меня повезли рожать в Берлин. Там у меня родился сын. Вот. А дочка у меня родилась на Сахалине. Так.

Верзуга: - А, Раша Абрамовна, Вы сказали, что лабы в гетто сразу приказали евреям...
Неполните первый еврейский приказ, или первый приказ? Какой немецкий первый приказ?

Р.А. Голени.

Верзуга: - Расскажите, пожалуйста.

Р.А. Про гетто. Именно про это самое... Значит, мы когда пришли ы-ы в-в это... Когда уже были оккупированы немцами, но удрать

мы... никто не мог... Но некоторые ждали. Некоторые где-то находились... Во-первых, были мужья русские, жены русские... Старались уйти. Но не всегда это получалось. И мужи садились в гетто, жена уходила и наоборот. Это разному было. Вот. И-и мы же ловили каждый шорох, каждый слух ловился. Мы ловили. И-и говорили по всякому. Говорили, что евреев вышлют куда-то... Кемати, к нам в гетто привезли еврейских евр... немецких евреев. Вот. И они вместе... Они привезли много даже кое-чего. Вот. С ними иногда удавалось, там, это такое. - кусочек хлеба на час поменять, или что-нибудь, если было у нас. Так они... Они не понимали. Они считали, что, э-э, немцы их действительно... Она шла с нами по конвою. Так они с нами как с друзьями разговаривали. Они их считали своими товарищами. Очень переживали за нас, что нас уничтожат. А вот их, наверное, вышлют в Сибирь - так они считали. Но их постигла та же участь, что и нас. Их также уничтожили, как и советских евреев. И даже, я помню, мальчишка вот этого лагеря 13, в котором я работал. У него была секретарша-

- Бerta, я помню. Необыкновенно красивая девушка, необыкновенно красивая. Он был... такой. Он орашеет был - такой... суровый человек и всё. Но он ее очень оберегал. И он... и... когда, значит, уже уничтожали последних, он ее спря- тал. Он ее не давал. Его заставили ее выдать и ее тоже уничтожили. Но эта была необыкновен- но красивая девушка, необыкновенно красивая.

Еврейка. Вот.

Веруца: - Немецкая еврейка?

Р.А. Немецкая еврейка, да. Так они не верили, что...

То-есть, и-и... Нельзя же было по тропинку, так они шли по середине, но они с ними шутки- ли, разговаривали и всё. Они не подозревали, что их уничтожат. А их всех уничтожат... Были у нас евреи из Чехословакии тоже. Всех уничтожили.

Веруца: - А какой был первый приказ... (шепчет)

Р.А. То. Первый приказ. Значит, вообще всякие слухи в отношении евреев. Мы не знали, что с нами будет. И когда начали уже поговаривать о гетто... Что как, а-а, выделяют в отдель- ную, значит, группу за..., что им будет за колготки проволокой, всё, даже с этим ни за что не хотели... Но... Пусть смерть и всё, но мы не пойдём в гетто, мы не пойдём.

Мы, мы говорили: „Ни за что не пойдём. Мы не пойдём умирать как, ы-и, животные.“ Ни же. И был первый приказ. Значит, за невыполнение приказа, а-а, в течение пяти дней перейти в гетто - расстрел, расстрел. Многие, а-а, ы-и, не, не перешли сразу в гетто. Многие расстреливали. Мы что-то тоже задерживали, сразу не пошли. Но когда мы увидели, что люди погибают и-и... ест, наши люди... ест отец, и-и, родители моего друга был... были более мудрые люди. Они говорят, что-о, ну, что же так, что же это? Все всех расстреливают. Значит, надо идти. Если бы мы могли бы выйти из гетто - другое дело. Но мы не могли выйти из гетто, из-и-и, из Ошинека, я членом ввёл, мы не могли выйти. Значит, мы пришли... были в гетто. Вот это был первый приказ в отношении гетто. Потом был приказ в отношении этих желтых лат. Опять мы не хотели ни за что прилежаться. Мы танцевали, мы не, не пришивали, мы не могли, что мы будем... Ну, ну вдруг, советские девушки, женщины, которые вообще не понимали в толи, что они евреи, что что же такое и вдруг вот так - что б нас могли издеваться?! Нет, мы до этого не фонетика, мы не можем с этим справиться, всё. Но постепенно,-

одного расстреляли, другого расстреляли. Тоскливо приходилось это делать. Это у нас еще делалось, какие были приказы? Значит, а-а, собирали "Оппель" - это называется. Значит, вычит где-то такой приказ, что в воскресенье, допустим, или в какой-то там день, а-а, в такое-то, ы-ы, время, в таком-то месте будет организован..., будет "Оппель". Это значит такое большое, большое собрание евреев. Значит, всех, м-м, все должны были выйти на этот "Оппель", все абсолютно.

И если кто-то скрывается... А почему люди скрываются? - Потому что тоже были эксцессы на э-э, на э-этих собраниях.

Значит, м-м, так полицейские их выгоняли. Выгоняли и, вообще, приходилось все идти. И на этих "Оппелях" читались приказы, что такой-то, такой-то за невыполнение и нарушение такого-то приказа был расстрелян. Такой-то, такой-то сделал то-то и то-то - он расстрелян. Такой-то... Вообще, всё это. Иritом, все это делалось... У нас были среди талантливые музыканты, у нас был, ы-ы, забил его фальсификом, скрипач очень известный и певец еврейский очень известный... Их ставили посередине... Вот когда у нас сейчас

было, 7-7, память, и-и, Бабага Яра и вот играла... была скрипка, кетати, я очень плакала. Поэтому это мне все это очень запомнилось. И вот он... 7... и, значит, их заставляли играть вот такие мелодии, мелодии еврейские и тогда эти мелодии они объявляли, что вот этот, вот этот будет расстрелян. У кого-то грязно в доме. Они пришли - грязно. А там попробуй это, когда живут семьи... мы, конечно, спали... У нас стояла одна кровать и мы поперек - три человека спали на этой кровати.

Вспомогая: где?

Р.А. В гетто, в гетто еще. Вот так. Нет места, места не было. Кто-то спал на полу, кто-то спал на столе. Поэтому начали делать эти нары верхние. Вот так вот устраивались как-то. Вот. И вот на этих "опелях", на этих собраниях бесконечно приказы, приказы, приказы. И кого-то выводили, и кого-то расстреливали. Понимаете? - Вот так было. Мы не хотели, конечно, очень многому поддаться. Вообще, слухи ходили всевозможные. Слухи очень боялись. Поэтому это входили слухи, вплоть до того, что мужчин будут кастрировать. Знаете?... И, и после всего, что мы видели,

всё, — можно было догадаться и это. Вот.

М-и, кетати, вот, мы ушли три женщины... и один мужчина. Этот мужчина в итоге погиб. Не в гетто — в партизанских партиях.

Ведущая: — А Вы помните имена этих, которые?
Р.А. Да. Меир Гуршанекский.

Ведущая: — А девушек, женщин как звали?
Р.А. М-и, женщины? Вы знаете, я не помню.

Потому что вот эта моя подруга — Рая Левинская, о которой я говорила, она жила на несколько дней раньше меня. Вот. А-а-а мы-м-м в этом вот мы..., мы взяли вот этот пистолет. Все это же надо было нести, через колонну про нести, через все. И потом, в дворе... Если бы во дворе наши этот пистолет, весь двор был бы расстрелян. Все живущие в этом районе были бы расстреляны.

— А где Вы пистолет взяли?

М-и, пистолет — это уже мужчина где-то добыл наши, да. Вот патроны, вот, мы вынесли такие пистолеты. А медицинский кабинет, вот так, по нечистойку, и-и... Больница была у нас. Я то не работала в больнице. Но врачи наши работали. А -м-м, ну где-то, что-то кто-то был всегда. Все это было мало, всего этого не было, это все было мизер; но, Вы знаете что...

Э-э, как-то вот, ну, как-то вот так.

У кого-то сохранилось, если. Где-то нашли в чое в каком-то. Вот такие пути не-множко собрали.

Ведущая: — Почему вы боялись идти к партизанам с пугающими руками?

Р.А. Вы знаете что? Э-э, Нам говорили уже о том, что в партиз... в партизаны надо идти не с пугающими руками. Конечно, брали они, никого мы, мы оставляли, но же хотелось и свое какое-то, вот так вот. Все-таки придется как инженер в отряд, когда ты... А-а-а, как на тебя посмотрят? А все-таки ты пришел с тем-то уже, значит. Как-то по дружбе на тебя посмотрят. И если бы не было, посмотрел бы и пошел, и пошел бы так. Но мы пытались, мы старались. Мы-ы... Вы знаете, вот, я вас должна сказать, что страх был, конечно, очень большой, но как-то этот страх стирался, вот. Мужество, необходимость, что надо, что где-то... Вот приезжает, фронт, газовая машина. И мы едем куда... Мы раздеваемся... По сути дела, я не помню когда мы где-то раздевались. Куда она приезжает? Куда? И вот, какой-то, м-м..., какое-то..., вот,

чувство того... Мама спрячется и, вместе с мамой, на других койках стук вот такой наступают... Ну, как это будет, так?

Вот, как-то так вот. В-и-и-э, конечно, без процент, я не знаю, я не могу сейчас сказать. В процентном отклонении, я думаю... Ну, 1%? А может несколько больше... Остаюсь в живых... Вот.

Ведущая: — Сколько, Вы думаете, в гетто было людей..., евреев?

Р.А. В-и, в гетто? Знаете, я знала цифры, я их забыла. Ну, больше тысяч..., больше..., больше тысяч. Я Вам не могу сейчас сказать. Вы знаете, я даже не знаю, почему я вот так... У меня это вышло из памяти. Я же знала. Понимаете, я же знала. Это у меня вышло из памяти.

Ведущая: — Ротки Абрамович, а, вот, Вы помните, вот, Вы все-таки были. Кто осуществлял все, вот, выполнялся приказ? Кто расстреливал? Местный расстреливал или уже была полиция местная, вспомогательная?

Р.А. Местная полиция и немцы. Нацисты, "СС". "СС", нацисты. Вот. Но я должна сказать, что были случаи когда... Вот ведут, например,

колонну на расстрел. Вот, э-э, вывели, вот, в
время погрома. У меня так одна подружка стае-
лась. Она была беременна.

Вердуча: — Как звали ее?

Р.А. Да..., Даша Вапняк. Между прочим, она...
где-то, какой-то еврейский приехал, нашел ее.
О ней даже писал в книжке. Я не помню как эта
книжка... В Союзе это было.

Она шла, а-а, значит с колонкой на рас-
стрел их вели. И подошел к ней человек, и го-
ворит...: „Лютс, лютс, лютс“. Она вышла из
колонны.

Вердуча: — Он видел, что она беременна?

Р.А. Он видел, что она беременна. Что-то она,
вот так вот... Приглянулась.

Или еще такой случай. Не знаю, похо-
дит его сейчас рассказать, или нет?

Вердуча: — Да, да.

Р.А. А-а, 7-го апреля 1943-го был день мо-
его рождения. И мы-и-и работали вот в
этом вот лагере "13". А-а, значит, мы-и,
нае... Сегодня мы одну работу выполняем,
завтра - другую; там, несколько дней одну.
И в это время мы работали в лагере, вы-и.
на складе на каком-то. Мы рассортировыва-
ли вещи. Там для немцев мешки вещи

собирались и всё. Ну, мы должны были это
распортировать, связать и всё. Мне охраняли
два человека. Один был фриккой такой. Вы знаете,
он, э-э, и-и, говорил мне, что, Вы знаете, это
есть партизаны. Это люди с рогали. Это же-
то, что-то такое, вот так. А один к нам
очень хорошо относился. И даже вот он как-
то так: "Мои отец" рот фронт, Рот фронт!
- вот так вот он мне сказал. И вот был мой
день рождения. Обедный перерыв. Погода хоро-
шая - 7^е апреля. Солнышко светит. Мы де-
вушки все, вышли. Э-э, так, что у нас бы-
ло с собой. Э-э, мы, значит, сидели и ку-
шали. И мой день рождения, и я плачу.
Вспоминаю, что была когда-то мне всегда
день рождения стискала и все... Он подо-
зрит и спрашивает: "Почему Рая плачет?"
Они ему отвечают: "У Рая сегодня "гербыр"
стар" - у Рая сегодня день рождения".
Он, и-и, так вот. И пошел обедать. При-
ходит он с обеда и приносит мне булку хл-
ба, банку эрзац меда, каких-то консервов и
говорит: "Рая, я тебя поздравляю (я тебе
24 года тогда исполнилось), я тебя поздрав-
ляю с твоим 24^м летием и желаю тебе
25^{ти} - летие встретить с Красной Армией!"

Вы знаете, если были поражены. Как он оселен-
ся!? Но были и случаи когда немцы вывез
группу из гетто. Вывез группу из, группу из
гетто. Были. Был такой случай.

Верующая: - Вы знали . . . . (не гетто)

Р. А. Я знаю. Вот, у нас был такой, и-и-и.
тогда он еще никто был в гетто. Потом он
стал известный окколог. И-и, Майзман, Майвей
Лазаревич Майзман. А-а, вот он и еще...
Он еще тогда - а, еще даже не учился в
медицинском. Он и группа людей еще ка-
ких-то. Я потом знаю еще одну женщину,
которая была в этой группе. Я не помню как
ее... Виза - ее звали, не помню фамилию.
И вот он вывез их до какой-то определенной
деревни и вернулся обратно. Он их, он их
вывез в партизаны. С ними было договорено.
Вот так вот. Такое было.

Верующая: А, Раиса Абрамовна, а вот когда
Вы видели человечность немцев, это
располагало? Когда вот доброту
немцев видели, это располагало?
Вы становились дружными?
Как это, вообще, было?

Р. А. Ну, нам просто не приходилось. Поэтому
что они нас боялись, оерегались. И мы

их. С-и, знала какой-нибудь зайцем в гетто такой солдатик, которого, который, м-м, прикажи расстрелять, так он стреляет. А-а, не прикажи, так он наоборот - что-то сделает какое-то доброе дело. Но вот какой случай, как я Вам рассказывала. Я Вале по-моему рассказывала какой-то..., когда нас..., неси..., у нас вырвали ребенка из рук. Не рассказывала?

Значит, когда вот в лагере "13" я работала, а нас возили по конвою, а-а, детей в гетто... надо было оставлять в гетто. Детей, стариков надо было оставлять в гетто. Но за это время очень часто происходили погромы и нас боялись детей оставлять. И вот нас взяли с собой мальчишка. Мальчику было лет 5-6-4, вот так, примерно. Она, буквально, стояла передо мной в колонне. Подошел не..., францез, схватил этого ребенка за руку и вот так вот юбку от-крывает. Мальчик крикнул: "Мама!" Вот так к ней прижался. Он не успел больше ничего сказать. И он в него вцепился, и мальчик упал мертвым. И он нас погна дальше на работу. Мама с криком, с плачем пошла дальше на работу... Вот такие случаи были.

Ведущая: - А Вам было 24 года и Вы как раз

привлекательны. Немцы выбирали девушек?
Как это, как это?...

Р.А. Я думаю, что вот тогда, когда меня задержали...
Так как я рассказывала такой случай, когда мы
все собрались. Я думаю, что это и задержали
меня для этой цели. Я так полагаю. Потому
что они строили уже дома терпимости, всё.
И иногда они выбирали.

Верующий: Для немцев?

Р.А. Для немцев, да. И они выбирали. А-и,
но... А-а, вот этот Эштейн, вот этот,
которого расстреляли потом. Как он попал в
группу? пришел. Принес кучу золота в партизан-
ский отряд. Он и не пошел еще. И-и, их было
3 человека, или 4 было. Принес кучу золота.
Он решил, что до конца он будет. Да, они во-
обще решили, что они останутся живы. Так
то, что все немцы завали, и-и, приказ сдать
немцам, они застали с евреями сидели при себе при-
прятать. Это Западник был такой. Вот.
А потом, когда они поубавовали, что их
тоже уничтожат, они ушли с этим золо-
том, пришли в партизаны. И вот, как
раз я еще тогда была в этом отряде. Вот,
э, "Пархоменко". И вот они пришли, я
полностью очень хорошо их. Полностью весь этот

эпизод. Уже сумерки были. Они пришли. У нас был такой мажорский особый отдел. Я также не помню уже его фамилию. Ну-у, они... И как будто бы приняли. Они сказали, что ну, вот мы идем сейчас на операцию. Там, какую-то боевую, или продовольственную. Я уже не помню, что они мне сказали, или сказали. И-и вы пойдете с нами. Ну, они говорят: "Хорошо" Ну, они пошли. И, буквально, они отпустили очень не далеко от леса. Поэтому это мы слышали внешне. Мы видели, потом их несли. Вот... Вот так.

Верущая: — Он... набирал девушек для флота терпимости?

Р. А. Ну, так полагаю, что наверно.

Верущая: — А когда... Вот такой вопрос.

Весь очень одиноко в лагере. Вы помните, люди влюблялись друг в друга?

Р. А. Да. Сходились. Были семейные, и-и, сходились. И у меня до сих пор живет приятельница вот эта, Даша Ваняк и ее муж - Рима Ваняк, который ее вывел из гетто, и-и так они соединились, так они... Родились у них двое очень интересных, способных детей, которые сейчас во Франции. И они тоже туда к ним выезжают. Так они каждый год

ездили, но они сейчас выезжают туда. Вот.
И очень много, очень много. Пожари. Пожари
в лесу, да. в-и. Были случаи, когда их только
родит и подружки представляли этого ребенка.
Были случаи даже такой. Вот у меня была по-
рука по... Ну, не подружка - соученица моя.

У нее... Она была с ребенком. Муж был де-
то на фронте. Хорошая такая девчонка. Ей бы-
ло 8 месяцев. А подружка была... Мать, по мо-
ему, уже мать ее уничтожили. Братик на-
певский. Его уничтожили когда он полезал
по ф-э, чтобы уйти, как-то пробраться
за продуктами какими-то. Вот она с этим
ребенком... Так она держит этого ребенка
и говорит мне: "Ой, хоть бы она у меня умер-
ла, хоть бы она у меня умерла".

Ведущая: - А как звали Вашу подружку? Эту?

Р.А. Мамара ее звали.

Ведущая: - Фамилия?

Р.А. Мамара Якилева. Она погибла, да.

- Погибла? И ребенок погиб?

Ну, они все уничтожили. Уже я, я, видно,
уже в партизанах я тогда. Я... Их уни-
щили... Вообще, были страшные вещи,
страшные. Вот такие вот издевательства
и всё. Вот Вы еще спрашиваете было ли

ы-и, выходили из залуж в Америке.
Вот этот Эпштейн, ы-и-и, председатель
"Юденрата", который очень тесно служил немцам,
он, ы-и, женился там. Была такая Розетка хо-
рошенькая. Я не помню ее фамилию. Он на
ней женился. И он устроил свадьбу. Когда люди
голодали, когда люди... людей здесь стреляли,
когда люди... людей уничтожали. И он устроил
свадьбу. И вот была, сложили тогда такую
песню... свадьбу... песню. Я ее полностью
не помню. "Ы-и, гехасине, гехасине живет
в гетто и, и...". Я еврейский очень плохо
знаю

Ведущая: — Все равно, расскажите.

Р.А. И-и, и главное, значит, ы-ы. "Коммуналы
тоже был при этом." Понимаете? И вот
так вот, такую песню сложили. Это про
этого Эпштейна.

Ведущая: — Слова какие?

Я не говорю. Слова. Вот приблизительно.
Вот такая песня: "...Гехасине живет ге-
то..." Я не помню. А-а, и-и, и
равин, мам, или кто-то тоже при этом
присутствовал... И там была веселая
свадьба и все такое. Так на эти слова
со-сложили нашу песню. У нас песню, а-а,

Значит, а-а : "... Гейсмане живет в гетто ,
а-а, вы-и ... главный коллекционер ... (я же, не
полню) гетто тоже присутствовала при этом.
И всеячелся, и пелся, и танцевался", и все
такое. Потом было такая еще песня, естественн.
У нас были дети, которые потеряли родите-
лей. Значит, а-а, дети... Мамы с папой,
фигуры, летом уехали на курорт. А-а, уеха-
ли они... М-ну, спокойно, оставив с бабуш-
кой; с тетками оставили ребенка сестры.
И ... и-и, эти дети остались. А бабушка с
дедушкой... Бабушка, рождеников уничто-
жили. Ребенку удалось спрятаться. И вот, этот
ребенок, и-и, поет песню. Значит, он же ~~не~~
замечается? Он ходит... Он выскребает со
стен мочу. Вещь моча - это кальций. И, вообще,
дети много любят это вот кусочек. Он вы-
скребает со стен мочу. Потом он уголь кусочек.
Этим вот мальчик. Я помню очень хорошо. А
потом он иде-то, видно, папиросы, я не знаю,
стоял, продавая поштучке. И-и пел такую
песню :

Р. А. поет по еврейски и с ис-
раэлю это замечать.

Вот такая песня. Когда я сейчас слушаю эти
вот песни... Везде, между прочим, очень много
песен. У нас партизанская была песня. Я не по-
мню, я... Лето я не знаю. Поэтому...

Восущая: - Нет, но все-таки, может быть, это-то...

Р.А. Я не помню. Это-то про землянку. Я не
помню эту вот партизанскую. Когда мы пели,
я... Теперь я не могу вспомнить ее. И-и, вот.
Так вот, такие вот песни очень... как-то
за душу брали. И потом же, жутко было
этих детей. Это ужас... Эти дети бродили
оборванные, черные, грязные. Их кто-то при...
прискакал, кто-то их возьмет к себе, кто-то
погибал, а кто-то, все-таки, перелезал
через вот этот вот район... А-а, ну, всяко
было. Была, например, у нас такая враг-
лора Лифшиц. Своя одноклассница. Она бы-
ла фотью... фоть профессора-рентгенолога
Лифшица. Она училась в институте
на курс младше меня. И в школе - на курс
младше меня. И вот, значит, а-а, ее...
А-а, она попала в один из поездов. И
ее вместе с театром твиста, э-э, на место
рас... расстреляла. Вот, видно, в эти Тугин-
ки, где там... Вот. И-и привели туда,
и всех расстреляли. И вот эта Лора... Она

под грудой этих мертвых трупов... Она
выкарабкалась и она оказалась живой. Она
вышла, пошла по направлению к какой-то де-
ревне. Куда? Что она ищет? — она не знает.
Потом... А немцы же ловили... И она в
какой-то деревне пристроилась. А немцы же ло-
вили для вывоза девушек, русских уже де-
вушек для вывоза за границу, э, в Германию.
И вот, она попала. И она вы... ее вывели
в Германию. Она вы... Вывели ее, э-э...
Когда я вернулась в Ленинск, э-э, с этой Ло-
рой мы встретились. Она по... поехала в
Ленинград, нашла там своего дядю — тоже
высokoпоставленный... те врачи, все это вот..
Там она вышла замуж. Также какого-то сту-
дента с нашего Ленинского Медицинского
Ветеринария. Кончила Медицинский, была
рентгенологом высшего класса... Да...
Как это она? Медицинскую степень... дала ей.
Вот. Ну, и она... Она... Потом она выеха-
ла в Америку и здесь она умерла от ин-
фаркта. Лет... Они выехали уже лет 12-
13... Она лет 10 тому назад умерла от ин-
фаркта. Вот все, пожалуйста. Врач и в
болоницах... И она уже была почти на
выписку шла... Вот такие лю...

Таких образцов м-много... много спасались. Раненые спасались, уже пристрелянное, недо-
стрелянные спасались. Вот, веско было. М-м,
понимаете? Сколько было... Везде люди... Ну,
как могли бы иначе спастись? Какие-то, действи-
тельно, чудеса, какое-то чудо, вот... свершилось.
Человек всеж-таки спасся. Ну, он, он добивался.
Конечно, если он пойдет так как... Как бу-
дет - так будет, так же и погибали больше.
Но те, кто боролся, неслыханно, те...

Ведущая: - А кто уходил из этого больше?
Мужчины - то мало было, наверное?

Р.А. Почему мужчины? Было много в этом мужчины.
Уходили мужчины, и уходили, уходила много-
женств, более молодые. Старики редко, конечно,
уходили. Вот. Ну, так это полужако?

Этих детей своих... Уже которые... у кото-
рых были дети, они их оставляли с бабушкой
и с дедушкой. Был такой, например, слухач.
Тоже... Закрыли в сарае... Собрали кучу евре-
ев, закрыли в сарае и сарай подожгли. И,
вот, одна малая... У нее был мальчик, по-
шелу, 6-ти лет. Мужа уже не было, он
уже погиб у нее. Вот. И одна малая...

Значит, ну, такой крик, шум, гал, войск,
в-в этом горящем, в этом сарае.

И вот это, одна маленькая сущность вырваться... из горящего са... Невозможно обоим выжить, всё... Но она хотела вырваться, а мальчик сгорел. Кажется, ... уже осталась бы тоже и сгорела бы вместе с ребенком... Ну, и так... Так было.

Ведущая: — А-а, Вы когда вспоминаете, кто был более жестокими? — Немцы, или полиция?

Р.А. Вы знаете что? Среди — и ... Ну, конечно, в основном, в... Во-первых, "СС", "СС" — вот эта группа, которая занималась, собственно говоря. Они приходили — мы уже видели издала... "СС"... Мае... Нам уже становилось не по себе, потому что... Вот. А-а, полиция... Те, которые шли добровольно, были очень жесткие. Некоторые говорили так: „А у меня не было другого выхода. Ну, ничего, придется — так... так меня, в-в, и ... Полиция, мол... в-в, немцы так меня и убивают. Но они не понимали, что побежали, а от... не будет же... от наших. — так называли тогда. Вот. А-а некоторые, э-э, умирали, э-э, потом. А некоторые приходили в партизаны. Некоторые сами добровольно приходили в партизаны. И вот у нас была

партизан. Очень сдержанный парень, помню. Хороший, добрый. Но он, он сидел в полиции. Его заставили, или что. Но он еще добровольно пришел в полицию. И когда...

Ведущая: — В полицию, или в партизаны?

Р.А. В партизаны пришел. И потом, когда нас...

Значит, уже освобо... уже партизанщина наша кончилась и мы еще разназначались в Ленинском... Городской сад такой был Го... имени Горького. И там людей рассортировывали. Во-первых, часть людей вообще...

Всех трудоспособных взяли в армию. Всех трудоспособных. А он все ходил. "А меня, наверно, в штрафной батальон. А меня..." А там было его жалею. Он был довольно красивый такой парнишка. Его взяли в штрафной батальон. Вот таких брали... Всех таких брали...

Ведущая: — Фамилию помните?

Р.А. Нет.

Ведущая: — А имя помните?

Р.А. А-а, нет. Не помню. Не помню. Знаете, столько перевернулось имен... Вот.

Ведущая: — А, вот, могли бы вы вспомнить какой-нибудь день с утра до вечера в гетто. День какой-нибудь.

Простудилась во сколько? Что делали?

Р.А. Я Вале пишу воспоминания такой же. Я вывихнула ногу. У меня был... Она очень распухла. Какой-то тяжелый груз влезает с вывихом. Ну, переходя, наверх, не было. Рентгена же там не делали. Но наступить на ногу я не могла. И выйти на работу я не могла. И я не вышла на работу. Ну, там, может быть, и-и, сказали, что я больна, может с этим ^{при} проис-
исш. Я лежала, значит, и... Ну, лежала у себя, значит. Комната, где мы жили, там жили еще несколько семей. И как я не вышла на работу, так, и-и, одна семья оставила ее, с какой-то заботой. Вн было ну, лет 7-8, не полных тогда. Звали ее Сарочка. Ну, значит, и-и, маялась вдруг поника. Все, кто остался, и-и, в, в это, не выходя на работу... Жанка - маянется погрозой. А это практиковалось. Когда люди, люди... Люди-то нужны илс - бесплатная рабочая сила. А-а те, кто не-е, не выходя - затраивали погрозы. Ну, периодически. Не всегда. Это было 22 марта 1942 года. Почему я похитю? Потому что этот погроз был очень такой, большой погроз был. Вот. И, значит, и, люди начали бегать,

прятаться. Прятаться, прятаться... Тот -
туда, тот - сюда. И прибегают ко мне эта,
э-э, Сидюшка. "Тетя Рая, погугли нагугли-
тесь!" Знаю, все же быль... Я же все
понимала. Погугли... Я говорю: "Сидюшка,
быстренько иди спрячься..."

Ведущая: — Сарюшка, да? Девочка - сарюшка?

Р.А. Сарюшка, да. Сарюшка. Цуеиние. Я...

Это все фиксировано?

Ведущая: — Ну и что!

Р.А. Не важно, что я тут сказала?

Вот. И я говорю: "Сарюшка, иди спрячься".

А там все уже в другом доме жила.

Маме, побежали на чердак. А в чердаке сде-

лали... В трубе какой-то спрят и вй...

Я говорю: "Сарюшка, беги спрячься..."

— А тетя Рая, идеете со мной, идеете
со мной."

Я говорю: "Я не могу встать на ноги. Ну,
я не могу..."

А она все возле меня, так держит.

— "Ну, идеете со мной, идеете..."

Не знаю — откуда у меня взялся силос?

Бывает. Вот можно с еденими тяжелыми

раненными... С самыми тяжелыми можно встать

и пойти. Вы знаете, наверно, что-то в

организме такое есть. И вот я... Я говорю: "Нет, нет я не могу, не могу".

— "... Нет, да ты это так..." —

— Подняла с постели, с кровати. Я поднялась и-и вместе с ней пошла туда, спрятавшись и вот, мы сидели в этом чердаке, в этом, значит углублении и мы смотрели как вели колонны. Это была очень большой парад. Колонна за колонной, колонна за колонной! — Ведут, ведут нас расстрел.

Ну, мы, значит, мы сидим... нас... нас не нашли. Опять уже... удалось нас спастись. А моя сестра и моя подруга... Вот мы втроем жили потом уже, когда мы остались, вот... Мы жили все втроем и мы... А они, а они жили на работу. И вот они возвращаются в лагерь. Значит, уже конца... Кончили погром, всё. Люди уже, значит... Их вывели... Уже тех, кто работает, их уже не трогают.

У них же все тоже было запланировано. Планируется, они по плану. Они легли так подой... Внедряться в любого человека. А такие массовые — это все было по плану.

Вот. И-и, ну, значит, и, они начали, они вернулись, вернулись домой. Еще моя под-

руга воворих... У мене такое было... Вот я
еще упоминала, это пальто, такого тарахтового
цвета. Это бынэ март мезиз. Я еще была в этом
пальто. Так моя подружка говорит: "Ві, вон, вон,
вон везут Рато..." - Ві показало, что мене
ведут. Ну, они пришли. Потом, они уже ко-
гда пришли, мы уже все вышли с этих спрятов.
Ну, и оказалась я вива. Вот такой день, но
с... по сути дела, весь день я провела. Много
дней... Я поехала, нам хотелось отпраздновать коло-
дежно Новый Год. Ну, при всем при том, но
как-то грустно. Вездь хочется что-то. А-а едн
у нас не было. Ничего у нас не было. И самое
главное, что нам нельзя было собираться вместе.
За сбор еще расстрел. Нельзя было влеченно. Веч
увидят, что группа людей собралась, значит
это какая-то тайная организация... , что-то такое
предпринималось что-то, о чем-то говорят и
всё. Значит, за это расстрел. Но мы омерза-
лись. Где-то какое-то место такое было. И
мы решили, туда никто не зайдет, и всё.
И вот, что мы сделали. Где-то ма-а...
какое-то..., какой-то фабрике..., с какой-
то фабрики кто-то принес фрукты. И вот
с этих фруктов мы сделали рубленую селедку
(она у нас называлась), но мы все-то пре-

пробавляя и мы это кушали. А с картофельных
ощеток мы делали и печенки какие-нибудь.
Вообще, выжить с тем то там. Кто-то,
где-то кто-то одну свеклу принес, кто-то
одну картошкину принес... Ну вот, едывая
мы все-таки, едывая мы. Вот так этот
Новый год мы встретили. А кто-то стоял
по очереди, а-а вот так вот, около дома
и наблюдая не следил ли за нами, не засек-
ли ли нас. И так мы отлебили ^{одни} Новый год.

Вопрос: Какой год?

Р. А Наверное, с 41-го на 42-й, или с 42-го на
43-й. Наверное с 42-го на 43-й. Потому
что мы уже noticeably оседелели. Вернее,
мы уже как-то... Не то, что мы оседелели,
но мы уже что-то на..., что-то хотели
предпринимать, на что-то мы уже надеялись.
~~Вот так~~. А вдруг мы спасемся?! А вдруг
наш удвоется спасение! Вот так.

Потому что было, да - с 42-го на 43-й год.

Вопрос: - А Вы попали в лапы когда Вы поше-
ли в партизаны?

Р. А Конечно. 28 апреля, а-а, 43-го года я приш-
ла в партизаны. Я... Это же мой день я
никогда не забуду. Потому что я вырвалась
из гетто. Значит я, возможно буду жить.

Но, во всяком случае, меня не повезут на расстрел. Как э-э... Конечно, я помню этот день. Никогда не забуду...

Ведущая: — А как Вы спали, в это время были? Крепкий был сон? И видели ли Вы как-нибудь сны?

Р. А. Ну, сон был в партизанах крепкий. Я тогда была молодой, здоровая. Все время на воздухе, все время в лесу. Сон был крепкий. Ну, наверное, иногда виделся. Я не помню. Вот. Хотя спали мы как уроды. И в палатке, на сене и, это самое... Когда землянки, так, ы-ы, в землянке. Ну, уже ищем себе свое место. Вот. И там, и мужчины, и женщины. Это сумасшедшая, вот, когда была... Да во всех полках отрядах вот так уже... Потом, если уже отряды, ы-ы, долго существовали и все это, так, ы-ы, ~~заставляли~~ скрывали землянки специально для женщин. Потом там пары образовались. — Для них скрывали. А-а я, в-вот... Да где попало, там и спали. И очень хорошо, по моему.

Ведущая: — А если еще вернуться к моменту в гетто. А вот этот приказ о лоскутах. Лоскуты какого размера были? Где, на какие места Вы их носили? Где взяли желтую ткань?

Р. А. Где мы?... Уже ткань эти долги были
найти где трудно. Они нам не давали эту
ткань. Ну, находили. В каждой семье ка-
кие-то ш... В каждой доме какие-то сря-
тки. Уже что-то находили. Мало было что-
бы цвет подходил и всё. Вот. Пришива-
лись они с левой стороны. Или с правой?
По левому, с левой. Ну, а размеры были,
ну вот, примерно, вот как падеж. Вот.
Такой размер был. Круглая обвязочка.
Вот. И, и они пришивались как при-
шить надо. Чтобы не, это самое, не так
-ежесколько одичал, а чтобы пришить, чтобы
было крепко пришить. Иначе, застегива-
ются прикреплять. Все, за все могли
прикрепить.

Ведущая: — А какой был самый прекрасный
момент в гетто? Вот, был
какой-то момент, когда хорошо
было Вась?

Р. А. Ну, я не знаю. Наверное, не было такого
момента. Наверное, тако... Потому что
все время сопровождал страх. Мы боялись.
И-и мы боялись спать, мы не знали,
что-о придет за нами сегодня, или не
придет. Мы, по сути дела, не раздевались.

Потому что женщины поездами каждый день.
А к, к какому дому, мы не знаем.

Вот, вот, вот мы уже слышим, что едем.
Мы уже едущая... приедем... — едут.
Приедем... А нет. Вроде уже от-
дался звук. Уже не к нам поедут.
Значит, мы опять застали. Вот так.

Нет, хорошего мальчика... Кого не бы-
ло. Очень страшно было с этим отцом.
Этот, э-э, случай. — Он меня, м-м...

Понимаете, ну, одно дело — погиб, вот.
Погиб человек. Всё. И даже уводили. Ну,
так это же было такое легкое явление.

А тут — я не знаю — живой он лежал в
этом месте, или он не живой? Я — как
бездумная. Я, я бежала, я кричала...

Уже в, в... Уже за этим районом. Как
бездумная была. Потом, эта моя подружка
надо мной... "Прости, — она говорит, ну,
невозможно, ну там, на тебя смотреть.
Ну, пойдём." Я говорю: "Ну, как же мы
пойдём?!" Она говорит: "Ну, пойдём."
Она была с... Я бы сказала, совсем меня
даже. Вот, и мы пришли. Мы пошли.

Пробавили туда и м-м...

Я сказала, что нас привели к етеньке

А, по сути дела, так оно и было. Но в это время с другой квартиры вы... тоже вышли люди, которых он тоже должен был задерживать. А, э, у этих людей где-то тоже, в перке, или где-то было заложено золото. Они специально пошлому пробрались в этот район. Так когда Нелеся нас привела к ешенке и пошел на них, на этих людей, так они еле, вот так вот, ру... показывают — золото, золото, золото... А мы беспрерывно е неси... Отпуща... Вот так. Убеждали.

В партизанах, конечно, были разные, э-э, времена. — Лучшие и худшие. Были у нас какие-то спокойные моменты. Мы разжигали костер. Моги и танцевать. Вот. э-э.

Лесен нели. Были не у нас отовсюду: и с Белоруссии, и с Украины, и отовсюду у нас были. Вот, и, были вот такие моменты в партизанах. Но, конечно, в основном — это все время борьба, борьба. Все время, вот, и задания, всё... Я не могу на задание — другие... Кто-то все время на заданиях. А потом, ешес — ждешь. Вот везут раненого. Оши, вот помню, пошел на задание и разорвался на mine. И не привези его даже. А у второго был нос.

разорван. Вот тогда я была одна совсем на всех, на... И брат, и сестра, и санитарка. Мы вызвали хирурга с бригадой. Он пришел. Вот. И он сделал — швы наложили, как надо, всё. Ну, а уже сетальное все, потому я за ним ухаживала. Это был такой, надо сказать, а-а, такой... Как Вам сказать? Бандитское немножко лицо у него было. Вот. Но после того, как я, все-таки, так за ним ухаживала... А я, не хочу хвастаться, но я очень отговала себя раненым. Я ни с чем не считалась. И — вот. Так он уже не зная тогда, что... Так был мне благодарен. Если кто-то идет на операцию, чтоб мне принесли мед, чтоб мне принесли то, чтоб мне принесли другое. Уже как, как-то, вот, всегда заботился. А у меня... Вдаль, там, куда-нибудь — уже позже, так... А я, я очень боялась воды. Я не боялась когда бомбили с самолетов. Я не боялась. У меня какая-то естественность была. Я... Но когда... А там, вообще, болящее есть. И надо пройти болячку, а там еда... кладочка маленькая. И всё, у меня тогда теряется равновесие и я сразу упадет. Так уже знали об этом наши партизаны. Так уже где-то... „Ну, где раз, где раз?“ — говорили уже. Так они

уже сами проводили.

Ведущая: - А какая одежда была в партизанах?

Р. А. Какая одежда в партизанах была? Ну, я сразу пришла в куртке. Такой... Мужская куртка такая. Вот. Ну, то, что на мне было. Не помню какое платье. А-а, это была веска. И какие-то туфли были. Не помню какие.

Вот. А потом, когда мы уже пришли... Были уже в партизанах и ходили на всякие задания. А-а-а, мы когда ходили на задания по м..., тогда продовольственные, м-м, значим з, продукты доставать, тогда старались где-то... Кто-нибудь берет какое-нибудь, и, платье, какую-нибудь юбку, какое-нибудь что...

При... при... приносили, вот так вот, на охи, приносили. А потом у нас был сем... Недалеко от нас был семейный лагерь. Как раз, в этом лагере была моя свекровь. Командиром этого отряда был Зорин. Его все знают. Это национальный герой. Его-о... Вот. Этот отряд был, з-з... У него были всякие леснические. Он был такой толковый человек. Были у него всякие леснические. Привозили ему... Вот, корову, например, привезут. Привезут из отряда, тогда было мясо, чтобы были колбасы. - Значит, тогда это все раздают. Сапоги надо козю-то, там?... У нем-

цев, 7-2, ра... сняли с него сапоги... Везь
когда шли на операции, тогда и оружие, и уже
одежду, ихние экипировки, ихние са... Ихние...
Сапоги с них снимали, всё... Знаю, тогда са-
поги. Знаю, шли, а-а, в этом отряде. —
Там делали. Вот еще тогда сапоги делали, за-
нужели. Очень приятные были у меня сапожки.
Вот. Ну, потом еще тоже принесли очень кра-
сиво рваный кожанок. Потом еще ежиком.
Уже после всего, после сво... Когда мне освобод-
или и всё... Когда стала ходить на эти кожанки,
так я всё выполняла... А везь я... Я когда
выходила из леса, я отдала кожанок. Потому что
это было лето. Я думаю, зачем мне ко-
жанок? Кожанок, потом такая была на-
пка с туш-такой елкой на... наскорок —
партизанкой. Это тоже там делали —
в отряде Зорина. Ну, там уже потом,
уже ~~он~~ как-то было легче. Они там. Все,
что надо, все заказывали там все это.
Вот отряд этот не очень далеко. Мы туда
ходили. Иногда. Вот так.

Ведущая: — А вот еще очень интересно. В это
жизни много вещей в озерах было.

Воздух какой был всегда? Простое, я так
думаю, тепло — значим, 7-27...

Р.А. Ужасно было. Умо Вк?! Школы, школы нетам. Потом начинаются так. Кто чужой - селами живут - люди ни с кем не считались. Видно, голод заставляет, я не знаю. Вот кто-то несет бухку хлеба. Держим для своих детей, для... Сами жаждут есть. Или кусок хлеба, я знаю? А ногою все сносят. Потом кто-то покусывается... Я помню такой случай тоже. А там кто-то покусывается и... возьмет этот кусок срезет и, и будет кушать. Потому что голодный. Голод на все это толкает. Мы проходили оккупацию карьерными заводами и они были очень широко использовались. Это была карьера... Это... Это из другого было. Они были, но-о, пропускали через экскаваторы и делали охваты карьерные. Вот так. Прииспосабливались. Все же люди везде, вот... И все как-то вот так приспособились.

Ведущая: - А когда уходили на работу утром, то вот вещи... Вещи не воровали? Простите?

Р.А. Нет, нет. В основном, нет. У нас - с не было такого ничего. Нет. Вовсе, конечно, нет. Это же такой случай - голод. Это голод. Это там уже ничего не скажешь. Но, если, там, где-то попадет вор, так он и в серую врезал свое понадеялся,

Ведущая: - Скажите, а Вам приходилось стрелять когда-нибудь? Из Вашего оружия.

Р.А. Приходилось. Когда у нас была ремсовая война, а-а-а, была очень тако... Один раз я участвовала в такой войне. Так приходилось. Но я Вам скажу честно - Я не знала, тогда я тогда в цель, или нет. Но - о приходилось. У меня всегда был с собой карабин. У меня... Это значит короткая винтовка. - Называется карабин. Так у меня это было мое оружие. Вот мое, мой... Ну, я же... Когда мы на операции. Я же не могла без оружия ходить. Так у меня был этот карабин. Как пользоваться оружием нас учили.

Ведущая: - А что за ремсовая война?

Р.А. Что за ремсовая война? Был-ы такой приказ. Везь был штаб партизанский где-то в Сою... В Москве он существовал, или где? Которые разрабатывали задания, которые нам давали. Кроме того, что еще сапсы, ы-ы, кожные... делались какие-то, там разрабатывали. И вот ремсовая война. То есть, а-а-а, эти люди идут, везут боеприпасы, везут, э-э, живут силу противника, везу... везут всё. Значит, нам надо было разрушить вот это вот. Понимаете? Это называлось ремсовая война.

Ведущая: — А как этот случай произошел? Вы, со смиреной.

Р.А. Вот так вот мы сидели. А-а-а на другой, э-э, на другой линии и-и с... ждали пока пройдет поезд. И помню... прошел поезд, и, ы-ы, крушение поезда. И-и начали там выкапывать. Кто-то сразу погиб, кто-то сразу, всё. А кто-то бежит. У-убегая. Ну, в них начали стрелять. И мой выстрел был, но не знаю, попал ли, или нет.

Ведущая: — А вот те wound, когда Вы остались с ранеными на болоте. Скажите, вот как Вы в них разговаривали, что Вы им говорили, как Вы успокаивали? Или они Вас успокаивали? Как они друг с другом общались?

Р.А. Как они общались? Знаете, нас уже похоронили, по сути дела, осталось 2 раненых и я. Подожду что эти двое somehow взяли... Были просто на колышках — такие раненые. А они их взяли с собой. Они жили. Я не знаю теперь, честно говоря, была ли у них цель действительно, а-а, нас... развешать партизан и... Они хотели сами спастись. Наверное, скорее всего так. Вы. И вот я осталась с этими двумя. Ну-у, ничего. Иногда мы просто так

разговаривали, отвлекались где-то. Вот.
А потом, а-а-а, вот этот и - Цирюков -
нац... ы, азербайджанец, - он мне все время...
Я очень боюсь, что он дойдет до меня. Я все
далее и далее от него. И возьмет у меня...
Соберет у меня оружие и пристрелит. Поэтому
что он меня все время преследует. Он мне всегда
говорил: „Рая, ты - женщина, ты не сможешь.
Да, я, - говорит. Ведь мы отсюда не вы...
выкарабкаемся.“ Ну, вот. В итоге. Действи-
тельно, уже как-то никакой надежды не было.
Легали. Это уже были егерки. Уже ко... ко-
содати начали. Укрылись вот этими бурками.
Крестьянские. Такие большие крестьянские па-
нты. - Это бурки назывались в Белоруссии.
Вот. И вдруг мы слышим, что кто-то идет.
Кто-то... Кто-то звонится. А мы не знаем -
Наси, или немцы? Значит, мы тоже озо-
рожены. Мы хотим позвать... Хотим
мы не увидели. А-а, особенно у нас такой
был маленький очень, 7-7, партизан охин-
Белорус. Так вот этот, 7-7, азербайджанец
его всегда называл „братка белорус“ и вот,
когда мы увидели людей, он увидел именно
его первого. И он начал кричать: „Братка
белорус, братка белорус, иди сюда. Братка

Белорусе! Мы тут, мы тут!" Вот так.
Верущая: — А вот в гетто если вернусь. Вот, ведь Вы там общались. Все-таки как-то общались, меееетрз на всю опдекоеть. Кого, кого-нибудь Вы потом встречали, папенью Вашей, вот, Рол-Вашеи! подружки?

Р. А. Почему? Конечно, встретила

Верущая: — И какова...?

Р. А. Я встретила партизан. Я могу назвать только тех, кого я... Конечно, ну, с которыми я там была близка. Ведь там тоже народу было много. Я не всех знала. Вот. А-а-а, встретила я-а, значит... Ну, было там такая — Соня Варшак. По улице шла — случайно встретила. Соня еврейская осталась жива. Она многих встречала, потому что она была в "семейной отряде". Вот. Этот семейный отряд... — Там было много из гетто. Ну, она с ними встречалась. Она их лучше знала лично. Здесь, во Флориде живет Миша Рапо. Во Флориде. Это... А-а, мы с ней были вместе в гетто. Она приезжала каждые почти 2 раза в Ашкеназ. А-а, потому что у нее ^{всё} ~~здесь~~ родня... Да. Я хочу еще... Тут немножко не все сказала. Она, значит, е есужее... Их куда-то его забрали

ма роботу. Я можети не совсеме погробно это
знаю. Они отжуда уурали. Он был "Запажник".
И они уурали. Уурали в Польску. Они енаелись.
И в 46-ом, или... Му, не знаю точно в ка-
ком году, когда паязкая разрешила выезжать.
Польские евреие — в Америку. Они выехали.
в Америку. И они... Потом оставалась родня
у ~~них~~ нее... Она кажде 2 года приезжала сю-
да. — А в-э Минск. И моя поруза, кото-
рая все время была в Минске, каждеи год с ней
встреча... Каждеи раз с ней встречалась. А по-
том, уже когда я вернулась в Минск, она гово-
рит, — вот ты знаешо, вот Рая вернулась
и все. Так она мале всегда мажнчала, ли с
ней всегда встречались. А потом оказалось, что
она является порузой, а-а-м, сестрой моего
сужа, которая здесь, тоже 45 лет во Флориде
живет. Потом-су что она тоже выжила задежи вто-
рочно (сужа у нее погнб) за "Запажника" и она
с ними сюда приехала. И они всеете теиерь жи-
вут во Флориде. Вот, сестра моего сужа ко
мне уже приезжала в гости 2 раза. Вот. Даже
3 раза. Одни раз она приезжала, когда сын, а-а-
м, приехал сюда. А с ней — с этой Лизой —
я ей, с ней переговариваюсь и, кетаме, она
мне даже помогла. Я сеице получила ком-

пенсацию за пребывание в гетто. А мне надо было... У меня же... Какие у меня документы есть? Я же ведь... Э-э... У меня же... Немцы не выдавали. Хотя мне дали еврейские показания. Те, кто меня знал. Вот. А-а, и-и я ей... Я тут сразу встретилась - Софя Левина. Но я не знала. Мне... Она сейчас очень больная. У нее инсульт. Мне сказали, что ~~ты знаешь~~ ~~вот тут~~ Софя Левина, - ты знаешь? Вот тут Софя Левина. Она тоже была в гетто. Ну, я ей позвонила, она с ней встретилась. Ее отец был профессор детских болезней. У нас преподавал - в медицинском. Я ее не помнила. В то время было 16 лет, помаленьку, а мне уже было побольше. Вот. Но она мне дала еврейские показания.

Потом, вот эта Лиза Рапо. Мне дала еврейские показания. Потом есть книга. Можешь Вась она когда-нибудь попадет.

А-а-а, э-э, "Метатели гетто" Сельяра.

Вот. И там в нескольких местах фигурируют мои друзья. Они не фигурируют в таком виде, что я там что-то такое. Но вот врачи, фанатички, в-и-и, врачи гетто (ну, меня уже к врачам призывали) такие-то, такие-то, такие-то собирали в гетто

дедрикассены. Потом: уже, вот, брат турки-
занекого отряда — Р. Пиринч, которая там
оказывала помощь, и всё. Так я об этом ука-
зала этому Рн... Рыбик... а-а... адвокату
людей. Указала, что, значит вот, моя гра-
жданская фигурирует там-то и там-то. Он
мне написал, что мы получили из Германии
бумаги, что наша свидетельских показаний.
Вы пишете, что Вы упоминаетесь в этой
книжке. Пожалуйста, разъясните эту книгу.
и-и снесите концы с этих листов, с этих
эпизодов. Ну, что мне было дел...? Я ее
хранила как зеницу ока и сын у меня пропа-
л еще в Анде, когда мы... муж ездил. Ну,
нету этой книги, и всё. Ну, и Вы знаете, мы
здесь нашли эту книгу. Тут оказывается... Мне сказа-
ли, что тут одна женщина, е-е-е... Она уже
умерла. Ее дочка здесь. Водитель, мой сын с ни-
меч знаком. Они дали эту книгу. Я сняла копию.
Все лица оставила. И отослала ему. Там-
е-е-е-е обо мне, о каких-то моих э, и-и, гер-
манских подвигах ничего не упоминается, но
просто так упоминаюсь я и всё. Вот.

Ведущий: — А удалось Вам сохранить письмо
судья? Вот оно.

Р.А. А?

Восущев: — Удалось Вале сохранить писем еще
каких? Вот первое — военное.

Р.А. Мем. Вы знаете, я его долго очень хранила,
но потом... Я не знаю. Мы все время пере-
езжали, переезжали и мы куда, ни слова не было,
а так только — случайное такое письмо. Не, не
сохранилось. Это так... такое письмо... Было
милосердие... Значит, он обращается ко мне, или
кто меня знает. — «Прошу сообщить маме-то и
папе-то... Туда-то и туда-то. В-ы-е, значит,
Мая и для жизни. Находите в Москве. Проти-
вают на своей квартире...» — Олиной. Мама
адрес, по-любому, написала. Он указал.

«А-а я в звании капитана (он тогда был
капитан, потому он стал лейтенант, потом стал
подполковником) вот маме-то и папе-то?»
Ну, и-и вот так вот началось наша перепис-
ка. А переписка началась так. Потом. Еще
как тогда все это работало? Вот, я пишу
письмо. Вот, 4 тысячи ничего нет. Вручу...
Он мне пишет, что он мне будет помогать.
Значит, деньги выслать. Вручу я получаю
сразу 4 тысячи. Ну, а за 4 тысячи я могла
купить пару туфлей, а-а, шерстяная, а-а,
на платье. — Это крашеный парашютный
шелк. Вот. И мы с подружкой купили себе

по рубашке какой-то, бывшей в употреблении. И, наверное, по какой-то ковришке, или куску хлеба. Это мы могли купить за 4 тугрики.

Больше, наверное, ничего не могли купить. Ну, а потом он мне все время, конечно, помогал.

Ведущая: — А вот не могли бы Вы поговорить
вспомнить про лагерь военнопленных,
где Вы работали, вот, фельдшером?
Что это такое было?

Р.А. Могу вспомнить. Это как раз тогда в-в
смысле уже, вот, я последнее, откуда я уеха-
ла. Как раз это время было не далеко от того...
Мо... Моя квартира была не далеко от того
места, где был этот лагерь военнопленных. И
теперь там тюрьма. Вот. А-а, значит, там
были военнопленные. Их там содержали. А у
меня был медпункт. Я работала, еще там
фельдшер какая-то работала. Мы с ней по...
или двое, или трое нас. Мы с ней по охра-
нке дежурили. И если кто-то заболевал, кому-
то надо было какую-то помощь оказать, так
и кто бы то ни было, мы обязаны оказывать
помощь. Мы их оказывали помощь. Я не долго
там проработала. Потом уже это, вот, как
только вернувшись соединились, я сразу же по-
шла, э-э, про... продолжала учебу. Вот так.

Ведущая: — А когда Вы пришли в партизанский отряд, там, в основном, были русские, или люди других национальностей тоже были?

Р.А. Нет. Разные люди были.

Ведущая: — Ибрагимов был.

Р.А. Да, и населяны были, и-и русские были, и белорусы, и украинцы. И евреи были. Были евреи, которые ушли в партизаны, и-и, как только они начали организовываться. Потому что они где-то скрывались, а потом, когда уже начали действовать партизанские отряды, они ушли. Вот в партизанских отрядах было... Я была на Западной части, а на Восточной нас сколько было партизан?! Нам было очень много партизанских... Белорусцев же, они прямо составляли партизанские отряды. И партизаны левого лагеря тоже внесли. Вот.

Ведущая: — А Ваш дом, вообще, сохранился в Ленинке?

Р.А. Нет, нет, нет. Я когда вернулась из пра... с лица-е практики, дом наш уже был разрушен, весь весь дом был разрушен. Ничего не сохранилось. И нас сохранился Дом правительства. Вот. Они специально для себя сохранили. Дом Красной Армии — Дом Советской Армии. сох-

ранился. И с таких вот больших объектов — это, наверное, сеновал всё. А там — на окраине, сохранились дома. Частные дома. А-а-а, где-то сохранились, где-то нет. Потому что ведь Минск был... Как уж Минск был разрушен! Ну, его потом все восстанавливали. Конечно, мы — с работ... Когда жились, нас...

Управлялись субботники. И мы — с... Все же мы, вот... Таскали, верное, выбрасывали мусор, привозили... Ну, все, что надо было, мы делали. Мы очень активно... Все жители активное участие принимали в восстановлении города. Вот. И Минск восстанавливали, а-м-м, скорее... раньше всех городов. И в с...

Вам не приходилось бывать в Минске? Минск был очень красивый город! Красивый, очень чистый. Очень красивый был город Минск. Последнее время в нем было грустно. Потому что, а-а, и — цыгане, а евреев мало встречалось. — Поезжали люди. И чувствуешь, — а ты, а ты остался на старости лет. Как-то страшиковато было. Немного. И тогда, антисемитизм ведь уже был. Тогда уже во всю антисемитизм был. Люди уво... уволены с работы. — Центризм не могли. У меня дочка Зинарида не работала.

Вот, и-и... И вообще, ужасно; ужасно
сокрычали. А когда брали на работу, прямо
они не отрицали, что они не берут потому,
что они евреи, потому что такая графа.
Не отрицали.

Ведущая: — Это какой год?

Р.А. А?

Ведущая: — Какой год?

Р.А. Да вот, и-и, и-и, ну ск... все... Прелез-
ные годы — это вообще все годы. Последные...
Восемьдесятые — все годы. Вот. Ну, я не пом-
ню, при Круцком было, или нет. Там же
косополицизм, вообще, был тогда. И-и.
Вот. Было все вроде. После войны все вроде
было. И-и, матриарх, служил на Сахарине
(легко был военный, в госпитале), и там было
очень много евреев. Потому что военных-евреев они
старая... старались посылать на Сахарин. — По-
фамше. Вот. В Теремини ли были 2 года и
нае... Ну — 2 года, а я — несколько есе-
ше. И тоже перевели, потому что-о-о...
Раньше других. Потому что евреев там ста-
рались отсюда убрать.

Ведущая: — А вот когда вы были в гетто, какие-
нибудь религиозные праздники отме-
чали евреи?

Р. А. Да. Отже... Тогда уже отвечает. Потому что мы хватаясь за соломинку. Значит, если пост... Нам и так кушать нечего было, но мы постели. Нам это уже не так тяжело было. А может быть? Мы за соломинку хватаемся. Мы... Ну, за все. Мы... Каждый ночью рассказывая свой сон. Вот сегодня встал кто-то и говорит: я мне снилось то-то и то-то. - Ага, это хороший сон. Значит, это же... Ну, может будет что-то хорошее... А другой скажет: Ой, я мне снилось то-то и то-то. - Ой, значит какое-то несчастье. Значит... Потому что за соломинку хватаемся. Вот так.

Ведущая: - А люди жилишь в гесто?

Р. А. Жились. Но мне особенно не приходилось с ними сталкиваться. Я не знаю, синагога? Наверное, не было синагоги. Я даже не помню. Жились. Наверное, жились. У себя в праздники. Праздники, конечно, тоже старались отмечать. Ну, как отмечать? Не, не считешь же то, что положено в такой-то праздник. Но, что хо... хотелось бы с удовольствием. Но, во всяком случае, отмечали. Жилили. Когда пост.

Ведущая: - А удавалось ли Вась - ну, может быть. Это чудо, но может быть -

сохранить какую-нибудь, вот, вещь
из Вашего военного прошлого?

Р.А. Из моего военного прошлого? Нет. Сейчас
у меня ничего нет, кроме вот, вот этой
фотографии. И еще есть одна у меня. - Когда
мне было 20 лет, но есауовская такая -
любительская, есауовская совсем. Ну, вот
так, у меня ничего не сохранилось. Но у меня
была пудреница такая. С маднью. Мне ее по-
дарил муж. Она мне была очень ценна. И я ее
все время за собой таскала. И когда вот тогда
меня задержали, они у меня (ничего же не было),
они у меня обна... обнаружили эту пудреницу.
Смотрели, вертели, вертели. Они у меня ее...
Она уже, кажется, заржавевшая... Она серебря-
ная, вообще-то была. Но-о, м-м-м, они мне
ее вернули. И я ее до сих пор еще... По-моему, по-
сле войны она у меня была. А потом я ее уже...
Уже за несодержимую я уже ее... Не хранила боль-
ше. Нет, у меня больше ничего не сохранилось.

Воспитатель: - А, вот, в это время какие-нибудь книж-
ки, или это...?

Р.А. Читали, конечно. Потому что в долах же...
Дола остались. В долах остались книги. Так мы
читали. Во-первых, то, что нельзя, мы считали.
Потому что, если найдут - так и-и... Потом

же что с н... будем? Вот. А так, если находили книги и читали. Мало же было чего-то занимать себя, несколько отвоевать. Вот. Я и сейчас русские книги люблю, где только могу. И читаю.

Потому что по-английски я все равно не могу.

Ведущая: — А Вы помните, что Ваша семья и семья сына с собой взяли в гетто? Что взяли с собой?

Р.А. У нас все сгорело. Ничего. М-м. Я когда пришла, а-а, в Минск, квартира нашей не была. И мне сказали, что Мелю и сестру увез наш сосед. А сестра пришла родить в Минск. Она из Моеквы была. Вот. Увез наш сосед на машине. Он где-то в органах тогда работал. А-а, так что, ну, что? Они, наверное, взяли, там, пеленки. Я знаю? Для ребенка. Ничего не взяли. А я, м-м, из Лизы... Молодая же была. Я взяла самые хорошие, самые красивые вещи, которые у меня были. — Все бросила. Все бросила. Я помню, мы ехали в какой-то погреб или бомбежки. А потом, когда уже нам отказали и-и в военкомате, и сказали: "Девочки, не мучайте голову. Уходите охотой", — мы тогда бросили все и ушли. Виде такой эпизод. Я не знаю, подойдет ли он?

Ведущая: — Да, да.

2. А. А если нет - так выбросите.

Значит, мы практику проводили в Лиде, когда мы причесали. Значит, нас несколько человек причесало. Значит мы - трое - начали проводить в роддоме, а там еще трое - в другой больнице. А потом мы должны были поменяться. У нас были... нас очень хорошо в роддоме кричали. Они нам, м-м, дали... помоли с жиделью. Мы ждали в общежитии педучилища. Вот. Показали какую-то еврейскую женщину, которая нам будет готовить. Это же еще только, только освободили Западную Белорусию. Там еще все было, знаете, как в Польше, все это. А-а, что она нам будет готовить. Она нам готовила, все. Она к нам очень очень охотно-лась. Один был молодой. Еврей. Молодой врач. Он был главврач. В другой был старый поляк. Вот. Мы еще там были. Я не помню. И когда мы-ы, значит... Все это вот, - бомбежка, все. - ~~то~~ куда мы? В первую очередь мы побежали в роддом. Они все собрались там. И мы говорили: "Что нам делать? Нам в военкомат надо." А нам это, м-м глав... главврач говорит: "Девочки, уходите из города. Уходите. Здесь тут делать нечего. Все тут... Вы тут сидите со всеми. Уходите из города!"

А второй — Заложил так ногу за ногу, сигару курил и говорит: „Что же Вы? — Комсомолки! Родину свою защищать не умеете. Вое, не бойсь, мам Сталин ждеет.“

А этот говорит: „Да не ешьте Вы ее. Уходите. Уходите скорей из города!“

Ну, и больше мы судьбу их не знаем. Тотому сто лет было, а город горел.

Вспомог.: — А, вообще, Вам потом приходилось встречаться с кем-то из врачей, с которыми Вы в партизанах работали?

Р.Н. Да, встречалась. Э-э, такая была — Мария Абрамовна Керзон. Она уже тогда... Я же еще тогда студенткой была. А она уже тогда была дерматовенеролог. А я потом стала, э-э, когда я уже приехала в тот госпиталь, где только было, была эта специальность. Вот, а потом, когда мы вернулись в Минск, она тоже работала в диспансере. И мы с ней встречались. Очень тепло с ней общались. Я знаю, она потом умерла. Где-то уже в восьмидесятых, по-моему, годах она умерла. Она была постарше. У нее погибло двое сыновей — таких уже подростков.

Вспомог.: — А, вот, тот хирург, под руководством которого Вы работали в отряде? Кто это был за человек? И что с ним потом...?

Р.А. В госпитале, да?

Ведущая: — Да, в партизанском.

У нас было два. Один был начальник госпиталя — Алчунин Юлий Анатольевич, из полка.

А второй был — Огурин Иван Мефодьевич. С этим у нас был очень хороший контакт. Он очень был добрый, душевный человек. Всегда, э-э-м, подсказывал, всегда, м-м; ну, он хороший был очень человек.

Вот у него санитарочка была, а-а — жена, так сказать. Как тогда называли — ППЖ. Э, вот.

Ведущая: — Что такое ППЖ?

Р.А. Ы-и, походко — полевая жена. Вы не слышали такого? Вот. Он с ней, вот... Он с ней...

Вот, мы дружили. Он с ними очень... Они очень хорошо к нам относились... относились, и всё.

Ну, а второй был хирург. Тот — начальник госпиталя. Также, он был не плохой, но он был слишком такой — аристократ, вы знаете, такой. Из каких-то таких, видно... Вот. Как он держал себя очень высоко. На лошади всегда. Это вот так, с афганцами... Ну, там везкое было... Но не все расстраивало.

Ведущая: — Расскажите.

Р.А. Ну, вот так вот.

Ведущая: — Расскажите. Ваши дети будут интересно, внуки будут интересно. Вы же такой кра-

сывая, Вы же молодая женщина тогда были.

Р.А. Нет, я не могу это... Ну, он меня взял в отряд, потому что он думал... Я ему понравилась. Ну, а потом у него ничего не вышло, потому что мне... Он мне был не симпатичен и, вообще, у меня в отряде это... Вот так. Все, что я могу сказать об этом.

Ведущая: — А как в отряде отнеслись к евреям?

Р.А. Вот там уже начинала чувствоваться антисемитизм.

Ведущая: — В отряде?

Р.А. Там уже чувствовался антисемитизм, да.

Ведущая: — Расскажите.

Р.А. Ну, как? Они-и, и-и, не издевались, чтобы там что-то такое. Наоборот. Партизаны — евреи — они в разведке были, они-и во всех операциях; Но шуточки, вот, такие вот. Позвонить они могут. А-а, вот например, допустим к примеру, вот, мальчик 16-ти летний, или 15-ти летний — Абраша его звали. Так они могли сказать: „Абраша, где твоя куртка?“ — Вот так. Это скрывать. Знаете, вот, они старались. Вот, пойдёт так вот. Но-о таких вот, каких-то случаев не было. Этого я не могу сказать. Не было случаев никаких. Потому что, ну еще собственную говоря, белорусы, я Вам скажу... Белорусская деревня — они, вообще, не были антисемитами.

А когда мы... м-м... Значит, я опять возвра-
щаюсь. Когда я, значит уже из колонны и пришла
лишь, а-а, этого кирпичного завода, первая де-
ревня нам попала Мезвежина - она называ-
лась. Мы шли в Старое село, но по пути еще
с... попала деревня Мезвежина. Так ы-ы...
А в деревне есть такая кривушка у них. Они
идут - они шапку снимают и здороваются.
И вот, значит, мы идем - 3 человека... э-э,
да, нас было три и эта Селезюга. И-и сто-
ят там-е, ну, женщины - сущая. Знае-
те? - кто-то за водой пошел кто-то - еще
что-то. Так они говорят: О, жидки идут,
жидки идут. А мы говорим: Да нет. Какие
же мы жидки?

- "Не, не, идите. Тут много жидков ходит.
А-а, идите. Уже же жидки же можно...
жидки ходят"

Я понимаю. Они к нам... не пл... Беларусь...
В Беларуси, вообще, антикоммунизма, вот
именно, среди са... наиболее темного - не
было.

Вадимов: - А они узнали, что жидки, почему?
Из-за шапки?

Р.А. Ну, они уже опять ищут. Нет. Какой шапки?
У меня ничего, нич... не было. Я была...

Сорвала латки и в этой куртке я шла. Мы все так. Вот. Но они... Они знали, что все происходит. Много евреев проходят через эту деревню. Издвигая и все направляется к этой муче. Поэтому это все уже слышали все... Все в это знали, что есть такая беларусская мендизина - Иреця. Вот. И вот, они нас, 2-2, они нас признали. Но очень добродушно это было сказано. Они к нам ничего... Они бы нас не выжили. - "Идите, идите. Здесь не... здесь полицейских нет. Идите."

Поэтому это полицейские - они приходили, они боялись уже. Они приходили по заданиям. Поэтому что они боялись партизан. Так, как партизаны боялись полицейских, так полицейские гораздо больше боялись партизан. Поэтому это это - "и наши, и Ваши" - получается. Партизаны бы с ними так бы расправились, это немцы бы с ними так не расправились. Вот. Были случаи, когда партизаны партизан расстреливали. За мародерство...

Возвращаясь: — А мародерство было?

В.А. Ну, идешь в деревню... Идешь в деревню. А-а, идешь... Кто-то-о в-встречается и начинает, ы-ы... Знаете как? Как среди всех людей. Там же тоже были такие...

Ну, начинают, вот, брат... всякие вещи... то, что не положено, то, что не предусмотрено.

Ведь так же можно... Каждый партизан будет приходит и забирать у крестьян... Они и так-бедные - страдали и от немцев, и от партизан. Вот. Ну, так - а-а, рас... За это расстреливали. Вот - и. Расстреливали, а-а, вот, как этого Эпштейна. - С группой с этой расстреливали. Еще там какие-то полиция пришли, полиция тоже, но о них уже... Ага, вот они пришли, а кто-то уже в партизанах о них знает, что они вынуждены. Вы понимаете? И говорили, что вот эти вот, и-и, - они-и, ес-и, служили немцам. Служили франкстам, и-и с ними близко контакти. Вот так.

Вадимас: - А вот в это время удалось выйти, вот, в русскую, в русский город?

Р.А. Меш. Ни в коем случае не удалось. Это коз... нас... ко... когда нас выводили на работу, выстраивалась колонна, открывались ворота и нас выпускали. Потом эти ворота опять закрывались и все окн... всё это было под колючей проволокой. Вот. Почему так много погибло детей? Очень много детей погибло. Ну, некоторые мальчики же бегут, знаете, вообще, такие отчаянные, смелые. Они уходили, они видели, что стр... расстреливают. Они уходили. А-а, думали, где-то

спасутся. Может быть где-то, кто-то их и приютит. Где-то может они в партизаны попали. Где-то в, в деревне можем быть воспитывались. Ведь когда некоторые уходили в партизаны, они отдавали на воспитание ребенка в деревню. Некоторые очень охотно брали. Очень охотно брали таких детей. А потом трагедия случалась. Приходила мать забирать ребенка. А ребенок обнимает эту мать и кричит: А моя же ты малюшка, а не оторвай же меня! А моя же ты малюшка!

И-э, и-э — Боженька ты мой! — Так, по белорусски, начинают они. А мать хочет же забрать своего ребенка. И вот это у них трагедия.

Мена командира... Озного командира отряда. — Она уже там вышла замуж, а-а-а, за него. А ребенка своего она оставила в этой деревне. И вот, они когда кончилась война, они пришли... приехали забирать ребенка. Так была такая трагедия, что мне не передать. Как этот ребенок плакал! И потом в это время я была у этой уже женщины когда вот эта приезжая мать привезла ребенка мужа. Привезла. И находилась с ней там. Это-то целый месяц жила. —

Чтобы немножко привыкла — не так оторвать ее от себя. Плакала безумно. Как эта мать плакала! —

Приезжая. И как плакала эта девочка! И все, и она крестилась, и она, эта вот, и-и, ир... Ну-у, и... по белорусски, по белорусски только разговаривала,

и всё.

Ведущий: — А девочка была кто по национальности?

Р. А. Еврейка. Мать — еврейка была в партизанах и забрала дево... и ос... оста... с, с девочкой пришла, а потом, когда там, операции всевозможные, и все — так старались детей опаздывать в деревню. И-и некоторые деревни — они охотно брали. Вот бездомные. И они их хорошо воспитывали. Они... Мы же смотрели много кинофильмов таких вот. В Союзе. Я очень хорошо помню.

Ведущий: — А Вы помните фамилию этой женщины?

Р. А. Нет. Нет. Это было не в мо... не в моем отряде. Потом с подругой... А это... В Барановичах они жили тогда. А мы ехали с ней к моей свекрови. Она жила в Дятлово. Вот. Моше в Западной Белоруссии. Так через Барановичи. Мы там остановились. И... А мы ехали к моей свекрови. Она нас покормила. Потому что она тоже была замуж. В партизанах. Бы было 50 лет. А он — западной бело... У него погибла вся семья. И в, в этом Дятлове у него остался дом.

Он вернулся в этот дом. Потом он нашел свою корову. Потом он нашел свою свинью. Знаете как это там? И они все предоставляли ему. Ну, и она, и-и.

Он — сапожник сам был, а она — вообще, портниха, но она занималась козачеством. Так она...

Мы приезжали, она нас покормила, она нас, э-э... И-и, я не знаю, если она нас не покорм-

елливали, как бы им вообще бы жили. Потому что кушать хотелось! — Безбожно. Всегда. Уже кончилась вой... , уже, вернее, им уже студентам, им уже... Уже — э-э победа... день победы, а мы... , а мы все хотели кушать. Им никак не хотелось накushаться.

Ведущий — А как это чувство голода? какое оно?

Р.А. Ну, вы знаете, какое оно. Ну, вот плохо. Ну, вот плохо. Вот, что-то, вот, подходит под сердце. Ну, вот плохо. Ну, вот хочется кушать. И-и, я не знаю. Вот сейчас говорят часто, что, вот, объявили голодовку. Я этого не понимаю. Я бы не могла. Я кушаю очень мало. Но голодовку бы я объявить не могла. Ко... хочется кушать. Вот, голова кружится и... и, вот, тоска, и-и-и, ну, плохо, ну, всё плохо, всё плохо когда хочется кушать. Это ужасно — голод.

Ну, им не зн... Им все, все, что только могли, а-а-а, перерабатывали в еду.

Ведущий — Ну, например.

Р.А. Ну, например, перед тем, как войти в гетто, ну, уже когда, значит, Линек э... , в Линек уже были немцы, но еще гетто не было объявлено, значит-ы, были склады, были магазинчики и-и... без хозяина. И люди туда толпами шли и брали. Брали. Что могли — то брали. Я помню, что им представляли мешок личного порошка — большой, большой. Им не знали, что это такое. Потому только им предлагалось, узнали,

это это яичный порошок. Он нас очень здорово выручил... тогда. Что еще мы принесли? Соли, по моему, принесли маленького. Наверно, больше ничего. Вот. А-а-а, так вот-ы, вот так вот-ы. Тряк вот мы там — много яичного порошка, а кто-то — мешок муки. А кто-то — м, там, еще что-то такое. Так, вот, мы менялись. Этом тебе даст немножко, вот... Выхаживались люди. Как-то же жить надо. Что-то же надо. Мух же ни ягоды, ни грибов не пойдешь собирать. — Никуда не поедят. Я помню, нас вывели на работу... Еще до того, как я в этот лагерь из. М-м, парк Челюскинцев — у нас есть такая. Там, что-то, зрела заготавливали... Что-то — я не помню. Ну, а потом нас привели обратно. И вот такая франшиза разыгрывалась у нас, я помню. Я еще на... Что, если нам сейчас удрать? Мух где-то цыгане... Может нам к цыганам прилькнем. Мух, знаешь, франшиза... Это просто — о уже целые часы кобь за что-нибудь. Конечно, никуда мы удрать не могли, потому что нас мух же прикоманили. И-и вернулись. Сели в эту машинку и вернулись. Были случаи, что наши ешущие подходили. Нам что-нибудь... Русские ешущие. А-а, стараюсь что-то такое нам дать. Но это очень редко. Потому что они боялись. Был случай, когда одна студентка наша, вообще, стала суживать носы. Их было две подружки.

Одна - русская, одна - еврейка. И вот, эта Соня Эдельсон - она в гетто даже не... еще не успела попасть. Она сразу... Был лагерь военнопленных, где наши пленные были. И она шла... Группа целая людей их. Они, и-и, ну, помогали. - Приносили вещи какие-то. Чтобы могли они удрать как-то. Кто-то забирает, кто-то выводит, кто-то - это-то... Вот так. И она, вот... Это всего лишь продолжалось очень... пару месяцев, может быть. Потому что... И их повесили. Все повесили. В Мемеле есть сквер. Да, там есть такой небольшой памятник. Там их несколько человек повесили. И-и она еще прислала матери записку, что, мамочка, ты, мол, не плачь по мне и все такое.

А ее другая подруга - ^{Варвара Сорокина - Пиня} Соня Барбарук такая была.. Мы шли по лесотовой. Мое время на работу. И вдруг она нас увидела. А уже прошло много времени. Уже прошло. Уже было много поворотов. Уже, наверно, был 42-й, может даже 43-й. Наверно, уже 43-й год. Так она увидела нас и она, значит...

Обвинять ее тоже нельзя. Она подошла к нам не могла, потому что их тоже бы... Но она нас увидела и она крикнула: Девочки! Вы еще живы?! Понимаете? Это получилось, может быть, не так уже с ее стороны, э-э, э-э, но она нас этим очень обидела. Мам... моя подруга, это вот, в

которой мне все время вместе, она говорит: Да, мы живы. И надо всем врагам, мы будем жить.

Она: Ой, девочки, девочки, я вам поскорее сделаю. Вы не теряйте со мной связь. Я вас буду здесь подкармливать. Я вам принесу... Все...

Вы ее видели? Так мы ее видели. А потом, когда - а освободили Минск, когда вернулись наши советничисхун, она вместе с нами кончала 5-й курс. Но о ней пошли всякие слухи: что она слыхала немцами, что она там у них какие-то курсы кончала, всё.

Ей дали кончить институт. Еще, я помню, наши профессора говорили: Ну, не я буду, если я ее не завалю на государственные экзаменах. Ну, дали ей кончить институт, а потом, когда уже я... Долго меня не было в Ленинске. Когда уже мы вернулись в Минск, я работала и одна врач со мной работала, и она мне рассказала. Она ее знала. Мина Барбарчук. Она говорит: Я знаю. Мина сидела пять... 7-7, 10 лет. За, м-м, сотрудничество с немцами. С фашистами. Вот. Потом ее освободили без права проживания в Ленинске. Потом ее повесилила одна наша сержантка, которая всю войну была на фронте. Она ей дала мам!

Ну, так, такие отдельные эпизоды. Их было много.

Ведущая: - А вот в лагере разговаривать особенно нельзя было, но Вы, вот, помните людей?

Вот лица, там. Вот запомнился -
кто-то красивый, кто-то не красивый.
Как, вот, это было, вообще? Это замеча-
ешь когда...

Р.А. Ну-у, запомнился как-то. Во-первых, было много
очень своих. Были мои одно... мои одноклассники,
мои одноклассницы. С которыми мы... Вот, у
нас была такая хорошенькая студентка - Розочка
Барок. Как она погибла. Она жила... Знаешь,
вот граница... А-а, вот - гетто, а вот - уже
русский район, начинается. И тут, ы-ы, ох...
охрана такая, где полицейские дежурили. И
вот, значит... А она очень хорошенькая была.
И вот один полицейский познакомился с ней.
Так - через провооку, через что? Он говорил:
Я тебя спасу. Я тебя спасу. Ну, и она повери-
ла ему. Все это. И она, значит...

"Ну, собери... Никого не собирай, но собери
несколько людей и-и а-а Вас отведу к парти-
занам."

Ну, вот, она нам это все рассказала. - Это
вот, значит, девочки, вот, значит, тогда-то
и тогда-то, только немножко не говорите. -
И-нае выводит, ^{значит,} полицейский, и-и вот, возмо-
жно мы будем... Нам удается уйти в партизаны.
Все. След ее просматривает. И он их... Он их нико-

го... Ну, опять - говорят. Мы уже не знаем. Но говорят, что он их не довел в партизаны. Он их сдал в полицию... Сдал в-в... жесовцам. Вот. Ну, были еще такие... Был, м-м, было, которых я знала, которых я полищала, кого... которых уже нет в живых. Но много лиц... Я знаю, вот, что, вот, была такая, поленю я такую фамилию, а, вот, припомнишь лицо я не могу. Поэтому что мы уже, знаете, вышли как-то из памяти.

Ведущая: — А из одноклассников? Вот, какие судьбы? Что помните? Как в гетто было?

Р.А. С одноклассников в гетто? Ну, вот эта была Рая, с которой лет были вместе. Поэтому что были... или и в институте, и... Но-во-во, больше не было. Вы знаете, не было больше.

Ведущая: — А из института?

Р.А. А из института было много.

Ведущая: — Расскажите про них, вот, что помните.

Р.А. Ну-у, я что могу рассказать? Я не обо всех знаю. Я-м, две студентки, которые, вот, вместе со мной работали в этом лагере номер 13. В-в первый же погром их убили и расстреляли.

Ведущая: — Имена помните?

Р.А. Озку звали Люба. Ма, которая со мной была на мо... на моем курсе. А сестру ее - на соседнем

курсе, я не помню. Вот. Вот этих. Потому, по-
елю студента... как же его звали? Я уже
и забыла. Который с еломи елужем учился. —
Гордон. Гриша Гордон. Вот такой был. Может
они где-нибудь здесь, в Асферице. Не знаю. Пожа-
луй что я не знаю больше ничего о них. Ну вот,
ну вот, поелю вот таких студентов своих.
Мы знаем, что нас уничтожают. Потому что все
гетто уничтожают. Ы-е, нас... до нас приходи-
ли елужа с других районов, с других городов, что
там уже гетто уничтожено, что там уже гетто
уничтожено. Но-о вот ведь, всеж-таки, какая-
то надежда теплилась. Какая-то надежда тепли-
лась. Надежда эта была или на партизан...
Скорее всего на пар..., на то, что мы попадем в
партизаны. Вот. Ну, и наша мечта осуществи-
лась. Вот так вот.

В партизаках были разные времена. Было, ког-
да нас было, и-и там, и ну, не плохо, и хорошо.
Особенно летом. С-с-ы... Так, дружные такие
вот были. Друг другу помогали. И-и всё...
Особенно, а-а, если человек, ы-и... Вот мне,
как медработнику... Если он неиможно где-то
был ну... зацеплен... Даже небольшая рана, или
что-нибудь еще... Так они старались очень тепло
относиться. Потому что они знали... Ну, я была

без гонора, так вот. Знаете, были такие вот... у нас, например, в госпитале. Были такие, которых мы очень любили. Потому что они с фокусамы всякими. А я ничего. Если надо накормить - я накормлю, если надо помыть - я помою, если надо вынести судно - я вынесу судно. Хотя санитарки были. Я с этим не считалась. Вот так.

Вердусия: - А самый плохой день какой был в партизанах?
Р.А. Ну, наверно, самый плохой день был когда, вот, в этом болоте мы находились. Эти 10 дней. Это - орشو. А еще очень страшный день был когда мы... Первая блокада была и мы в болоте потеряли друг друга. Потеряли друг друга, потому что болото - это... Можете у Вас не правильное представление об-о болотах, вот, наших - белорусских. Но нашей белорусской пуще. И так растет... деревья стоят... Ну, не деревья, а такие кусты - высокие, глубокие, там, э-м-м... Сухостоями вот такие, сухие деревья растут, всё... Вот мы ешущие - вот тебе, вот, до сих пор. Вот ты ешущие в другое место - вот тебе до сих пор. Вот мы ешущие... Потом, за этими сухостоями не видишь... не видишь людей. За этими кочками не знаешь где ты находишься. И вот, это уже был последний день, а-а, блокады, когда мы уже вышли из леса, но я еще не знала, что мы

выидем. Я была совершенно одна в лесу. В болоте. Совершенно одна была в болоте. Со своей караваном. И когда я - а... Я, я не помню, что я тогда ощущала? Вот. У-б-б... где-то за кустиками сидела. Потому что никак-то по болоту тоже было опасно. — Вдруг кто-нибудь... И уже начало светать. И я увидела — идут люди, идут люди. Я увидела, что... Да, услышала, что идут люди. Я слышу, му, все. Это может быть полиция, или что? Что делать? Я взяла свой караван и поставила тут... Я не знаю, совершила ли бы я это? Я не могу сказать, что я уже такая смелая и я бы это сделала. Но так как я знала, как это делать..., Маеу... нас... Маеу была так ко рту этому каравану, что если это будут немцы, я ее застрелю. Это ногой, это... это я знаю, как это делается. Вот.

Не знаю. Не могу сказать, решила ли бы я на это, или нет. Не знаю. Но - о я слышу, что это идут партизаны. Так я то обрадовалась, а они не знают, кто я. Кто такая? Я говорю, что я, вот, из партизанского госпиталя.

— С какого такого госпиталя?

А они тоже бродят, и это всё

— С какого такого госпиталя?

Я говорю: му, вот, госпиталь у нас партизан-

ский и-и-и бригады имени...

— Не знаю я такого военкома! — там один.

— Кончай ее. Кончай ее, — это вот, голубчик,
он говорит. Вот так. Ну, а я, там,
начала объяснять, что, а-а... да...

Он... Один говорит... Говорит... Кричит...

— Кончай!

А другой говорит: А почему ты застряла?

Ну, пойдом с нами. Ну, на тебе кукотек, там,
сухаря, или...

Полню, маленьку даю этого... зрелищ... поже-
вать. Голодные же совсем. Вот. Ну, а потом
он успокоился. И я уже пошла с ними. Я уже
пошла с ними. А вы вышли... Уже блокада эта
кончилась. А вы вышли уже в лес. И вот там я
сразу... Сидела я с ними, я полню; им что-то
кушали да же. И встретил вот этого своего хи-
рурга. А вы, аж кажется, прослезилась. Прослези-
лись оба.

— Ну, пошли, — он говорит, искать наших.

Я уже пошла с ними. И мы уже пошли по на-
правлению к нашим. К нашему военкому.

И уже начали стекаться люди, 7-8, раненые,
и это вот... Мяселораненые же ~~были~~ сразу были...

А вы же их спрятали и мы их оставили поном.

Вот. Ну, и-и, и вот так вот. Вот это, конечно,

было очень страшно. Бели вот, представляешь себе...
 Я не помню, было мне тогда стр... очень страшно,
 или нет. Я не помню. Потому что... Но... Вот,
 вот так вот, закрыли глаза и представили, что
 лес... а-а... колодно... а-а... мы всевозру-
 шчи, кроме зверей. А зверей было очень много.
 Очень много было зверей. Диких зверей было очень
 много. Потому что когда я тогда этих людей
 с этими ранениями, так им издала видела как
 проходили... Так, это самое, мы говорили: Бели
 бы мы знали... Если бы я была бы боевым муж-
 чиком какой-нибудь, я бы, может быть бы, при-
 стреляла бы кабана дикого и мы... у нас было
 бы что кушать. Но мы же этого не могли. Я же
 этого не могла сделать. Вот. Так эти зверей
 было очень много. Очень много зверей. Дикие каба-
 ны... А-а, там, ну, всякие... Дикие козы.
 Вот, всякие такие дикие звери были. Так это,
 вот, ночью, озно, не знаешь где ты, кто тебя
 окружает, и-и слышишь как плачущие эти зве-
 ри. Вот, он подойдет сейчас к тебе, и всё.
 Понимаете? Так я говорю, я даже не помню вот
 этого чувства страха. Он был, конечно, у меня, но
 я его не помню.

Р.А. Ну, все, наверное. Нет? У Вас еще...

Варуцав. — А Вы мечтали о чем-нибудь во время

войны? Вот...

Р.А. Все время мечтала.

Ведущая: — О чем мечтали?

Р.А. О чем я мечтала? Что вот, что я - а...

Во время пока я в гетто находилась?

Ведущая: — И в гетто, да, и...

Р.А. Ну-у, все время мечтала. Мечтала, что... что я останусь жива, что я кончу инсульту, что я встречу своего сына, что я встречу мою маму и мою сестру. 7-7-7, все время эти и жила. Мечтала. Все время мечтала.

Ведущая: — А Вы скучали по мужу?

Р.А. Ну, конечно. Но у меня, честно говоря, было очень мало надежды, что он жив. Но я представляла себе так. — Что на фронте... Ну, тогда еще зима, да? Покажется еще. Зима на фронте, все время под огнем! Ну, как это человек может остаться жив?! Я, я не надеялась.

Поэтому, когда было вот это письмо, с нами была немерика. Со мной и с моей подружкой.

Мы... мы не знали как его читать и где его читать. Мы спрятались в какой-то угол, потом мы бежали, потом я прибежала... Потом мы вернулись в этот - и-и, а в, ну, в городской сад, где нас... Парк имени Горького, где мы все пока еще находимся. И мы... и в... невесте.

идея какая-то... Захожу в сар и махаю,
еда... мажу, мажу вот этим вот письмом.
А там уже друг другу передают. Откуда? —
Никто еще не знает. Мы догадывались, что...
Все кричат: Раз от мужа получила письмо,
Раз от мужа получила письмо! И всё...
Все, все меня окружили, и уже это письмо пош-
ло по рукам. Все уже читали. Вот.

Так что метлой только и жили. Бессиб не,
не было в чем метать, так бы — бы... И жизни
бы... За жизни бы не цеплялись. Мы только гово-
рили с моей подружкой так: — Когда мы были...
учились, догнали, в институте и там сдавали
экзамен. Как мы дрожали! Как мы волновались!
Вот, если мы останемся живы, и мы будем сда-
вать экзамены, мы уже никогда волноваться
не будем. И (пошло) пошла на 5-й курс — все
повторилось сначала. Боже, ^{как...} какие мы были ду-
раки! Из-за чего мы волновались? Мы волнова-
лись, что нам надо экзамены сдавать.

Ведущая: — А Вы сами когда-нибудь, ну, вот так,
благодарили бога, или судьбу? Вот, спасибо,
что спаслись. Или как?

В.А. Ну, если так как-то, не-е, не эмоционально,
не осознанно — просто "слава богу!"
Потому что мы... Дери у нас же... Нам не приви-

бали никакую веру. Нам никто не прививал.

К сознанию. Мы языка ма не знали. Чи-и этого...

Вот в то-то я, по сути, е-е... дела стала по-
нимать все. Еще говорить я и сейчас не могу. А

понимать — я понимаю все. Я начала понимать в
то-то. Потому что там все разговаривали, в основ-
ном, по-своему. Там я начала понимать язык.

Ведущая: — А, вообще, как Вы считаете? Вот, все-таки
Вам встречалось больше... Вам встречалось больше,
так сказать, хороших людей, которые Вам помо-
гали, или, вообще, Вы сами как-то проб...
так сказать?

Р.А. Ну-у, в мармизаны, в общем-то, мы сами пробива-
лись. Но, вообще, я считаю, что больше хороших людей.
И в-в, в сибирские, вот, когда я училась...

Ну, в школе — это, вообще, было беспроблемное такое
детство. А уже потом, уже после войны — когда
я училась, так к нам с большим сочувствием отно-
сились. Чи-и, как-то-о... Конечно, хорошие люди бы-
ли. Но просто с плохими старалась не иметь дела.

Может быть, были бы плохие. Но я как-то выби-
рала себе друзей. А потом у нас было очень много
друзей. Муж военный был. В Германии были дру-
зья. На Сахалине мы были — друзья. И за них пор-
друзья. Но уже кто-то умер. Или, или-он, или-
она. Погибли... Одна пара только осталась, да еще —

-муже и жене. Они были полновозрастные, так мы
до сих пор... у нас везде были друзья и везде мы
очень и очень, 7-7, поддерживаем, м-м, поддержива-
ем связь. Мы даже ехали летом отдыхать в Ев-
паторию. — крч семьи. Спешали сахалинские
друзья. И съехались. Это было тоже интересно.

Ведущая: — А как вы нашли этих людей, с которыми
вы из гетто ушли в партизаны? Или это они
вас нашли? Вообще — почему вас? Или?...

Р.А. Ну, как? В Ленинске как я их нашла, или как?

Ведущая: — Нет. Как, вот, эта группа организовалась ва-
ша, чтобы уйти из гетто в партизаны?

Р.А. А, из гетто — в партизаны? Ах, вот, просто как-
то дружили втроем, вот. И ча... Позднее же вот
этого... Самая близкая. — Она же ушла раньше
немного. Она, собственно, тогда Симошке и по-
сказала. Что-о... в... чтоб она, значит, нас там
разыскала. Ну, а мы тоже собира... стережем
эту Симошку. А мы-ы, вот... Вот это было
у нас общее. Она — вот эта позднее — она ушла
без ничего. Как-то, вот, какой-то случай подвер-
нулся и она ушла. Поэтому что это все принадле-
жало нам всем. И ей тоже. А когда мы-ы, зна-
чим, 7, 7... Она уже ушла и мы, вот...
так мы... Вот, нас — трое. И, это самое... Вы
знаете что? Вот его я помню. Еще одну огневую

Наверное, третий
один врач Р.А.

хорошо помню. А вот третья - не могу вспомнить.
Не могу вспомнить, и все. Ну, мы не то, чтобы дру-
жили... Мы тогда этот вопрос обсуждали вместе.
И как это сделать, и как уйти, как к нам эту Силотку...
и все такое.

Ведущая: - А какие у вас были инструменты когда вы работо-
ли врачом в отряде?

Р.А. В отряде. Ну, коль у нас уже организовался госпиталь...
Нам ведь сп... м.м... спускали самолетами м-медика-
менты. Все нужное. В основном. Так что у нас...
У нас аптека была в госпитале. Мы-и-и... Ну, ко-
нечно, токое, знаете... Всем у нас появля... появля-
лось, там, несколько тюбиков стрептоцида в то
время, или сульфадимезина, так это было уже что-
то такое... Мы уже берегли как не з... как зеницу
ока, и тоже самое - инструменты были. Шприцы
были. Конечно, не одноразовые. Мы их чистили. Вот.
Были шприцы, были, м-м, ну, бы... А у хирургов
были скальпели без хирургического вмешательства.
Для того, чтобы делать операции. Потом, когда гос-
питаль расформировали, мы одну, по-моему, повозку
взя... сделали как-то. И это вы-вели все.

А там они уже по отрядам, наверное, распределены.

Ведущая: - А и вообще, вот, когда все началось, вот
когда вы... Вот вы зак... Так сказать, вот,
прогналка эта и началось война. Вот, было

ли какие-то у Вас, а ну, учение какое-то, которое, вот, потому Вам очень пригодилось?

Р. А. Ну, что еще уже у...? Ну, мы уже кое-что учили. Как еще... еще... Кончили 4 курса медицинский. Мы могли все. Мы могли укол сделать-и. Укол сделать. Ну, операцию, зондирование, мы не могли сделать, но, а-и, там, где-то с-с, эти с-с скобки наложить мы могли. Все перевязки делать мы могли. ~~Вот~~ Любимый укол сделать мы могли. Вот. Ну, а насколько мы... наша практика началась с родов, вот, она мне пригодилась. - Я приняла роды этой девочки. Девочка родилась, девочка. Фельдшер наша - она еще, а-и... Я говорю, что я роды никогда не принимала, а тут наши два хирурга. А я говорю: Ну, Вы хоть стойте тут-и, наблюдайте. А ты, - я говорю, - я же могу... Можем какая-то патология быть и я-а не смогу. Он говорит: Мы будем рядом, но принимай ты (или было не удобно), принимай ты. А она - эта фельдшер мне говорит: Мы не волнуемся. - Я тебе тоже буду подсказывать. Ну, очень нормально все. Принимай роды. Приготовились все. Все там, - ножницы, чтобы перерезать, чтобы перевязать пуповину. Это не сложно. Когда уже этому учишься.

Ведущая: - А после войны, когда Вы дружили, Вы

Вы дружили, в основном, вот, с хорошими
людьми, или все-таки выбирали евреев на
друзей?

Р. А. Мем, мем. Мы не выбирали евреев. Мои дружи-
ли... Когда мем... Значит, вот кончилась война,
я не сразу жила там, где жили муж. И-вот.
Муж, в Германии. У нас остались в Ге... друзья в Герма-
нии. Э-э, я, вот... Муж, до последних лет. Может
быть уже пару лет только мы перестали с ними поддер-
живать связь. С одним-особенно. Он приезжал ча-
ще к маме. В гости. Он, как раз, русский. Вот.
В лице мы дружили. У нас тоже были и русские и
евреи. Вот. Хотя... больше, все-таки, как-то
приезжая, как-то старались — евреи... с еврея-
ми хуже. А на Сохалине у нас получилось так,
что мы слезались, что, вот ев... одних евреев по-
чти-и в... посылали в го... в госпиталиях. Но не
только. У нас были и русские тоже. Мы собирались
очень часто. Мы очень хорошо проводили время.
Потому что это отдаленные места. Чу-у... на
кузбине — родных мем. так мы были как родные.
Мы до... мы до сегодняшнего дня, как родные.
Вот тот, кто жив... Вот я се... вот, вот полу-
чила письмо, вот почему-то послала. В Киев.
Она меня благодарит. Уже внучка ее. Ее внучки
уже. Вот. так что-о... Муж, просто так...

Ну, были, конечно. Были и русские у нас друзья. Мы особенно... Ну, были, конечно, сре... Ну, попадались антимисемиты. Попадались, что мы явно видели, что это антимисемит. Мы с ними просто старались не иметь дела.

Васильев: — Вы приехали в Сан-Франциско когда?

Р. А. Мы приехали в Сан-Франциско, а-а, значит, 13-го ноября 89-го года. — Вот будет 2 дня. Я приехала с дочкой, с внуком и зятем. А сын мой уже нас здесь встречал. Он уже... Он уже даже работал. Он уже был здесь 8 месяцев. Вот. Ну, этот период был довольно трудноватым. Языка не знали. Но никакой специальной никуда не брели. Вот. Присматривались к канцелярии курси. Знать одни концы, она другие концы. Она работает ассистентом дантиста — "дентал ассистент". А он только, вот, 2 дня, как пошел на работу. — Программист. Концы курсы. Так это мы еще много впереди и... У меня хорошая квартира очень. Я получила однобедрушную. Полтора года стояла на очереди, но мне дали. Вот. Ну, пенсия мне хватает. Я и-и-и могу помочь даже. Но они особенно не берут от меня помощи. — Как-то сами, каждый за себя зарабатывает. Вот. Внука в университет. На 3-м курсе. В Беркли. Два мальчика в 11-ом классе. Это — дочка сын, и-и сына сын. И все подрабатывают.

Ведущая: - А когда Вы были в гетто, что-то смешное было?

Р.А. Ну, было. Евреи же народ такой - с юмором. Бывали, конечно, елешки... И анекдоты рассказывали, и...

Старались, многие старались друг друга рассмешить. Особенно те, кто с юмором, так, э-э, этот юмор у них остается до последней минуты, до последнего выдыхания, можно сказать. Он в-в... Среди них было очень много таких. И на работе, бывало, посмеишься. - Кто-то что-то такое скажет и посмеешься.

И-и-и, была у нас такая, полно... Страшно ругалась. Не удобно говорить, но...

Ведущая: - Скажите.

Р.А. Страшно ругалась всегда. Вот, мы сидели, работали. Что-то мы там складывали, сортировали, я не помню. Мне много, много евреев сидело. А-а, знаете, каждый делает свое дело. Та что-то говорит, ругается, ругается. Я говорю: Соня, я говорю, ну, как Вам не стыдно?! Она говорит: "Ну зес, зес де интеллигентки!" - Смотри, смотри на эту интеллигентку! Подумай! - Ей не нравится, что я ругаюсь. Я это запоянчела.

Ну, было много, и-и, было. И моя свекровь была довольно с таким юмором. Она иногда так, что-нибудь скажет - немножко подержит. Ну, так вот.

Ведущая: - А расскажите еще, вот, про Вашу свекровь и про свекра. Как им в гетто жилось?

Р. А. Ну, мы жили... ну, как? Это в... сразу увели
на работу. И^{он} не вернулся. Наверно, какая работа? —
мы дураки. Ну, какая-нибудь работа, что мы
не должны были знать. Или они копали ямы... для
себя же самих, для нас, для всех. Или что?...
Но этого... Это очень много таких людей привели
и они уже не возвращались. Вот. Ну-у, а она, э-э...
работала вместе с нами в этом лагере. Она все
успела сделать. Она даже там... Ее даже старались
на черные такие работы не давать. Там, что-то
починить, что-то такое. Так она, вот... Ну,
а-а... Потом она нас-и с подругой, собственно го-
воря... Она была хозяйка, она всё... И-может
быть мы бы не сумели так — как-то выкручиваться.
А она как-то, вот, выкручивалась. Мы-и — голодные,
голодные, но все же, что-то мы все же — таки ели,
что-то мы получали. И это она... И, потом,
ее очень любили русские женщины. Они ей всегда
старались что-то принести, что-то дать, как-то
подкормить. Вот так вот. Это тоже было очень
рискованно. Этого нельзя было. Ну, и вот, когда уда-
лось уйти... а-а, в партизаны ей — когда бом-
били Лы... Лынек, так она как-то была, может
быть, даже и зачинницей. Вот так вот. — Пои-
дем, и будем уходить, и все. Схватила, там,
какие-то... Все же брошено было. Схватила бы-

бончик... Она меня что-то са... Что она
идет в деревню... Бончик... В этом бон-
чик - там, кусочек хлеба, кусочек сала. Я не
помню, что у нее было тогда. И пошли.

Пошли, пошли, пошли. Вот. А в партизанах
она тоже очень хорошо, 7-м-м. Она хорошая
хозяйка, она готовила там... на кухне.

Потом там, а-а, у заехавшейся колончи-
ра отряда родилась двоиня. А-а, ее жена...

Родилась двоиня. Они ее взяли к себе. В, в ня-
ньки, в помощь. Она им помогала. Ну, поскольку
она такая женщина была такая - смелая, и по-
том, такая м-м... Она им... и... и с ува...
с уважением к ней относились, всё...

Ну, вот, она... Она поддерживала со многими,
потому что она была в есрейном отряде. В этом
- Зорина. Она со многими очень поддерживала
связь, всё. Но я не всех знаю, конечно. Потом,
я же... им же не ждали... им приехали, м-м,
его с 7, значит, с 46-го... с 45-го даже...

Ну, с начала 46-го и по 63-й им в Ленинске не
жили. М-м, даже ж, да - в 63-м им при-
ехали в Ленинск. Муж дезобичивался

Ведущая: - А замуж она вышла в отряде за рус-
ского?

Р.А. За Западного еврея.

Василис: - За еврея, да? Вы сказали, что
корову свою нашел, свинью нашел.

Р.А. Ну, это - да. Да, у него было хозяйство.
У него было хозяйство. Знаете, как евреи в
последнее время? Они и молились богу, и-и-и
свинину кушали. Вот.

Василис: - А помните что-нибудь из ее шуток
в это? Из свекрови шуток?
Или другие какие шуточки?

Р.А. Ну-у, я не могу как-то даже сейчас припом-
нить. Не могу я сейчас припомнить.

Василис: - Словечки какие-нибудь? Любимые
словечки?

Р.А. Ну-у, знаете, она, вообще. Она говорила с
таким акцентом еврейским. Она-а, она внеш-
не... Но, как она заговорила... А внешне была
типично русская женщина. Но когда она заго-
ворит - сразу понимаешь, что она еврейка.

А-а, вот. Ну-у, ничего, так вот. Ну и...
Ну, и просто
~~она, кажется~~, такая женщина была...

Не плохая. Сестра очень поддерживала, очень,
вот, как покармливала покармешь, и, а, мы...
Уже учились. С подругой. Она там счита-
ла, что эта подружка - ее дочка, а я -
невестка. Мы живем все вместе. - Как-
то же надо было представлять, так она

так говорила все. Так она-а-а, это вот... Нам все время, всё это... Мого только сын не привозил... много продуктов оттуда. Иногда она приезжала — она привозила. Ну, на троих. Еще мужа брат жил в леснике. Вот. Так она как на троих. Всё на троих.

Конечно, когда я учился на 5-м курсе... Уже учусь. Ну, что, это мой муж жив? Я уже знала, поскольку мы переписывались. Когда я учился на 5-м курсе, до того, как мы еще жили в общежитии, мы жили у какой-то родственницы моей подружки и она нам кушечку там на двоих давала... Там, родственники погибли, она сама, м-м, наверное, с фронтом — она была на фронте. Ну, занималась... Ну, она нас пугала. Ну, мы ей платили даже. Я не помню как это было. Вот. Это было как-то за железной дорогой. Так мхний дом... Улица эта была.

Ну, муж мой знал мой адрес, куда... Где я живу. Вот. И вот, мы вечером пришли из института. Она тоже училась. Она в институте училась и работала. Пришли из института. Кушали

вместе. Там, каму какую-нибудь у меня, или что... Мы всегда вместе питались. Вдруг, мы видим в окне кое-что... Лицо какого-то военного. Она крикнула это, а... При этом, она его не знала. Мы с подружкой знали, она же его не знала!

Значит, он так вот заглядывает в окно. Он ходил, это... Пер... Такие пер... Голосные звуки низкие. Он ходил, он искал. Во-первых, темно уже было. И, и видит лицо какого-то военного. Она крикнула: Ой, говорит, - Лева причесал! Вы знаете, вот так вот.

Ну, мы были просто ошарашены. Открыли дверь — и, действительно, мой муж... является. Ну, можете себе представить.

А на следующий день мы пошла в институт. Вот. А подружка моя пошла, значит. Веее говорит... А нас же в институте... Мы учились вместе. Правда, он был на курсе старшем. Нас все... Все знали, что эта пара, которая поженились, и все... А-а, так, и... А у нас подру... "Почему Раи нет?" Она говорит, что Лева причесал.

— Ой, ой, какая... как... Пусть она будет счастлива! Так она такая счастливая.

Так мы ей желаем счастья. Какое это счастье!

Ну, действительно. - Это же пройти столько лет и покаяи соединитесь опять, вместе! Все находили себе друзей. Все это... Ну, а мы-ы встретились и опять... Вот.

Переписывались в начале 90-х... Ну, так вот, он тогда приехал. Он приехал проездом. Значит, ехал... Вмешдали один день покажется он там, в Минске где-то пересортировывался. Они ехали в Румынию, по железу. Вот. Ну, он у меня был, значит. Потом он меня повел в этот вагон свой. Где его эти все... Э-э, его медеанбат был. Он был командиром медеанбата в то время, кажется. Ну, там у него брати, сестры, и все. Познакомили. Они мне все начали: кто - булку хлеба, кто - консервы, кто - что. Все начали мне это вот давать.

Ну, и он, конечно, потом уехал. М-вот. Везуцас: - А где Ваша нуб пришла?

Р.А.: Там-и... В этой комнате, которую нам уступила мама... Вот.

Ну, все, наверное? Нет? Или Вас еще что-то интересует?

Везуцас: - А как Вы, вообще, с ним познакомились? И-и, расскажите как...

Р.А.: Студентами были. Он был на курсе старше.

Я была на курсе младше. Где-то была де-монстрация. - День студентов, по-моему. Познакомились там... С тех пор... Это бы-ло, а-а, на 2-м курсе я была, а он - на 3-ем. Ну, а он - на 4-ом, я - на 3-ем, - и познакомились. Потому что он был стар-ше меня на-а 5 лет... почти на 6 лет.

не разговаривал, разговор беззвучный

Веруца: - Вн что-то сказали...

Р.А. Я уже не помню.

Веруца: - На 5-ом курсе, вот... Про Ваше знакомство, наверное, или про...
Что-то новое...

Р.А. Но я уже, наверное, не помню, что. Ну, что-нибудь уже не существенное, коль я это сейчас...

А-а, что я хотела сказать? - Что я в 39-ом вышла замуж. Значит, я тогда мы учились. Вот. А сына я родила в 43... ы, вы... м-м... в 47-ом году. Вот. Поэтому что мы не жили вместе. Мы не знали ничего друг о друге. Живы ли, или не жи-вы мы?

Так это?

не разговаривал, разговор о фотопортретах

Ведущая: - Мама немножко ниже. Уголки.
За уголки фотографии...

Р.А. Уголки?

Ведущая: - Вы сначала у знакомой, а потом
девочкино лицо закрываете на фото-
графии...

Кто еще на фотографии с Вами?

Р.А. А-а, моя подруга школьная. Первые классы
моя подруга - Люба Ракова. ее... Не знаю,
жива она еще, или нет. Потом дружба
между нами уже не было.

Ведущая: - В каком это году может быть?

Р.А. Так. Это - в 1-ом классе. Значит, я -
19-го года... М-м, и, лет мне было.
В 26-ом году, наверно.

Ведущая: - Покажите фотографию.

Лет. 26-ой год.

Р.А. 26-ой год.

Ведущая: . . . . .
(мелко) Потом . . . . .

Р.А. В 46-ом г... В 47-ом году. Я сына родила.

Ведущая: — А кто на фотографии?

Р.А. Я, моя хозяйка, а-а...

Ведущая: — Она кто?

Р.А. Орау Геркольф. Хозяйка нем... У которой мы квартиру снимали... квартиру снимали в Германни. Вот.

Ведущая: — А она — немка?

Р.А. Немка. Конечно, немка. Вот. И-и-и, и ребенок, которого она покупает.

..... Так. Сейчас я вспомню...

..... На Сахалине. У меня родилась Наташа. Это, значит, было... 53-ий... 53-ий, или 54-ий год. Вот так вот.

Ведущая: — На Сахалине.

Р.А. И-и. Я бы знала — я бы принесла другие фотографии. Это у меня случайно были. Всё?

Ведущая: — А это что?

Р.А. Так. Вот такое тоже врезана... Томе...

Сорок-э, м, это...

Ведущая: — 54-ий?

Р.А. Как я назвала?

Ведущая: — 53-ий — 54-ий год.

Р.А. Да, 53-ий — 54-ий год, наверно.

Ведущая: — На Сахалине? Когда?

Р.А. На Сахалине, да.

Так... Ну-у. Вот это моя...
муж с дочкой. Значит, в 53-ем она ро-
дилась. — Где-нибудь, 56-ой, наверное.
57-ой, 56-ой год.

... Так. Это тоже, наверно. Потому
что, я смотрю, у того же ковра. 56-ой —
57-ой год.

... Это где? Было уже, наверно, в Лиге.
Ну, примерно, тоже — ну, пятьдесят...
и... может 55-ый, вот так вот. Вот.
У него больше шевелюра, может быть.
Больше волос.

Ведущая: — А какое звание у него?

Р.А. Подполковник.

Ведущая: — Подполковник медицинской...?

Р.А. Подполковник медицинской службы, да.

Так. Вот это вот — в 63-ем году
меня провожают. И даже число написа-
но — 6.11.63 года. Мы выехали из
Лиги в Лигу. Муж демобилизовывается.
Он пришел ко мне в диспансер, где я ра-
ботала, и-и вместе с мамой... сорока-
грозился.

(нежно) ... Наверно фотосграфировал...

Это уже я в Ленине. в 64-ом,
или в 65-ом году. Полклиника "Дачно-
завода". — Я там работаю.

Все. Ну, а это вот-сейчас. Это
не когда, наверное.

— Сан-Франциско?

Сан-Франциско. Или поехали на цве...
на экскурсию в цветочную фирму...
Какая-то.

Все.